

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Сергушкин Сергей Сергеевич
Генерал А.Е. Эверт (1857 – 1918): жизнь и деятельность

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
к. и. н., доцент О.Р. Айрапетов

Москва 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Жизнь и карьера А.Е. Эверта до назначения на пост главнокомандующего армиями Западного фронта.....	30
§ 1. <i>Период до начала Первой мировой войны</i>	30
§ 2. <i>А.Е. Эверт на посту командующего 4-й армией</i>	54
Глава 2. А.Е. Эверт во главе Западного фронта	99
§ 1. <i>Роль Эверта в механизме управления Западного фронта</i>	99
§ 2. <i>Руководство оборонительными действиями Западного фронта</i>	118
§ 3. <i>Организация защиты войск фронта от боевых отравляющих веществ и их применения в наступательных целях</i>	144
Глава 3. Планирование и проведение Нарочской операции. Анализ ее опыта командованием Западного фронта.	178
§ 1. <i>Разработка плана наступления</i>	178
§ 2. <i>Проведение Нарочской операции</i>	200
§ 3. <i>Уроки Нарочи</i>	216
§ 4. <i>Вопросы снабжения</i>	231
§ 5. <i>Обучение войск</i>	246
Глава 4. А.Е. Эверт от Брусиловского прорыва до 1918 г.	255
§ 1. <i>Выработка плана нового наступления</i>	255
§ 2. <i>Коррекция планов. Наступление на Барановичи</i>	279
§ 3. <i>Участие А.Е. Эверта в событиях Февральской революции и его судьба после отставки</i>	299
Заключение	320
Список источников и историографии	326

Введение

Начало XX в. стало временем серьезных испытаний для русской армии. Тяжелое поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. вскрыло множество ее слабостей, причем одной из основных, по мнению многих современников, оказалось управление на уровне высшего командного звена. Подготовка Российской империи к новому военному конфликту, которым, в конечном итоге, стала Первая мировая война, имела комплексный характер. Была проделана значительная работа над ошибками, но то, как изменилась практика управления войсками на самом высшем уровне и насколько генералы, командовавшие армиями и фронтами в годы войны, оказались на высоте своего назначения, остается серьезной исторической проблемой. Ее решение невозможно без отдельных биографических исследований, посвященных наиболее значительным фигурам среди командования русской армии, в число которых, безусловно входит и А.Е. Эверт.

Актуальность темы исследования. Судьба Алексея Ермолаевича Эверта удивительно переплетается с судьбой Российской империи. Формирование Эверта как профессионала практически совпало со становлением новой пореформенной армии, вместе с ней он прошел через горнило трех войн – русско-турецкой 1877-78 гг., русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой, завершив свою службу вместе с падением императорской власти в марте 1917 г. При этом Алексей Ермолаевич лишь на несколько месяцев пережил Николая II.

Эверт являлся представителем нового поколения военной элиты. В его чинопроизводстве ключевую роль играла не знатность его рода, а личные способности и таланты. Он получил блестящее образование – военная гимназия, военное училище, а затем и Николаевская академия Генерального штаба. Служба же в передовом в военно-научном плане Варшавском округе позволила существенно дополнить и расширить его академическое образование. Исследование биографии Алексея Ермолаевича определенно

станет важным подспорьем в поиске ответа на вопрос, насколько подготовлено было высшее военное командование русской армии к вызовам военных конфликтов начала XX в.

Русско-японская война плотно связала имена Эверта и А.Н. Куропаткина в историографической традиции в единое целое. Пространные рассуждения о преемственности взглядов, и даже о некоей школе, к которой принадлежал Алексей Ермолаевич, редко подкрепляются соответствующим анализом источников. обстоятельное исследование служебного пути генерала позволит не только раскрыть, какие личные отношения возникли между этими крупными историческими фигурами, но и то, насколько начальник повлиял на подчиненного в профессиональном плане.

Первая мировая война навсегда изменила политический ландшафт Европы, стала катастрофой невиданного масштаба. В военном деле происходили стремительные изменения, бурно развивалась техника. Эверт оказался в центре этих процессов. Его военная карьера достигла своего зенита именно в эти годы.

Под управлением Эверта 4-я армия в тяжелейших боях отстояла Люблин в августе 1914 г., а во время Великого отступления нанесла противнику мощный контрудар под Вильколазом. Столь славный боевой путь делает актуальным исследование принципов и особенностей, на которых строилось управление 4-й армии. Проявив себя на посту командующего армией, Алексей Ермолаевич столкнулся с еще более серьезным вызовом. В августе 1915 г. он был назначен главнокомандующим Западного фронта – самого крупного среди всех европейских фронтов русской армии.

После ликвидации Свенцянского прорыва война перешла в позиционную форму. Соответственно, помимо восстановления боеспособности войск фронта, перед главнокомандующим встали и две серьезные проблемы: во-первых, нужно было обеспечить устойчивость собственной обороны; во-вторых – решить сложнейшую задачу прорыва укрепленной позиции противника. В этой связи необходимо подчеркнуть, что под руководством Эверта были проведены

две крупные наступательные операции – Нарочская и Барановичская. Кроме того, Западный фронт в оборонительном плане решал стратегическую задачу прикрытия основных путей на Москву. Таким образом, изучение биографии главнокомандующего Западным фронтом позволит пролить свет на важнейшие вехи развития военного искусства в годы Первой мировой войны.

Следует заметить, что Эверт играл ключевую роль в планировании кампании 1916 г. Именно с этим аспектом его службы преимущественно связан интерес исследователей к данной исторической фигуре. Алексей Ермолаевич прочно вошел в историографию как человек, «погубивший» Брусиловский прорыв. В то же время, значительный комплекс делопроизводственной документации штаба Западного фронта, позволяющий объективно определить роль Эверта в данных событиях, не был проанализирован исследователями во всей своей совокупности.

Примечательно и то, что Эверту по долгу службы пришлось часто взаимодействовать с начальником штаба верховного главнокомандующего – генералом М. В. Алексеевым (с которым его также связывали дружеские отношения). Это открывает возможность выявления принципов, на которых строилось взаимодействие Ставки и фронтового командования, что представляет значительный интерес для изучения истории Первой мировой войны.

Главнокомандующий Западного фронта принял активное участие в разрешении судьбы русской государственности во время Февральской революции. Он стал автором одной из телеграмм, призывавших императора отречься от престола. Однако его участие в политических событиях не окончилось этим: после отречения Николая II Эверт предпринял отчаянную попытку поставить политическую ситуацию в стране под контроль высшего военного руководства. Эти обстоятельства по-прежнему остаются не раскрыты в историографии.

Занимая высокие посты в иерархии русской армии, Алексей Ермолаевич

был одним из творцов побед и поражений России, ярким представителем военной элиты. При этом биография генерала крайне слабо освещена в исследовательской литературе (отчасти это связано с проблемой отсутствия воспоминаний Эверта и личной коллекции документов). Таким образом, изучение биографии А. Е. Эверта представляется актуальным и позволяет по-иному взглянуть на некоторые ключевые вопросы истории России конца XIX – начала XX вв.

Таким образом, **цель исследования** заключается в воссоздании биографии А.Е. Эверта. Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть карьеру Эверта до начала Первой мировой войны. Дать комплексную характеристику взглядов и способностей Алексея Ермолаевича как военного специалиста, выявить его личные качества.
2. Проанализировать деятельность Алексея Ермолаевича на посту командующего 4-й армией в 1914-1915 гг.
3. Определить роль Эверта в механизме управления Западного фронта.
4. Изучить меры, предпринятые Алексеем Ермолаевичем для обеспечения устойчивости обороны Западного фронта, в том числе от химических нападений противника.
5. Определить вклад Эверта в планирование Нарочской операции. Выявить особенности управления войсками со стороны главнокомандующего армиями Западного фронта в ходе ее проведения. Проанализировать выводы, которые были сделаны Алексеем Ермолаевичем после провала Нарочской операции.
6. Выявить позицию Эверта на совещании в Могилеве 1(14) апреля 1916 г., где обсуждался план предстоящего наступления русской армии. Выявить обстоятельства и причины коррекции этого плана и роль главнокомандующего армиями Западного фронта в этом процессе.
7. Определить роль Эверта в событиях Февральской революции и описать

дальнейшую судьбу генерала. Выявить политические взгляды генерала и его оценки важнейших политических событий.

Объектом исследования является генерал-адъютант Эверт как один из наиболее значимых представителей военной элиты Российской империи начала XX в.

Предметом исследования выступают различные стороны его жизни, профессиональная деятельность, взгляды, особенности его личности.

Хронологические рамки исследования соответствуют периоду жизни А.Е. Эверта – с 1857 по 1918 гг.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научной объективности и системности. Использование принципа историзма заключается в том, что биография А.Е. Эверта рассматривается через призму определённого исторического периода в причинно-следственной связи с различными событиями и в их взаимной обусловленности. Суть принципа научной объективности состоит в использовании всего имеющегося комплекса источников с его беспристрастным и взвешенным анализом, без заранее подготовленных схем и оценочных суждений. Принцип системности направлен на рассмотрение управленческой деятельности Эверта на различных должностях в комплексе, раскрытие взаимного влияния предпринятых им решений друг на друга, а также на поиск их взаимосвязи с другими конкретно-значимыми факторами.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в рамках диссертационного исследования впервые комплексно изучается биография одного из наиболее значимых представителей высшего военного командования Российской империи начала XX в. А. Е. Эверта. Для написания работы привлекается значительное количество исторических источников, большинство из них впервые вводится в научный оборот. В первую очередь, это обширный комплекс делопроизводственной документации штаба Западного фронта. Данные материалы позволяют осветить значительный круг вопросов,

связанный с управлением войсками в годы Первой мировой войны и ролью в нем генерала Эверта.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. А.Н. Куропаткин помог в продвижении Эверта по службе, но его роль в формировании профессиональных взглядов и навыков Алексея Ермолаевича была невелика. При этом Эверт являлся одним из самых ярких командующих армиями Российской империи в годы Первой мировой войны. Приняв руководство разбитыми и деморализованными войсками, генерал смог в тяжелейших боях отстоять Люблин. Контрудар под Вилколазом, нанесенный противнику корпусами 4-й армии, являлся выдающимся образцом военного искусства.

2. Эверт с момента вступления в должность главнокомандующего армиями Западного фронта вынужден был думать о повышении устойчивости обороны фронта. Здравое оценивая возможности противника, генерал сумел вовремя вывести свои армии из-под удара в ходе Свенцянского прорыва. Оказавшись в новых условиях позиционной войны, главнокомандующий строил систему обороны фронта в полном соответствии с накопленным опытом и передовыми идеями в области военного искусства.

3. На основе анализа опыта Нарочской операции Эверт пришел к убеждению, что наступательную операцию следует рассматривать как ряд последовательных действий, имеющих целью захват части пространства, занимаемого неприятелем, на котором артиллерия может уничтожить препятствия для движения пехоты. Такое наступление не могло быть стремительным и при наличии у противника свободных резервов вырождалось в борьбу на истощение. С учетом того, что материальные возможности русской армии были ограничены, Эверт считал возможным сломить сопротивление противника, обладавшего очевидным преимуществом в технике, с помощью превосходства в количестве личного состава. При этом обучение пополнений

на Западном фронте было организовано слабо, количественное превосходство в пехоте не могло перерасти в качественное.

4. Рассчитывая взять реванш за мартовское поражение, Алексей Ермолаевич задумал удар на Вильно, для которого планировал сосредоточить колоссальные силы и средства. Именно его проект стал основой для доклада начальника штаба верховного главнокомандующего на совещании в Могилеве 1(14) апреля 1916 г., на базе которого был выработан общий план действий русской армии. Переоценивая реальные перспективы развития наступления Юго-Западного фронта, Эверт предложил перенести направление главного удара в район Барановичей. Эта идея была принята Ставкой лишь формально. М.В. Алексеев видел в наступлении на Барановичи средство помощи Юго-Западному фронту, а не самостоятельную операцию, что стало одной из причин провала наступления.

5. В ходе событий Февральской революции Эверт занял осторожную позицию, действуя с оглядкой на Ставку. Однако 4(17) марта Алексей Ермолаевич изменил тактику своего поведения. Главнокомандующий Западного фронта открыто выступил за сохранение института монархии с великим князем Михаилом Александровичем на престоле. Эверт рассчитывал на поддержку со стороны остальных главнокомандующих, но не получил ее.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что материалы данной диссертации могут быть привлечены для дальнейшего изучения системы управления русской армией в годы Первой мировой войны.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы и материалы диссертации могут быть использованы при подготовке новых исследований и разработке общих и специальных курсов по военной истории России.

Апробация работы состоит в том, что основные научные результаты диссертации были представлены на нескольких научных конференциях («Ломоносов–2018», «Клио–2018»), а также опубликованы в 7 научных работах

автора общим объемом 5,12 п.л., в том числе в 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология, 1 статье в журнале, входящем в перечень журналов, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

По своей **структуре** работа состоит из введения, основной части, заключения, списка источников и литературы. В ее основу положен тематико-хронологический принцип, а четыре главы основной части соответствуют основным этапам карьеры А.Е. Эверта:

Глава 1. Жизнь и карьера А.Е. Эверта до назначения на пост главнокомандующего армиями Западного фронта

Глава 2. А.Е. Эверт во главе Западного фронта

Глава 3. Планирование и проведение Нарочской операции. Анализ ее опыта командованием Западного фронта.

Глава 4. А.Е. Эверт от Брусиловского прорыва до 1918 г.

Степень разработанности темы. Специфика работы позволяет построить обзор литературы по проблемно-хронологическому принципу. Это связано с тем, что мы не найдем каких-либо крупных исследований дореволюционного или советского периода, непосредственно затрагивающих данную тему. Тем не менее, фигура А. Е. Эверта привлекала внимание историков в контексте изучения Брусиловского прорыва и Нарочской операции. Именно в рамках этих двух вопросов были выработаны основные концепции, которые легли в основу современных очерков биографии Алексея Еромолаевича. В данном обзоре я не ставлю перед собой задачи подробного описания всего обширного научного наследия историографии Брусиловского прорыва. Выделим лишь ключевые для написания биографии Эверта работы.

Монография А. М. Зайончковского «Мировая война 1914-1918 гг.»¹ является знаковой вехой в историографии Первой мировой войны. Это фактически первая попытка отечественного исследователя системно осмыслить данное трагическое явление с точки зрения военно-политической истории. Важно отметить, что именно Зайончковский заложил историографическую традицию оценки некоторых событий, которая в ряде случаев продолжает оставаться расхожей и до сегодняшнего дня.

В описании наступления русской армии конца весны – начала лета 1916 г. фигура Эверта находится в центре концепции Зайончковского. После Брусиловского прорыва Юго-Западный фронт оказался в затруднительном положении. Резервы были израсходованы, войска понесли потери, 8-я армия, развившая наибольший успех, невольно тянулась в двух противоположных направлениях – к Ковелю и Львову, где соседняя 11-я армия встретила серьезное сопротивление. При этом А. А. Брусилев не мог оставить без внимания Ковельского направления, связывавшего его с Западным фронтом, на котором был запланирован главный удар.

Если бы Эверт действительно начал 29 мая (11 июня) свое наступление, то Брусилев направил главные силы правого фланга подчиненного ему фронта на Львовское направление. Но Эверт, постепенно откладывая свое наступление, совершенно его не произвел, ограничившись частным ударом на Барановичи. Брусилеву пришлось тянуть 8-ю армию в двух направлениях – на Львов, против которого 11-я и 7-я армии наступали очень вяло и требовали постоянной помощи, и на Ковель, который являлся узлом путей подвоза германских резервов². Таким образом, автор считает, что в неудаче Брусилева во многом был виноват Эверт. Можно заметить, что концепция Зайончковского совпадает с идеями Брусилева, которые он высказал в своих воспоминаниях.

¹ Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. М., 1938-1939. Т. I-II.

² Там же. Т. II. С. 46 — 51.

Зайончковский также выступил составителем 6-й и 7-й частей «Стратегического очерка войны 1914-1918 годов»³, которые посвящены периоду от начала наступления Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до революции октября 1917 г. Данная работа представляет собой значительно более полное описание военного аспекта участия Российской империи в Первой мировой войне. Анализируя Брусиловский прорыв в данной работе, автор существенно дополняет свою концепцию, а где-то и корректирует ее. Зайончковский указывает, что Эверт своей видимой нерешительностью и осторожностью сыграл важную роль в успехе Юго-Западного фронта. Занесенный над немцами кулак оттягивал от Ковельского участка силы на весь длительный период боев. Кроме того, Зайончковский делает акцент на ошибки, допущенные самим Брусиловым, объясняя почему первоначальный успех Юго-Западного фронта не получил дальнейшего развития.

Пятая часть очерков, посвященная периоду с сентября 1915 г. по сентябрь 1916 г., написана В.Н. Клембовским⁴, который во время Брусиловского прорыва занимал пост начальника штаба Юго-Западного фронта. Неудивительно, что концептуальное содержание данного труда практически повторяет тезисы бывшего начальника автора.

Между тем, взгляды Брусилова касательно наступления Юго-Западного фронта воспринимались с сомнением уже со стороны его современников. На дискуссии о Луцком прорыве, имевшей место на публичном заседании Военно-исторической комиссии в августе 1920 года⁵, с критикой действий генерала Брусилова выступил А.А. Свечин. Среди прочего, вскрылись интересные детали, связанные с письмом Эверту, о котором Брусилов упоминает в своих

³ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. / Сост. А.М. Зайончковский. М., 1923. Ч. 6-7.

⁴ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. М., 1920. Ч. 5.

⁵ Черкасов П.В. Мировая война 1914-1918. «Луцкий прорыв» Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 года. М., 1924.

мемуарах⁶.

Бывший главнокомандующий Юго-Западного фронта заявил, что получил несколько писем с фронта, в которых выражалось возмущение тем, что Эверт – немец и говорилось об измене. Следует заметить, что сам Брусилов признал, что лично от солдат и офицеров подобных обвинений он не слышал. Он написал письмо Эверту и сообщил о критике в его адрес, попросив принять меры к «устранению поводов к нареканиям». При этом он подчеркнул, что, конечно, никакой измены со стороны главнокомандующего Западным фронтом не было. Эверт, с его точки зрения, лишь опасался сильного сопротивления на Виленском направлении со стороны крупных неприятельских сил, запасшихся значительным количеством снарядов.

Свечин в ходе дискуссии заметил, что письмо это было адресовано на имя Алексева (Брусилов с места вставил «может быть») и было отправлено 5(18) июня, т. е. всего лишь через два дня после смены направления главного удара Западного фронта. Оппонент Брусилова отметил, что эта перемена не могла так скоро сделаться достоянием масс и отозваться в письмах снизу⁷. Этот примечательный сюжет ярко демонстрирует, что Алексей Алексеевич мог не только субъективно трактовать некоторые факты, но даже не гнушался и откровенной клеветы.

Несмотря на это, комплекс идей Брусилова, Клембовского и Зайончковского плотно вошел в историографическую традицию⁸. При этом очевидные противоречия, которые обнаружились в работах последнего, остались без внимания исследователей.

⁶ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 248.

⁷ Там же. С. 17, 23, 25.

⁸ Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980; Оськин М.В. Брусилов. Царский красный генерал. М., 2013; Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М., 2014; Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914-1917). М., 2014. Т. I-II. Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 30-51. и др.

Определенная коррекция представлений произошла в середине 70-х годов⁹, когда было высказано утверждение, согласно которому инициатива изменения направления главного удара Западного фронта исходила от Ставки, а не от Эверта. Установление этого факта, однако, никак не изменило концепции в целом.

Исследователь С.Г. Нелипович¹⁰ также считает, что именно Алексеев настоял на коррекции плана в связи успехами Юго-Западного фронта. Он подчеркивает, что Эверт оставался в неведении об истинном замысле Ставки. Между тем, Алексеев принял решения сосредоточить основные усилия на развитии прорыва Юго-Западного фронта уже через две недели после его начала. Таким образом, главнокомандующему Западным фронтом поручался главный удар, но планомерно изымались средства для нанесения и развития такового. В конечном итоге Брусиловский прорыв, с точки зрения Нелиповича, принял совершенно иные формы: задуманный как средство оттянуть с участка предполагаемого генерального наступления вражеские силы, он стал поглощать запасы и резервы других фронтов, в том числе и ударного Западного фронта.

Вторым краеугольным камнем историографической традиции биографии Эверта является концепция, которая восходит к А.А. Керсновскому¹¹. Он высказал точку зрения, согласно которой главнокомандующий Западным фронтом, после провала Нарочской операции, совершенно пал духом и более не помышлял о наступлении. Н.Н. Головин¹² в своем исследовании пришел к тем же выводам. Николай Николаевич не ссылается на работу своего коллеги, а

⁹ История Первой мировой войны 1914—1918 гг. / Под редакцией И.И. Ростунова. В 2-х томах. М., 1975; Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.

¹⁰ Нелипович С.Г. «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006; Он же. Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 632-634. Он же. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на самоистощение? Отечественная история. 1998. № 3. С. 40-50.

¹¹ Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1992-1994. Т. 1-4.

¹² Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939.

так как исследования вышли в свет с разницей в год (1938 и 1939 гг. соответственно), вероятно, этот факт можно объяснить совпадением взглядов.

При этом Керсновский во многом опирается на мемуары Брусилова, причем порой возводит размышления генерала в гротеск. В частности, он объясняет перенос направления главного удара от Вильно к Барановичам «тайной надеждой» главнокомандующего Западным фронтом на то, что к тому времени, когда перегруппировка войск будет закончена, «Брусилову как-нибудь так удастся победить врага, что его, Эверта, помощи совершенно не потребуется»¹³.

Набор этих идей был заимствован и англоязычной историографией. Так, например, Норман Стоун¹⁴ выделяет Эверта в качестве антипода Брусилова, который символизирует собой все то новое и прогрессивное, что вообще можно было найти в русской армии того периода. Блестящий прорыв Юго-Западного не удалось развить из-за рецидива «ортодоксального мышления» Брусилова, решившего действовать не только в направлении Львова, но и наступать на Ковель. Однако автор тут же подчеркивает, что несправедливо было бы требовать большего у Алексея Алексеевича, так как на самом деле главный виновник неудач Брусилова – Эверт, который полностью разочаровался в возможности прорыва после боев на озере Нарочь.

Теперь перейдем к рассмотрению работ, непосредственно посвященных биографии А.Е. Эверта. Первым самостоятельным исследованием по данной теме стала статья М.В. Оськина¹⁵. Анализируя материал, изложенный в статье, можно заметить, что в основном он посвящен чрезмерно подробному описанию боевых действий воинских соединений и объединений, которые находились под командованием Эверта в годы Первой мировой войны. Для этого автор

¹³ Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 4. С. 31, 64-65.

¹⁴ Stone N. The Eastern front 1914-1917. Lnd., 1974.

¹⁵ Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 30-51.

активно привлекает работы Головина, Евсеева, Подорожного, не изменяя их концептуального содержания. Однако исследователь вносит и новые черты в портрет Алексея Ермолаевича.

Оськин указывает, что в годы русско-японской войны 1904-1905 годов Эверт всецело поддался влиянию своего патрона – Куропаткина. В ходе Первой мировой войны это скажется самым негативным образом. В то же время, автор пытается объяснить тот факт, что Алексею Ермолаевичу удавалось зачастую действовать достаточно успешно тем, что крайности в командовании, присущие Куропаткину, проявились у Эверта куда слабее.

При этом тот круг источников, который использовал М.В. Оськин для написания статьи является крайне ограниченным. Автор использовал воспоминания Игнатьева, Шварца, Редигера, Брусилова, Залесского, Гучкова, Друцкого-Соколинского, выборку из переписки Эверта с женой, сделанную В.В. Чернавиным, а также в весьма ограниченном количестве привлек материалы, характеризующие действия войск, которыми управлял Эверт (в основном это касается действий 2-й армии в районе озера Нарочь).

Статья К.А. Залесского¹⁶ во многом повторяет тезисы Оськина, доводя их порой до абсурда. Так автор раскрывает термин «куропаткинская школа», возводя ее корнями к М.И. Кутузову. В целом, Залесский не расширяет источниковую базу темы, тяготея к компиляционности изложения.

В 2016 г. вышла монография Оськина «Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г.»¹⁷. В ней автор сделал еще больший акцент на то, что главным результатом Нарочской операции лично для Эверта стал психологический надлом, который сыграл свою роковую роль в ходе нового наступления русской армии в конце весны – начале лета 1916 г. При этом важнейший для

¹⁶ Залесский К.А. Алексей Ермолаевич Эверт – забытый генерал забытой войны // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. № 1 (14). С. 53–85.

¹⁷ Оськин М.В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016.

этого идейного построения временной промежуток от завершения Нарочской операции до прорыва Юго-Западного фронта по-прежнему рассматривается на основе одних лишь мемуаров генерала Брусилов и монографии В.И. Оберюхтина¹⁸. Более того, Оськин, ссылаясь на монографию Нелиповича¹⁹, которая вступает в очевидное противоречие с отстаиваемой им концепцией, никак не комментирует позицию оппонента.

Однако исследование все же было существенно дополнено включением новых исторических источников. В частности, благодаря использованию дневника жены генерала – Н.И. Эверт, исследователь раскрыл детали жизни генерала после Февральской революции и обстоятельства его смерти. Позднее эти же материалы были использованы в статье А. В. Ганина²⁰. Автор указывает, что Оськин ошибся в дате расстрела Эверта, но это расхождение установить не удалось. И Ганин, и Оськин сходятся в том, что бывший главнокомандующий Западного фронта был расстрелян 30 октября по старому стилю.

Помимо общих работ, посвященных участию России в Первой мировой войне, существует также значительный объем исследований, которые рассматривают более узкую проблематику. Это, в первую очередь, монографии, посвященные отдельным операциям Первой мировой войны²¹. Кроме того, в работе использован целый ряд монографий, анализирующих развитие военного искусства в годы войны²².

¹⁸ *Нелипович С.Г.* «Брусиловский прорыв»...

¹⁹ *Оберюхтин В. И.* Барановичи. 1916 г. Военно-исторический очерк. М., 1935.

²⁰ *Ганин А.В.* Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49-53.

²¹ *Белой А.С.* Галицийская битва. М. – Л., 1929; *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. М., 2014. Кн. 2. Т. 3-4; *Корольков Г.К.* Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923; *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. *Евсеев Н.Ф.* Свенцянский прорыв (1915 г.). М., 1936; *Подорожский Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М., 1938; *Оберюхтин В.И.* Барановичи. 1916 г. Военно-исторический очерк. М., 1935.

²² *Вольпе А.М.* Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой

Информацию справочного характера об образовании Эверта позволяют получить работы М.С. Лалаева, Н. Веденяпина, В. Кедрина и Н.П. Глиноецкого²³. Кроме того, представление об основных положениях уставов, регулировавших тактику боя пехоты в 1860–1870-х гг. дает статья О.Р. Айрапетова²⁴. Эти данные отражают, на какой базе строилось образование Эверта.

Для воссоздания контекста Русской-японской войны 1904-1905 гг. в работе используются работы Н.А. Левицкого²⁵ и О.Р. Айрапетова²⁶. В случае с Первой мировой войной для этих целей мною использовался труд последнего «Участие Российской империи в Первой мировой войне»²⁷. Отдельный пласт исследований, использованных в работе, посвящен применению химического оружия в годы Первой мировой войны²⁸.

Подводя итоги историографического обзора, в первую очередь следует отметить, что основательной научной работы, посвященной биографии А. Е. Эверта до сих пор написано не было. Существующие работы лишь мимоходом характеризуют его, что приводит зачастую к возникновению определенных

войны. М., 1931; Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900-1917 гг.). М., 1949; Смирнов П.С. Прорыв укрепленной полосы. М., 1941; Строчков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974;

²³ Веденяпин Н. «Московский Императрицы Екатерины 1 Кадетский Корпус. 1778-1978». Кадетская переписка. 1979. № 22; Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. Спб., 1882; Кедрин В. Александровское военное училище. 1863-1901. М., 1901; Лалаев М.С. Исторический очерк образования и развития первого Московского кадетского корпуса, что ныне первая московская военная гимназия 1778-1878. Спб., 1878.

²⁴ Айрапетов О.Р. Развитие положений об огневом бое в Уставах русской армии в 1831–1866 гг.: к вопросу о военных реформах 1860–1870-х гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. № 3. С. 5-23.

²⁵ Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 2003.

²⁶ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015.

²⁷ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). М., 2014-2015. Т. I-IV.

²⁸ Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914-1918 гг. М., 1935; Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаса во время империалистической войны 1914–1918 гг. М., 1942; Спутницкий М.В., Петров С.В., Ковтун В.А. Влияние химического оружия на тактику и оперативное искусство Первой мировой войны (исторический очерк) // Вестник войск РХБ защиты. 2017. Т. 1. № 1. С. 53-68; № 2. С. 39-63; № 3. С. 51-78.

историографических штампов, кочующих из одной работы в другую. В качестве примера можно привести тезис о том, что после наступления в марте 1916 года в районе озера Нарочь Алексей Ермолаевич полностью утратил веру в возможность прорыва вражеской обороны, вследствие чего решил в дальнейшем от этих попыток воздержаться. Следует заметить, что утверждение это является лишь умозрительным заключением и не подтверждается какими-либо источниками.

В этой связи показательным является тот факт, что историки, которые исследовали конкретную военную операцию, такие как С.Г. Нелипович, Г.К. Корольков, Н.Ф. Евсеев, Н.Е. Подорожный в целом оценивают полководческое мастерство Эверта выше, чем их коллеги, авторы общих работ – А.М. Зайончковский, В.Н. Клембовский, А.А. Керсновский, А.А. Строков, И.И. Ростунов и Н.Н. Головин. При этом последний в своем исследовании, посвященном Галицийской битве, дает Эверту в целом положительную характеристику.

Фигура генерала Эверта привлекает наибольший интерес исследователей в связи с наступлением русской армии в конце весны – летом 1916 г. Ключевую роль в оценке данных событий сыграла позиция генерала Брусилова, высказанная им в воспоминаниях и транслировавшаяся через работу Клембовского. При этом в историографии, которая затрагивает данную проблематику, существует целый ряд спорных вопросов. В частности, остается неясным, кто являлся инициатором переноса направления главного удара Западного фронта в район Барановичей. Данный вопрос является ключевым для определения позиции Эверта в те дни.

Таким образом, биография Алексея Ермолаевича Эверта должна будет не только ликвидировать множество «белых пятен» его собственной жизни, но и дать ответ на ряд дискуссионных вопросов.

Источниковая база исследования. Основой диссертации послужили три группы источников: законодательные акты, делопроизводственная документация и источники личного происхождения.

Законодательные акты используются для определения полномочий командующего армией и главнокомандующего армиями фронта для последующего сравнения этих данных с реально установившейся практикой управления в годы Первой мировой войны. «Положение о полевом управлении войск в военное время»²⁹, утвержденное императором Николаем II 16(29) июля 1914 г., а также «Изменения и дополнения статей Положения о полевом управлении войск в военное время с 20 июля 1914 г. по 1 марта 1916 г.»³⁰ позволяют решить эту задачу.

Кроме того, в исследовании используется «Положение о военных училищах» 1867 г.³¹, которое позволяет раскрыть обстоятельства, позволившие Эверту после окончания военного училища поступить на службу в гвардию. Один из ключевых аспектов военного образования – обучение тактике. Юридической его основой являлся устав строевой службы³². Также мною анализируется издание Строевого пехотного устава 1908 г., с исправлениями и дополнениями, внесенными до 15(28) июля 1916 г.³³ Данный документ позволяет проследить, как менялась тактика русской армии в годы Первой мировой войны.

Делопроизводственная документация является значимым источником для изучения темы диссертации. Большая часть ее не опубликована и хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Это в

²⁹ Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914.

³⁰ Изменения и дополнения статей положения о полевом управлении войск в военное время с 20 июля 1914 г. по 1 марта 1916 г. СПб., 1916.

³¹ Высочайше утвержденное Положение о Военных Училищах: Первом (Павловском), Втором (Константиновском), Третьем (Александровском), Четвертом (в городе Оренбурге), Николаевском Кавалерийском, Михайловском Артиллерийском и Николаевском Инженерном // ПСЗРИ. Т. 42. Ч. 1. С. 945-955.

³² Воинский Устав о строевой службе. Батальонное учение. СПб., 1866.

³³ Строевой пехотный устав. Петроград, 1916.

первую очередь материалы штаба верховного главнокомандующего (Ставки), хранящиеся в фонде 2003³⁴ и штаба главнокомандующего армиями Западного фронта – фонд 2048³⁵. С помощью сквозного просмотра архивных дел, хранящихся в описях, объединяющих документы по генерал-квартирмейстерской части, практически полностью удалось восстановить весь массив документов оперативного управления Западного фронта.

Непосредственно в данной работе используется 73 архивных дела из данных архивных фондов. Это весьма разнообразные материалы – телеграммы, приказы, рапорты, записи разговоров по прямому проводу, письма и т. п. которые позволяют подробно проанализировать деятельность Эверта на посту главнокомандующего армиями Западным фронтом. Самые крупные комплексы документов связаны с ликвидацией Свенцянского прорыва, планированием и проведением крупных наступательных операций – Нарочской и Барановичской, работой над обеспечением устойчивости обороны фронта и вопросами снабжения.

Схожие по типу материалы содержит фонд 2118 (Штаб 4-й армии) РГВИА³⁶. Они позволяют проанализировать деятельность Эверта на посту командующего 4-й армией и раскрыть его роль в обороне Люблина, Варшавско-Ивангородской операции, проследить основные управленческие решения, предпринятые им на посту командующего армией.

Дополнить эту картину позволяет изданный в 1938 г. сборник документов, посвященный Варшавско-Ивангородской операции³⁷. В нем содержится, в частности, переписка командующего 4-й армией с главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. Особый интерес представляют документы о

³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 74, 75, 76, 112, 278, 279, 281, 282, 283, 496, 509, 515, 669, 704, 850, 853, 854, 1392.

³⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 6, 9, 10, 12, 17, 28, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 48, 64, 66, 68, 91, 93, 94, 95, 97, 101, 105, 108, 115, 116, 150, 152, 201, 202, 212, 218, 896, 906, 909, 911, 912, 1232.

³⁶ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 7, 10, 11, 14, 15, 534, 537.

³⁷ Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1938.

боях за плацдарм в районе Козенице от 1(14) октября 1914 года, который позволяет оценить роль Алексея Ермолаевича в данном сражении³⁸.

Еще один сборник документов, о котором необходимо упомянуть – «Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г.»³⁹. Данная публикация документов о Брусилловском прорыве до настоящего времени остается наиболее полной. Выборка материалов и принципы его отбора оказали существенное влияние на историографию темы. Следует подчеркнуть, что в сборник вошли только документы генерал-квартирмейстерской части штаба верховного главнокомандующего, Юго-Западного фронта и входивших в него армий. Причем выборка, как будет показано в ходе исследования, была не полной. С учетом характера пропущенных материалов и отсутствия в сборнике целого ряда важнейших документов Западного фронта, становится очевидно, что принцип отбора был сознательно нарушен. Делопроизводственные материалы штаба Западного фронта позволят ликвидировать эти пробелы.

В работе задействован послужной список Эверта⁴⁰, составленный 26 ноября (9 декабря) 1915 г. и дополненный сведениями о дальнейшем прохождении службы вплоть до отставки на основе материалов штаба Западного фронта.

Кадровую политику Эверта на посту начальника Главного штаба и его попытки реформировать аппарат данного ведомства освещают документы фонда 400 (Главный штаб) РГВИА⁴¹. «Записки по тактике»⁴² для старших классов Николаевской академии Генерального штаба позволяют понять, что представлял из себя курс по предмету «Тактика» в годы обучения Эверта в данном учебном заведении.

³⁸ Там же. № 351, 357. С. 231-232, 235.

³⁹ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сборник документов. М., 1940.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 159-171 об.

⁴¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3589, 3608.

⁴² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1666.

Доклады Алексея Ермолаевича, сделанные им на посту генерал-квартирмейстера полевого штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, частично приводятся в издании «Русско-Японская война 1904-1905 гг.». В данном исследовании будет использовано несколько таковых, представленных им накануне Мукденского сражения⁴³. Они позволят выявить взгляды Эверта на сложившуюся на театре войны обстановку, проанализировать их и сравнить таковые с распоряжениями генерала Куропаткина.

Участие высшего военного командования в событиях Февральской революции широко освещается публикациями документов⁴⁴. Данные материалы играют важнейшую роль для прояснения позиции Алексея Ермолаевича во время революционных событий февраля – марта 1917 г.

Источники личного происхождения. В первую очередь, охарактеризуем источники, относящиеся непосредственно к А.Е. Эверту. Большой интерес представляет личная переписка Алексея Ермолаевича с его женой – Надеждой Игнатьевной Эверт (в девичестве Познанской). Познакомиться с ней позволяют материалы В.В. Чернавина. В его рабочих записях сохранилась выборка, составленная на основе писем генерала Эверта к жене⁴⁵. Хронологически выборка охватывает период с 29 августа 1914 года по 14 февраля 1916 года и содержит фрагменты 32 писем разного объема. Примечательно, что 23 письма относятся к временному периоду, когда Алексей Ермолаевич командовал 4-й армией. М.В. Оськин работал именно с данной выборкой.

Кроме того, существует и другая выборка из писем генерала к жене⁴⁶, сделанная самой Н.И. Эверт. Очевидно, выборка Чернавина произведена как

⁴³ Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. V. Ч. 1. С. 43-48.

⁴⁴ Телеграфная переписка Ставки, Петрограда и командующих фронтами в феврале-марте 1917 // Красный архив. 1927. № 2, 3; Ставка и революция. Штаб верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года по документам Российского государственного военно-исторического архива. Сборник документов. 18 февраля – 18 июня 1917. Т. I. М., 2019.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р5956. Оп. 1. Д. 5.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 962а.

раз на основе материалов последней, так как те отрывки писем, которые представлены у генерала, можно найти и у нее. При этом объем последней выборки значительно больше, чем у Чернавина, который сохранил лишь те аспекты переписки, которые связаны непосредственно с описанием хода боевых действий. Поэтому целесообразно работать именно с более полным вариантом выборки. Хронологически письма охватывают период с августа 1914 г. по март 1917 г. Помимо этого, в них присутствуют отсылки и к более ранним временным промежуткам. Всего в выборке присутствует 71 письмо, тематически они примерно поровну разделены между периодом, когда Алексей Ермолаевич командовал 4-ой армией и Западным фронтом, а также несколько посвящены революционным событиям февраля-марта 1917 г.

Во время пребывания в тюремном заключении Эверт писал дневник, посвященный, главным образом, его семейным делам, положению в заключении, беседах с другими арестованными и тюремной администрацией. Безусловно, дневник также дает представление о послереволюционных взглядах генерала по широкому спектру вопросов, но, к сожалению, Эверт лишь изредка размышлял о своей службе. Материалы дневника дополняются письмами Алексея Ермолаевича к жене и детям, написанными из тюрьмы осенью 1918 г.⁴⁷

Поистине уникальным источником о жизни Алексея Ермолаевича являются воспоминания его жены, написанные в эмиграции в городе София в 1926-1928 гг.⁴⁸. Воспоминания состоят из 5 частей, которые представляют собой композиционно и хронологически единое повествование. Особенный интерес для данного исследования представляют 1-я, 2-я и 3-я части, хронологически охватывающие период с конца 1916 г. до осени 1918 г. Событиям 1916 года

⁴⁷ Ганин А.В., Эверт И.В. "Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями". Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 220-277.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 757, 758, 759, 760, 761.

уделено совсем немного внимания и основной объем воспоминаний посвящен периоду, начало которого ознаменовала Февральская революция. Н.И. Эверт ввела дневник, который после ее эмиграции остался в России вместе с остальным семейным архивом. Данные рукописи – это своего рода попытка относительно полно воспроизвести его, имевшая целью удержать в памяти воспоминания о последних счастливых, хотя и полных тревог, годах жизни с мужем. По всей видимости, Надежда Игнатьевна предполагала, что кто-то будет читать ее воспоминания, так как в тексте периодически встречаются сноски с пояснениями.

Велико количество писем и дневников, в которых, так или иначе, упоминается об Эверте. В данном случае представляется наиболее удобным расположить источники таким образом, чтобы можно было проследить, с каким периодом жизни Эверта они связаны. Алексей Ермолаевич во время русско-японской войны 1904-1905 гг. состоял в штабе у А.Н. Куропаткина, который оставил обширные дневниковые записи, часть из которых была опубликована, включая таковые и за период войны⁴⁹.

Великий князь Николай Михайлович⁵⁰, состоявший в июле-октябре 1915 г. при штабе главнокомандующего Юго-Западным фронтом для поручений, имел возможность познакомиться с работой Эверта лично. Его «Записки» имеют форму поденных записей и содержат ряд знаковых свидетельств о встречах автора с командующим 4-й армии.

Генерал-майору Альфреду Ноксу, военному атташе Великобритании в Российской империи в годы Первой мировой войны, принадлежит ценнейший дневник⁵¹, охватывающий период его службы в России. Автор характеризует различных представителей высшего командного состава Российской империи, в

⁴⁹ Куропаткин А.Н. Дневник 1904—1906 // Красный архив. 1922. № 2; 1924. № 5, 7; 1925. № 1; 1935. № 1

⁵⁰ Романов Н.М. Записки // Красный архив. 1931. № 4-5. С. 140-183.

⁵¹ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914-1917. М., 2014.

том числе и Эверта. А.М. Сиверс⁵², служивший с апреля 1916 г. на посту инспектора артиллерии 10-й армии, также имел возможность составить мнение о командовании Западного фронта.

В своем дневнике М.К. Лемке⁵³ приводит отдельные элементы деловой переписки Эверта с различными чинами Ставки, несколько его приказов. Лемке, однако, не только публикует материалы, но и снабжает их пространными комментариями и размышлениями.

Дневник Л.А. Тихомирова⁵⁴ свидетельствует о том, что его автор пристально следил за состоянием дел на фронте Первой мировой войны. Свое мнение он составил и об Эверте.

А.Е. Снесарев⁵⁵ в своих письмах подробно описал процесс разложения русской армии после Февральской революции. С его точки зрения, он коснулся и ряда генералов, в том числе и Эверта.

Перейдем к анализу воспоминаний, дающих ценные свидетельства для написания биографии Алексея Ермолаевича. А.А. Игнатьев⁵⁶ как старший адъютант управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии, по долгу своей службы был весьма тесно связан с Эвертом. Однако в своих мемуарах он больше внимания уделяет скорее не службе и описанию боевых действий, а быту офицеров и армии в целом. В мемуарах Г. И. Шавельского⁵⁷ содержится ценная информация о конфликте между Эвертом и Куропаткиным, возникшем в конце русско-японской войны 1904-1905 гг.

А.Ф. Редигер⁵⁸ описывает обстоятельства назначения и деятельности Эверта на посту начальника Главного штаба. Прояснить отдельные обстоятельства службы Алексея Ермолаевича на посту командира XIII

⁵² Сиверс А.М. Дневник. 1916–1919 / сост., предисл., коммент. А.Б. Гуларян. М., 2019.

⁵³ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Мн., 2003.

⁵⁴ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008.

⁵⁵ Снесарев А.Е. Письма с фронта: 1914-1917. М., 2012.

⁵⁶ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986.

⁵⁷ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т I-II.

⁵⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра М., 1999.

армейского корпуса позволяют мемуары Э. В. Экка⁵⁹.

А.В. Шварц — комендант крепости Ивангород, успешно руководивший ее обороной осенью 1914 от германских и австро-венгерских войск, оставил воспоминания о тех грозных днях⁶⁰. В воспоминаниях Шварца фигурирует и командующий 4-ой армией.

В ноябре 1914 года П.К. Кондзеровский, занимавший пост дежурного генерала при Верховном главнокомандующем, был командирован в 4-ю и 9-ю армию для выяснения обстановки, сложившейся с обеспечением армий боеприпасами. Эту служебную поездку он отразил в своих воспоминаниях⁶¹.

В октябре 1914 г. на Юго-Западный фронт был командирован генерал А.А. Шихлинский. В ходе этой поездки он впервые познакомился с Алексеем Ермолаевичем, не предполагая, что впоследствии им придется много работать вместе. С апреля 1916 г. Шихлинский исполнял должность инспектора артиллерии армий Западного фронта. Историю своей службы на этом посту он подробно отразил в воспоминаниях⁶². С особенностями работы штаба Западного фронта был близко знаком А.А. Самойло, занимавший должность помощника генерал-квартирмейстера⁶³.

Важнейшим источником, оказавшим значительное влияние на историографию, являются мемуары А.А. Брусилова⁶⁴, поэтому необходимо остановиться на них более подробно. Брусилов в своих воспоминаниях утверждал, что на совещании 1 (14) апреля 1916 г. в Могилеве, где обсуждались планы дальнейших действий русской армии, Эверт настаивал на необходимости держаться оборонительного образа действий до тех пор, пока

⁵⁹ Эка Э.В. От русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе 1868 — 1918. М., 2014.

⁶⁰ Шварц А. В. Ивангород в 1914-1915. М., 1922.

⁶¹ Кондзеровский П.К. В ставке верховного. 1914-1917. Париж, 1967.

⁶² Шихлинский А.А. Мои воспоминания. Баку, 1984.

⁶³ Самойло А.А. Две жизни. М., 1958.

⁶⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001; *Он же*. Из записок // Россия. 1924. № 3.

русская армия не будет обладать тяжелой артиллерией и достаточным количеством тяжелых снарядов. Сам Брусилов же высказывался за наступление, призывая действовать одновременно тремя фронтами, чтобы противник не мог стянуть свои войска на одно направление.

В конечном итоге, было решено произвести наступление, главная роль в котором отводилась Западному фронту. Перед началом атаки, указывает Брусилов, он думал лишь о том, чтобы наилучшим образом помочь Эверту. Но главнокомандующий Западным фронтом упорно не желал действовать. После успеха Юго-Западного фронта он систематически откладывал наступление и тогда Ставка, чтобы «отчасти успокоить возмущение» генерала Брусилова, стала переправлять войска с Западного фронта ему в помощь. Но ввиду слабой пропускной способности железных дорог, Брусилов просил не о переброске войск, а о том, чтобы «разбудить» Эверта и Куропаткина. Но Ставка, когда дело касалось «излюбленных ею» генералов, «пасовала перед ними».

При этом Ставка согласилась с инициативой главнокомандующего Западным фронтом отказаться от удара на выбранном у Молодечно участке и атаковать противника у Барановичей. Объясняя подобную инициативу Алексея Ермолаевича, бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом приводит абсурдную версию, согласно которой громадные успехи его армии необыкновенно волновали Эверта, и он боялся скомпрометировал себя как военачальник, следуя принципу «вернее воздержаться от боевых действий, дабы не восстановить против себя общественного мнения». При этом Брусилов ссылается на разговор с А. Ф. Рагозой – командующим 4-ой армии, входившей в то время в состав Западного фронта, который якобы придерживался именно такого мнения. Следует заметить, что Александр Францевич умер задолго до издания мемуаров, поэтому не мог ни подтвердить, ни опровергнуть эти слова. Бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом даже указывает на то, что впоследствии до него дошли сплетни, будто Эверт однажды сказал: «С

какой стати я буду работать во славу Брусилова»⁶⁵.

Крайне негативно оценивает личность Эверта участник Первой мировой войны П.М. Давыдов⁶⁶. Впрочем, похожей характеристики удостоиваются и подавляющее большинство упомянутых в его воспоминаниях представителей высшего командного состава Российской империи. Сходной точки зрения придерживается в своих мемуарах⁶⁷ и П.И. Залесский – русский генерал, командовавший, в частности, 1-ой бригадой 3-й кавалерийской дивизии в тот период, когда она входила в состав Западного фронта.

А.И. Гучков⁶⁸ описывает стремительное разложение армии после Февральской революции, причем эта негативная тенденция, по его мнению, намечается именно в среде военной элиты и коснулась, в частности, Эверта. Противоположный образ Алексея Ермолаевича представлен в мемуарах В.А. Друцкого-Соколинского⁶⁹.

Таким образом, источниковая база исследования, включающая в себя законодательные акты, делопроизводственную документацию, источники личного происхождения позволяет ввести в научный оборот новые материалы и решить поставленные в диссертационном исследовании задачи.

⁶⁵ Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 209-210, 225-228, 231, 234.

⁶⁶ Давыдов П.М. Путь солдата. Ставрополь, 1964; *Он же*. В огне трёх войн. Ставрополь, 1971.

⁶⁷ Залесский П.И. Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин, 1925.

⁶⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

⁶⁹ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914—1918. М., 2010.

Глава 1. Жизнь и карьера А.Е. Эверта до назначения на пост главнокомандующего армиями Западного фронта

§ 1. Период до начала Первой мировой войны

Алексей Ермолаевич Эверт родился 20 февраля (4 марта) 1857 г. в Верейском уезде Московской губернии. Если дата его рождения не вызывает сомнений, то относительно места уверенности нет. Обычно в качестве места рождения Эверта справочные издания указывают город Верею, однако можно предположить, что это не совсем верно, так как в селе Смолинском находится могила его отца – Ермолая Ивановича⁷⁰. Этот факт дает основание считать, что именно там проживала семья Эвертов.

Оськин в своей статье указывает, что Эверт «родился ... в семье офицера, и с самого начала ему была предписана военная служба»⁷¹. Данная версия, по всей видимости, является ошибочной, так как согласно данным «Книги адресов жителей Москвы» за 1857 г. Ермолай Иванович Эверт числится на должности казначея и экзекутора Московской губернской строительной и дорожной комиссии в ранге коллежского асессора⁷². Более того, он служил в вышеуказанной комиссии, занимая различные посты, по данным справочника, с 1851 г.⁷³, то есть как минимум 7 лет находился на гражданской службе. Примечательно, что Ермолай Иванович до вершин карьерной лестницы не добрался, его сын значительно перерастет отца на поприще службы.

Несмотря на отдельные указания исследователей на немецкое происхождение Алексея Ермолаевича⁷⁴, по всей видимости, его семья все же имела шведские корни⁷⁵. При этом сам Эверт придерживался православного

⁷⁰ Русский провинциальный Некрополь. Том 1. М., 1915. С. 980.

⁷¹ *Оськин М.В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 30.

⁷² Книга адресов жителей Москвы. 1857. М., 1857. С. 28.

⁷³ Там же. С. 309.

⁷⁴ *Stone N.* Op. cit. P. 22.

⁷⁵ *Нокс А.* Указ. соч. С. 322.

вероисповедания и был глубоко верующим человеком.

В 1874 г. Алексей Ермолаевич окончил 1-ю Московскую военную гимназию. В случае успешного окончания полного курса, воспитанники военных гимназий без экзаменов переводились в военные училища – такая судьба ждала и Эверта⁷⁶. Окончив курс 8-м из 26-ти выпускников, Эверт поступил в 3 Александровское военное училище.

С выходом «Положения о военных училищах» в 1867 г., юнкера старшего класса после сдачи итоговых экзаменов стали делиться на три разряда: к первому разряду принадлежали получившие в среднем не менее 8 баллов, причем средний бал по военным наукам и математике должен был быть не менее 6, в поведении и знании строевой службы — не менее 9 баллов. Сообразно делению на три разряда, юнкера выпускались из училища на следующих основаниях: первого разряда выпускались подпоручиками в армейскую пехоту, а лучшие удаивались начальником училища, по сношению с гвардейским начальством, прикомандирования к гвардейским полкам⁷⁷.

Несомненно, учеба хорошо давалась Эверту, так как он стал лучшим в своем выпуске, опередив в учебе 135 своих однокашников, и, попал в число четырех счастливчиков, выпущенных в гвардию. С производством в подпоручики он был зачислен в лейб-гвардии Волынский полк⁷⁸. Вместе с ним Эверт прошел через горнило русско-турецкой войны 1877-78 гг.

23 и 24 августа (4 и 5 сентября) 1877 г. Волынский полк выступил из Варшавы, где ранее квартировался. Подпоручик Эверт состоял младшим офицером в 1-й, именной «роте Его Величества» 1-го батальона. Гвардейский корпус, включавший и Волынский полк, должен был замкнуть кольцо вокруг

⁷⁶ Лалаев М. С. Исторический очерк образования и развития первого Московского кадетского корпуса, что ныне первая московская военная гимназия 1778-1878. Спб., 1878. С. 123-124.

⁷⁷ Высочайше утвержденное Положение о Военных Училищах: Первом (Павловском), Втором (Константиновском), Третьем (Александровском), Четвертом (в городе Оренбурге), Николаевском Кавалерийском, Михайловском Артиллерийском и Николаевском Инженерном // ПСЗРИ. Т. 42. Ч. 1. С. 945-946.

⁷⁸ Кедрин В. Александровское военное училище. 1863-1901. С. 65.

Плевны, главным образом перекрыв Софийское шоссе, прекратив для армии Осман-паши всякое сообщение с внешним миром. Полк вошел в состав Медованского отряда, который имел первую стычку с противником во время демонстрации у деревни Трнины⁷⁹. В послужном списке Алексея Ермолаевича этот эпизод описан весьма красочно, указывается, что молодой подпоручик участвовал в занятии с боя деревни Трнины и прилегающих к ней высот, «названных впоследствии «Волынской горой»»⁸⁰. Впрочем, как таковой бой так и не состоялся, противник предпочел отступить. Боевая работа л. гв. Волынского полка под Плевной выдалась в целом не слишком напряженной, участник этих событий и автор истории полка капитан Луганин замечает, что полку «довелось быть лишь зрителем» решающего боя в долине Вида 28 ноября (10 декабря) 1877 г.⁸¹

После перехода через Балканы, Эверт с 17(29) декабря 1877 г. по 7(19) февраля 1878 г. находился со своей ротой в командировке при главной квартире войск Западного отряда в распоряжении начальника тыла сего отряда л. гв. Павловского полка полковника Доманевского⁸². Таким образом, Алексей Ермолаевич, вследствие данной командировки, покинул Волынский полк во время самых напряженных для него боев (под Ташкисеном, у Карагача), присоединившись к своим товарищам 11(23) февраля в городе Люле-Бургасе. Остаток кампании полк серьезных столкновений с противником не имел. Нокс в своих воспоминаниях упоминает, что в этой кампании Алексей Ермолаевич получил ранение⁸³, однако это противоречит информации из послужного списка, где указано, что Эверт «ранен и контужен не был»⁸⁴. Кроме того, Луганин указывает, что во время осады Плевны никто из офицеров ранен не

⁷⁹ Луганин А. И. Опыт истории Лейб-гвардии Волынского полка. Часть 2. 1850-1879. С. 134, 162.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 167 об.

⁸¹ Луганин А. И. Указ. соч. Часть 2. С. 167 — 173, 227.

⁸² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 168.

⁸³ Нокс А. Указ. соч. С. 322.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 168.

был⁸⁵, а, судя по всему, только в ходе этой операции Алексей Ермолаевич бывал под огнем неприятеля. Эверт получил две награды за кампанию: за взятие Плевны 28 ноября 1877 – орден Святой Анны 4 степени с надписью: «За храбрость», за переход через Балканы и бой под Ташкисеном 19 декабря 1877 – орден Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом⁸⁶.

Вскоре после окончания кампании, Эверт покинет своих боевых товарищей, чтобы попытаться счастья, поступая в Николаевскую академию Генерального штаба. В феврале 1878 г. было дано высочайшее разрешение на прием в Академию из армии офицеров, прослуживших лишь три года, чтобы увеличить число проходящих через нее учащихся, дабы Генеральный штаб мог пополнять свой некомплект, особенно в младших чинах⁸⁷. Данное обстоятельство открыло туда дорогу молодому поручику Эверту.

Чтобы поступить в это высшее военно-учебное заведение, требовалось незаурядное старание. Мытарства поступающих в Академию Генерального штаба начинались с проверочных экзаменов при окружных штабах. Антон Иванович Деникин, осенью 1895 г. поступивший в Академию, вспоминал: «просеивание этих контингентов выражалось такими приблизительно цифрами: держало экзамен при округах 1 500 офицеров; на экзамен в Академию допускалось 400-500; поступало 140-150»⁸⁸. Алексею Ермолаевичу удалось выдержать вступительные экзамены и 12(25) октября он был зачислен в число слушателей этого учебного заведения⁸⁹. Но поступить в Академию было еще только половиной дела: «на третий курс (последний) переходило 100; из них причислялось к генеральному штабу 50», таким образом «после отсеивания оставалось всего 3,3%»⁹⁰.

⁸⁵ Луганин А.И. Указ. соч. Часть 2. С. 236.

⁸⁶ Там же. С. 601.

⁸⁷ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. Спб., 1882. С. 317.

⁸⁸ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 66.

⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 160.

⁹⁰ Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 66.

Академическое обучение продолжалось три года. Первые два года отводилось лекциям, третий – самостоятельным работам в различных областях военного дела в виде защиты трех диссертаций, достававшихся по жребью⁹¹. Теоретический курс являлся весьма значительным по объёму и, кроме большого числа военных предметов, был перегружен и общеобразовательными⁹².

В РГВИА в фонде Академии хранятся «Записки по тактике»⁹³, которые представляют собой курс старших классов, скорее всего, по предмету Тактика, который велся тогда профессором Гудим-Левковичем и адъюнкт профессором Кублицким. «Записки» датируются 1875 г. Конечно, «свежий» опыт русско-турецкой войны 1877-78 гг. должен был обогатить содержание курса, но по свидетельствам современников⁹⁴ это процесс происходил крайне неспешно. Поэтому данный материал дает вполне объективное представление о том, какие знания получили на ученической скамье будущие полководцы русско-японской и Первой мировой войн.

Начинался курс с утверждения непреложной для военного искусства истины: «чтобы армия или отряд могли достигать с успехом всевозможных целей, на всяком месте, во всякое время, ... при самой разнообразной обстановке, необходимо ... назначить все роды войск при том в надлежащей соразмерности». Тут же предлагалась и «идеальная» пропорция - 78% пехоты, 11% кавалерии, 9-10% артиллерии (по 4 орудия на каждую 1000 человек), 2% сапер.

Боевой порядок полка на ровной местности при этом предлагался следующий: два батальона в боевой части в строю поротно в две линии (по две роты в каждой), четыре орудия в интервале между батальонами передней

⁹¹ Глиноецкий Н. П. Указ. соч. 321-326.

⁹² Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 66.

⁹³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1666.

⁹⁴ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 67.

линии. Другой батальон сзади, за серединой шагах в 300 от рот 2-й линии в развернутом строю или поротно в одну линию на тесных интервалах. Четыре резервных орудия располагались за батальоном резерва, кавалерия также в резерве на высоте пехоты, правее или левее ее, поэскадронно в взводных колоннах. Впереди в рассыпанном строю по взводу стрелковых рот обоих передних батальонов шагов по 20 на звено⁹⁵. Согласно Уставу 1866 г., действовавшему до 1881 г., русский пехотный батальон состоял из 4 пехотных и 1 стрелковой рот⁹⁶. Это деление имело смысл в виду разделения стрелкового оружия пехоты на гладкоствольное и нарезное, но уже с 1856 г. началось перевооружение армии нарезными винтовками. Технический прогресс, однако, не отразился на уставных положениях, и русская армия вышла на русско-турецкую войну 1877–1878 гг. фактически с теми же приемами, которые предписывал еще Устав 1856 г.⁹⁷ «Записки» в этом отношении следуют за архаичными уставными положениями, не перерабатывая их соответственно реалиям середины 1870-х г.

Увеличение глубины боевого порядка все же предусматривалось, если противник оказывался «особенно силен в артиллерии». Для этого будущим офицерам Генерального штаба предлагалось роты 1-й линии развернуть и разомкнуть в них ряды и шеренги, батальоны частного резерва отвести назад от первой линии шагов на 600 – 700 и уже непременно держать развернутыми; общий резерв также отвести назад.

В курсе лекций подчеркивалось, что стремление к излишнему стеснению свободы в действиях частных начальников всегда вело к весьма пагубным результатам. Касательно выделения резерва выводилась следующая закономерность: чем менее определены сведения о количестве сил

⁹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 544. Л. 1, 4, 28, 32 об.

⁹⁶ Воинский Устав о строевой службе. Батальонное учение. СПб., 1866. С. 1

⁹⁷ Айрапетов О.Р. Развитие положений об огневом бое в Уставах русской армии в 1831–1866 гг.: к вопросу о военных реформах 1860–1870-х гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. №3. С. 21.

противника, тем более следует отделить войск в резерв. Следуя этой логике указывалось, что иногда, в особенности в начале боя, резерв может быть составлен из большей части войск. А, соответственно, чем меньше вероятность неожиданности во время боя, тем резерв может быть слабее, и во многих случаях можно обойтись и совершенно без резерва. Автор отмечает нежелательность смены частей, ведущих бой, до конца сражения. Много внимания в «Записках» уделяется идее о необходимости учитывать условия местности.

Важная роль отводилась инженерной подготовке позиции, но, все же, указывалось, что при сложившемся образе ведения войны, основанном на быстрых маневрах, придется ограничиться немногим. Приемы атаки укрепленной позиции же были совершенно не разработаны, этому уделялось менее 1 из 222 страниц текста, расположение войск на биваке, например, значительно более занимало автора «Записок».

Роль планирования наступления отходила на второй план, подчеркивалось, что подробный план сражения не может быть и не должен быть составлен заранее только на основании сведений, собранных заблаговременно, он должен развиваться во время самого боя. Указывалось на необходимость частных атак, которые могли служить для более точного раскрытия сил противника и быть одним из весьма действительных средств к привлечению внимания неприятеля. Сообразно с полученными благодаря подобным атакам сведениям наступающий по задумке автора определял на какой пункт неприятельской позиции выгоднее вести атаку. Главную атаку следовало вести на один какой-либо пункт неприятельской позиции, и при том важнейший и удобнейший. Вести атаку одновременно на несколько пунктов неприятельской позиции признавалось невыгодным.

С приближением на картечный выстрел артиллерия открывала картечный огонь, в это время пехотные части, подвигаясь скачками густой цепью, за которой следовали резервы, стараются захватить укрепление с флангов и,

наконец, подойдя шагов на 200-150 мгновенно собирались в сомкнутые части и бросались на штурм. Кавалерия, прикрывая фланги штурмующих колонн, имела задачей обойти укрепление и ворваться в него с тыла или же атаковать резерв и облегчить фронтальную атаку пехоты⁹⁸.

Таким образом, нетрудно заметить, что, за исключением отдельных рассуждений и общих мыслей, курс тактики Николаевской академии Генерального штаба оказывался к началу XX в. для освоивших его офицеров бесполезным. Военное искусство развивалось стремительными темпами и высшее военное учебное заведение не всегда успевало поддерживать этот темп, да и в целом большой вопрос — могло ли оно это сделать технически? Лишь стремление не отставать от жизни и тяга к знаниям могли создать прочный фундамент теоретических знаний для будущих полководцев.

Можно вполне согласиться с выводами Антона Ивановича Деникина о системе обучения в Академии: «Загромождаемая нередко курсы несущественным и ненужным, отставая подчас от жизни в прикладном искусстве, она все же расширяла неизмеримо кругозор наш, давала метод, критерий к познанию военного дела, вооружала весьма серьезно тех, кто хотел продолжать работать и учиться в жизни. Ибо главный учитель все-таки жизнь»⁹⁹. Вопрос лишь в том, чему и в какой степени учила «жизнь» в действительности.

Окончание Академии не только стало очень важным этапом карьеры, но и тесными узами связало Эверта с корпорацией генштабистов, что наложило особый отпечаток на его будущую профессиональную деятельность. Так Шварц в 1914 г., характеризуя генерала, отмечал: «Другим недостатком его характера было пристрастие к офицерам Генерального штаба. Принадлежа к этой корпорации, он отдавал офицерам Генерального штаба явное

⁹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 544. Л. 21 об., 24, 71 об., 72, 74 об. – 75, 147, 148, 151, 163-163 об.

⁹⁹ Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 68.

предпочтение и часто совершенно несправедливо»¹⁰⁰. Впрочем, Шварц, как человек к корпорации генштабистов не принадлежащий, мог в этом отношении судить субъективно.

В 1882 г. Алексей Ермолаевич закончил по первому разряду Академию (из 51-го слушателя он закончил 12-м)¹⁰¹ с производством в штабс-капитаны «за отличные успехи в науках». По окончании курса причислен к Генеральному штабу и 7(19) апреля назначен на службу в Московский военный округ. Однако Эверт там не задержался и 24 ноября (6 декабря) он был переведен в Генеральный штаб капитаном с назначением на должность старшего адъютанта штаба 3-й пехотной дивизии, где и прослужил до 28 марта (9 апреля) 1886 г., когда был назначен штаб-офицером для поручений при штабе Варшавского военного округа с производством в подполковники¹⁰².

Служба Алексея Ермолаевича еще долгое время будет связана с Варшавским военным округом, где он в ноябре того же года займет пост старшего адъютанта штаба округа, а позднее, с 12(24) декабря 1888 г. будет числиться уже штаб-офицером для особых поручений при командующем Варшавским военным округом. В этой должности Эверт прослужил до января 1893 г. с перерывом на годовую командировку в 40-й пехотный Колыванский полк для цензового командования батальоном¹⁰³.

Варшавский военный округ считался передовым в русской армии. Примечательно, что Борис Михайлович Шапошников – будущий маршал Советского Союза, служивший в Варшавской военном округе спустя более чем 20 лет (с октября 1912 г.), так характеризовал его: «если не полностью возродились времена, когда начальником штаба округа был известный в

¹⁰⁰ Шварц А. В. Ивангород в 1914-1915... С. 71.

¹⁰¹ Глиноецкий Н. П. Указ. соч. С. 580.

¹⁰² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 160 об.

¹⁰³ Там же. Л. 160 об. — 161.

истории Генерального штаба генерал Пузыревский¹⁰⁴, то, во всяком случае, военная мысль больше работала в Варшаве, нежели в казенном Петербурге»¹⁰⁵.

Офицеры округа могли регулярно обмениваться мнениями по вопросам военного дела, чему способствовало наличие единственного в русской армии особого собрания офицеров Генерального штаба. Здесь происходили доклады, военные игры, дружеские встречи. При штабе округа издавался небольшой военный журнал. Выходила и своя газета «Офицерская жизнь», причем взгляды ее на тактические и оперативные вопросы военного дела, как отмечал Шапошников, не совпадали с взглядами «Русского инвалида» и «Военного сборника», отличавшихся консерватизмом¹⁰⁶. Также высоко оценивал постановку службы в округе и Антон Иванович Деникин: «В свое время (с 1883 по 1894 г. – С. С.), Гурко¹⁰⁷ создал высокую и притом заслуженную репутацию Варшавскому военному округу»¹⁰⁸. Можно с уверенностью утверждать, что подобная творческая атмосфера была весьма благоприятной средой для «роста» Эверта как военного. В последствии он отмечал, что «счастливо сложившаяся обстановка службы, поставившая меня (Эверта – С.С.) близко к такому большому военному человеку, как фельдмаршал Гурко, дала мне возможность изучить боевое дело так, как ни одна академия сделать не могла»¹⁰⁹.

В 1890 г. устроилась личная жизнь Алексея Ермолаевича. Его супругой стала Надежда Игнатьевна, в девичестве Познанская. В браке у них родится четверо сыновей – Игнатий (1891 г.), Всеволод (1893 г.), Борис (1895 г.) и Владимир (1897 г.) и трое дочерей – Валентина (1887 г.), Софья (1894 г.), Вера (1901 г.)¹¹⁰.

В 1891 г. Эверт был произведен в чин полковника. Не покинет

¹⁰⁴ А. К. Пузыревский был назначен начальником штаба Варшавского военного округа в 1890 году.

¹⁰⁵ Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 2. М., 1979. С. 34.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ И. В. Гурко занимал пост командующего войсками Варшавского военного округа.

¹⁰⁸ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 103.

¹⁰⁹ Ганин А.В., Эверт И.В. "Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями"... С. 227.

¹¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 169.

Варшавского округа Алексей Ермолаевич до октября 1899 г., занимая должность начальника штаба 10-й пехотной дивизии¹¹¹, чей штаб располагался в Варшаве. Следует согласиться с наблюдением М. В. Оськина о том, что основательное знакомство с одним из театров военных действий Первой мировой войны в дальнейшем сослужило добрую службу Эверту¹¹².

Любопытную историю о службе супруга в период службы на этом посту приводит в своих мемуарах Надежда Игнатьевна: «По заведенному обычаю, ближайшие сослуживцы мужа коротали вечера обыкновенно у нас. Иногда устраивался винт, иногда после совместной прогулки заходили выпить чаю и поделиться дневными впечатлениями. Однажды вместе с мужем пришел офицер лет 25 – 26-ти, небольшого роста, сильный брюнет, с черной маленькой бородкой, черными, пристально всматривающимися глазами и сильной проседью в волосах. ... это был Деникин (А. И. Деникин – С. С.). ... Деникин, как рассказал мне муж, был командирован в штаб при особой препроводительной бумаге, в которой рекомендовалось мужу подробно и всесторонне ознакомиться с ним, и затем прислать о нем в штаб Варш[авского] Воен[ного] Окр[уга] самую точную и потребную аттестацию»¹¹³.

Реакция и дальнейшие действия Эверта в этой необычной ситуации достаточно ярко характеризуют его как личность. Из-за конфликта с начальством академии Деникин вынужден был подать жалобу на имя императора. Это привело к недовольству со стороны военного министра, чем, очевидно, и был вызван повышенный интерес к Деникину¹¹⁴.

По окончании испытательного срока, Алексей Ермолаевич не только аттестовал Деникина как отличного, дисциплинированного офицера, вполне соответствующего для службы в Генеральном штабе, но высказал и свое особое

¹¹¹ Список Генерального Штаба :: Исправлен по 1-е июня 1914 года. Пг., 1914. С. 38.

¹¹² *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 31.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 14, 14 об.

¹¹⁴ *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. С. 75-84.

мнение – «генеральный штаб много потерял бы, лишившись такого офицера». Генерал Пузыревский, при встрече с Эвертом в Варшаве, обратился к нему с вопросом, знает ли он причины, вызвавшие прикомандирование Деникина к штабу 10-й дивизии? Алексей Ермолаевич ответил утвердительно, настаивая на своем решении¹¹⁵. Генерал Эверт показал себя в данной ситуации прямым и честным офицером.

Интересна в этой связи оценка Эверта Деникиным, данная им уже после Первой мировой войны: «... характер и способности, проявляемые человеком в мирное время, зачастую совершенно не соответствуют таковым в обстановке боевой. Достаточно вспомнить блестящую и вполне заслуженную мирную репутацию ген. Эверта, далеко не оправдавшуюся на посту главнокомандующего Западным фронтом...»¹¹⁶. Вероятно, что позитивная оценка «мирной репутации» Эверта отчасти продиктована именно событиями, описанными выше.

Немногим более года, с октября 1899 г. по декабрь 1900 г., полковник Эверт командовал 130-м пехотным Херсонским полком. Но делами самого полка Алексей Ермолаевичу, по всей видимости, заниматься пришлось еще меньше. Четыре раза полковник временно командовал 1-й бригадой 33 пехотной дивизии, в состав которой входил полк, в общей сложности это заняло около 4-х месяцев, и трижды он находился в кратковременных командировках «для проверки ратников государственного ополчения». С получением звания генерал-майора 24 декабря (6 января) 1900 г. Эверт был назначен начальником штаба XI армейского корпуса. Но к новому месту службы он так и не прибыл, продолжая временно командовать полком и бригадой и в апреле 1901 г. получил новое назначение на аналогичную

¹¹⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 14 об, 15.

¹¹⁶ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 105.

должность в XIV армейский корпус¹¹⁷.

Алексей Николаевич Куропаткин, занимавший тогда пост военного министра, присутствовал в августе 1903 г. на маневрах войск Варшавского военного округа, в состав которого входил корпус, и в своем дневнике отметил следующие: «служба штаба лучше всего была организована в южном отряде варш[авского] в[оенного] округа Хрещатицкого. Нач[альник] штаба – Эверт. Говорят, очень даровитый человек. Такое и производит впечатление»¹¹⁸. Судя по дневниковой записи, на этих маневрах Алексей Николаевич впервые имел возможность оценить работу Алексея Ермолаевича, а значит, именно летние маневры 1903 г. станут судьбоносным событием в карьере генерала.

В октябре 1903 г. Эверт был назначен начальником штаба V армейского корпуса, где и прослужил немногим более года, встретив на этом посту начало русско-японской войны¹¹⁹.

После ряда неудач русской армии, в частности, провала наступления на р. Шахэ, в высшем военном командовании произошли определенные изменения. В частности, на пост главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, был назначен А. Н. Куропаткин. Уже через 15 дней после своего назначения – 28 октября (10 ноября) 1904 г., Куропаткин решает сменить В. И. Харкевича на посту генерал-квартирмейстера полевого штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, Эвертом, чьей работой он был приятно впечатлен на летних маневрах 1903 года¹²⁰. Эту должность генерал занимал в ходе сражений под Сандепу и Мукденом.

Яркий образ Эверта рисует перед читателями его воспоминаний граф Игнатъев: «Преемник Харкевича – Алексей Ермолаевич Эверт ... был в ту пору

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 161 — 161 об.

¹¹⁸ *Куропаткин А. Н.* Указ. соч. Красный архив, 1922, №2. С. 72.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 161 об.

¹²⁰ Там же.

еще совсем молодым генералом. Высокий стройный брюнет с тщательно подстриженной бородкой, в широких шароварах с красными лампасами, в мягких сапогах с большими шпорами, он в церкви истово крестился, перед обедом выпивал рюмку водки и ни на минуту не терял подобающего генералу величия»¹²¹. На новой должности, желая «оздоровить штабную атмосферу и сломать перегородку, отделявшую окружение Куропаткина от его рабочего аппарата», Эверт решил «пойти в народ»¹²². Желание не создавать чрезмерной дистанции между собой и подчиненными будет характерной чертой генерала Эверта и в дальнейшем. Много позднее, получив назначение на пост главнокомандующего армиями Западного Фронта, он в письме сетовал: «Я тяготился и званием Командующего (армией – С.С.), создающего вокруг меня пустоту, хотя ты ведь знаешь, как скромно я себя держу; теперь же пустота еще больше увеличится, и сделаюсь еще более одиноким»¹²³.

В своей статье Оськин подхватывает тезис генерала Брусилова о существовании некой «куропаткинской школы»¹²⁴, к которой он, в частности, относил и Алексея Ермолаевича. Автор статьи считает, что «генерал Эверт всецело поддался влиянию своего патрона – Куропаткина» и в дальнейшем «в ходе Первой мировой войны это скажется самым негативным образом: вверенные Эверту войска (сначала армия, а потом фронт) умели прекрасно обороняться, но почти не умели наступать». Конкретизируя этот тезис, Оськин указывает: «Эверту были присущи все недостатки куропаткинской школы. Это и тщательная подготовка сражения при нехватке волевого фактора для проведения составленных планов в жизнь, и мелочное вмешательство в действия подчиненных командиров, и "заваливание" низших штабов массами

¹²¹ *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. С. 219-220.

¹²² Там же. С. 220.

¹²³ ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 20, 20 об.

¹²⁴ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания... С. 198.

разнообразных инструкций, наставлений, записок и прочее»¹²⁵.

Следует заметить, что Эверт, по всей видимости, был достаточно высокого мнения о Куропаткине даже после окончания русско-японской войны. Так, когда в сентябре 1915 г. Алексей Николаевич был назначен командиром Гренадерским корпусом в одну из армий, которая входила в состав Западного фронт, которым командовал на тот момент Алексей Ермолаевич, последний так отозвался об этом назначении: «Я, конечно, с полной охотой согласился и убежден, что он принесет большую пользу...»¹²⁶. Более того, Эверт, который уже выбрал в качестве командира корпуса генерала Сирелиуса, когда узнал о решении императора назначить на первую же открывшуюся вакансию корпусного командира Куропаткина, активно поспособствовал этому. В разговоре с Алексеевым он сообщил, что «с удовольствием» предоставил бы этот корпус Куропаткину и добавил, что «убежден, что он бы его поднял» и «лучшего корпусного командира для гренадер я не могу и желать», а Сирелиусу взамен предложено было предоставить XXI корпус. Начальник штаба Верховного главнокомандующего согласился на это. Также Эверт сообщил интересную деталь, что Куропаткин еще в начале войны просил его «устроить ему корпус», он тогда написал Иванову, но этого сделать не получилось¹²⁷.

Тем не менее, один этот факт не позволяет всесторонне описать всю глубину отношений между подчиненным и начальником: например, весьма актуальным остается вопрос, одобрял ли Эверт методы управления Куропаткина, который работу штабов старался заменить личным руководством, доводя этот принцип до абсурда¹²⁸. Признание личных способностей Куропаткина и его полезности на посту командира корпуса не означает, на мой

¹²⁵ *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 31-32.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 22 об.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 50. Л. 291 — 293.

¹²⁸ *Айрапетов О. Р.* На пути к краху... С. 297-299.

взгляд, что с точки зрения Эверта его деятельность на посту главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, была безупречной.

Ярким примером этому могут служить расхождения во взглядах главнокомандующего и его генерал-квартирмейстера перед Мукденским сражением. Эвертом было подано несколько докладов, содержащих соображения по изменению общей группировки армий. В докладе от 29 января (11 февраля) 1905 г. за № 1250 он писал: «267 батальонов занимают позицию в 76 верст ... естественно этих сил достаточно только, чтобы занять фронт, отказавшись от частных резервов, или иметь слабые боевые части и слабые резервы. При такой длине [фронта], при отсутствии резервов, нельзя не признать, что позиция занята недостаточно прочно; возможен не только прорыв, но главное — отсутствие резерва обрекает на исключительно пассивную оборону: успех при отбитии самым блестящим образом атак противника использован быть не может». Затем, сделав краткий обзор тех обстоятельств, которые привели к постепенному удлинению позиций, Алексей Ермолаевич высказал мнение, что удлинение «не имеет за собой никаких оснований». Удлиняя свой фронт, армия не упирала фланги в какие-либо рубежи, которые могли бы обезопасить ее от обхода, а лишь ослабляла свой фронт, делая его подверженным прорыву. Далее, переходя к оценке возможных направлений наступления японцев к Мукдену, автор доклада пришел к выводу, что наибольшее значение имеет западный фланг, так как здесь пролегает кратчайший путь, связывающий Ляоян с Мукденом, и здесь же проходила железная дорога. Эверт предлагал создать сильный резерв, которому предстояло бы нанести противнику мощный удар, не довольствуясь пассивной обороной. Также сильный резерв позволил бы значительно более эффективно парировать действия противника, в частности в случае флангового обхода. Предложенная генерал-квартирмейстером группировка позволяла добиться повышения гибкости, подвижности войск и более подходила для активной

обороны и наступления. Проект этого практического осуществления не получил, как и последующий, представленный Алексеем Ермолаевичем 13(26) февраля 1905 г.¹²⁹ Время покажет, насколько точны были предположения Эверта и верны его предложения.

Куропаткин растянул свои войска кордоном, стремясь использовать широкий фронт как средство против фланговых обходов со стороны японцев, утрачивая в то же время возможность быстрых перегруппировок в случае необходимости. Этим и воспользовалось японское командование. Эверт верно определил направление главного удара противника: после отвлечения внимания русских к левому флангу японский план предусматривал выдвижение армии М. Ноги в обход правого фланга русского расположения для выхода на коммуникационную линию своего противника¹³⁰. Переброска войск с правого фланга, где оборонялась 2-я Маньчжурская армия, ослабила его, а между тем серьезная опасность нависла над ним. Отсутствие сильного резерва сказалось в данной ситуации, так как главнокомандующему, израсходовавшему к тому времени большую часть общего резерва, оставалось лишь прибегнуть к излюбленному средству – созданию импровизированных отрядов, действия которых не отличались эффективностью. В результате с огромным трудом наступление Ноги удалось задержать, но армия генерала Т. Куроки прорвала фронт ослабленной 1-й русской армии¹³¹. Все это привело к катастрофе.

Очевидно, что между главнокомандующим и его генерал-квартирмейстером не всегда царило единство во взглядах. Более того, в судьбоносный для хода всей компании момент Эверт, очевидно, понимал ситуацию лучше своего начальника. Сложно предположить, какие чувства испытывал Алексей Ермолаевич после событий под Мукденом, но вряд ли можно даже представить, что он рассматривал генерала Куропаткина в качестве

¹²⁹ Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. V. Ч. 1. С. 43-48.

¹³⁰ *Левицкий Н. А.* Указ. соч. С. 317-318.

¹³¹ *Айрапетов О. Р.* На пути к краху... С. 315-317.

эталона военачальника и стремился во всем его копировать. Кроме того, в январе 1906 г. между Эвертом и Куропаткиным произошел личный конфликт. Последний крайне резко отреагировал на просьбу Алексея Ермолаевича сдать должность и отправиться в Варшаву к семье и воспрепятствовал этому¹³². Поэтому, тезис М. В. Оськина можно считать, как минимум, спорным.

Позднее, когда 2(15) марта 1905 г. Куропаткин принял командование 1-й Маньчжурской армией, он взял с собой и Эверта, ставшего начальником полевого штаба армии. При переводе на новую должность Алексей Ермолаевич получил звание генерал-лейтенанта¹³³.

За расформированием полевого штаба 1-й Маньчжурской армии Эверт был оставлен за штатом, с командированием, согласно приказу по военному ведомству 1905 г. № 660, в распоряжение штаба Варшавского военного округа, куда и прибыл 12(25) февраля 1906 г.¹³⁴ Без дела, однако, Алексей Ермолаевич оставался недолго.

Новый этап карьеры генерала был связан с должностью начальника Главного штаба. На вновь учрежденный пост помощника военного министра А. Ф. Редигер решил назначить А. А. Поливанова, являвшегося тогда начальником Главного штаба. На вакантное место по обоюдному согласию Поливанова и Редигера лучше всего подходил именно Эверт: «я (Редигер – С. С.) его видел всего раз, но он произвел на меня самое лучшее впечатление; Поливанов тоже знал его очень мало, но всеобщий отзыв о нем из армии был отличный»¹³⁵. 18 апреля (1 мая) Поливанов отправил телеграмму Эверту в Варшаву, в которой сообщил о состоявшемся назначении. В своем ответе генерал выражал глубокую признательность «за внимание» и уповал на божью помощь с тем,

¹³² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера... Т. I. С. 402.

¹³³ Там же.

¹³⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 162.

¹³⁵ Редигер А. Ф. История моей жизни... Т. 2. С. 44.

чтобы оправдать оказанное ему доверие¹³⁶. Редигер, однако, указывает, что он не желал нового назначения: «Эверт отказывался, говоря, что его тянет в строй, он лишь мечтает о командовании дивизией, поэтому он уже отказался от должности генерал-квартирмейстера у Палицына¹³⁷ (которого он, как потом оказалось, не выносил); кроме того, он опасался, что окажется не на высоте нового назначения»¹³⁸. Действительно, до этого момента у Эверта не было опыта административной службы. Нетрудно представить, что подобный разговор с Редигером действительно мог иметь место и назначение для нового начальника Главного штаба было «принудительным».

Так или иначе, генерал-лейтенант Эверт приступил к исполнению своих должностных обязанностей 2(15) мая¹³⁹. Ему было определено денежное довольствие в виде жалования по генеральскому чину, столовых денег в количестве 8000 руб. в год, а также 2000 руб. на представительство при квартире в натуре и сверх того фуражные деньги на 5 верховых лошадей¹⁴⁰.

Редигер надеялся, что Эверт продолжит «начатое Поливановым трудное дело очистки Главного штаба от неспособных и обленившихся работников и упорядочивания его работы»¹⁴¹. И новый начальник Главного штаба действительно предпринимал меры для этого, в частности, он распорядился при выборе кандидатов на должности столоначальников и их помощников сообразоваться не со старшинством в чине и не с продолжительностью службы, а исключительно с «достоинствами данного лица как работника». При этом указывалось, что из одного управления Главного штаба в другое чины, хотя бы и при повышении, могут быть переводимы, не иначе, как с согласия

¹³⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3608. Л. 1-2.

¹³⁷ Федор Федорович Палицын – в то время начальник Главного управления Генерального штаба.

¹³⁸ Редигер А. Ф. История моей жизни... Т. 2. С. 44.

¹³⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 162.

¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 400, Оп. 21. Д. 3608. Л. 4.

¹⁴¹ Редигер А. Ф. История моей жизни... Т. 2. С. 44.

начальников управлений¹⁴².

Еще одна проблема организации работы данного органа военного управления, которая находилась в центре внимания Эверта – медленность рассмотрения дел аппаратом Главного штаба. Алексей Ермолаевич приказал ежемесячно подавать ему справку о том, какие вопросы находятся в рассмотрении и чем задерживается их разрешение. Данная практика столкнулась при воплощении в жизнь с рядом проблем: объяснение причин застоя в разрешении дел часто сводилось к общей фразе «собираются материалы». Сведения составлялись так, что было невозможно судить давно ли вопрос находится на рассмотрении, так как не указывалось, когда он возник, когда сделаны последние сношения, когда получены последние ответы и кто еще не ответил. В связи с этим система была вскоре улучшена, справки должны были давать полное понятие о срочности исполнения того или иного дела. Кроме того, чтобы избежать замедления получения заключений или ответов на сделанные запросы было принято за правило, чтобы 1-го и 15-го числа каждого месяца начальники отделений докладывали начальникам управлений, на какие запросы ответы не получены по истечении 14 дней со дня отправки запроса. После двух повторение, если ответ все-таки не был получен, об этом докладывалось начальнику Главного штаба¹⁴³.

Сложно оценить результаты этих мер. Следует, однако, отметить, что Редигер остался в целом недоволен службой Эверта. В своих воспоминаниях он дает развернутую характеристику деятельности Алексея Ермолаевича: «Он оказался безукоризненно честным и хорошим человеком с большим здравым умом, но не выдающимся администратором; человек добрый, он Главного штаба не вычистил и не подтянул. Эверт был очень твердых убеждений, пожалуй, даже упрям, и высказывал их вполне откровенно, так что мы

¹⁴² РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3589. Л. 101.

¹⁴³ Там же. Л. 181, 204.

неоднократно жестоко спорили с ним. Я его за это очень уважал его и любил, но все же было трудно работать с человеком, с которым по некоторым вопросам (особенно по организационным) я совершенно расходился во мнениях. Поэтому, когда он весной 1908 года заявил о своем желании получить корпус, я поспешил исполнить его желание»¹⁴⁴.

Следует заметить, что «упрямство» генерала в определенных вопросах, как показало время, было правильным. Эверт отстаивал существование крепостных войск, которые намеревались упразднить. Он был убежден, что крепостная война – война своеобразная, что крепостные войска должны получить особенную подготовку, знать каждый уголок крепости, назначение каждого укрепления. Алексею Ермолаевичу удалось отстоять свою точку зрения, но после его ухода из Главного штаба их все же упразднили¹⁴⁵. Опыт Первой мировой войны показал, что это решение было ошибочным. Таким образом, оценить деятельность Алексея Ермолаевича на посту начальника Главного штаба, опираясь исключительно на мемуары Редигера, не представляется возможным.

21 мая 1908 г. Эверт принял командование XIII Армейским корпусом. По всей видимости, Эверту удалось сыскать уважение офицеров корпуса за годы службы, так как через много лет, в тяжелом для Алексея Ермолаевича и его семьи 1918 г., один из них, причем не знакомый ему лично, попытается спасти ему жизнь¹⁴⁶.

Корпус входил в состав Московского военного округа, в рамках которого 21 февраля (6 марта) — 2 (15) марта 1911 г. была организована военная игра для старших войсковых начальников под руководством командующего войска округа П. А. Плеве. Эверт выступал на ней в качестве посредника одной из

¹⁴⁴ Редигер А. Ф. История моей жизни... Т. 2. С. 44.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 19, 19 об.

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 11 об, 12.

сторон¹⁴⁷. Генерал Э. В. Экк, командир Гренадерского корпуса, являлся посредником другой стороны на данной игре и вспоминал, что командующий округом выразил Эверту и ему «свое полное удовлетворение» за удачное руководство игрой¹⁴⁸.

До этого Алексей Ермолаевич 4 раза принимал участие в маневрах и военных играх: под Белостоком в 1896 г., Холмом в 1902 г., в упоминавшейся выше военной игре высших строевых начальников в штабе Варшавского военного округа в 1903 г. и в большом маневре округа в этом же году. Еще 10 раз Эверт был руководителем полевых поездок¹⁴⁹.

Вскоре после военной игры – в апреле 1911 г., Алексей Ермолаевич был произведен в генералы от инфантерии, а в июне следующего года был назначен командующим войсками Иркутского военного округа и войсковым наказным атаманом Забайкальского казачьего войска¹⁵⁰. Командующему округом приходилось решать разнообразные задачи, среди которых особенно важное значение имели: комплектование войск округа офицерским составом, совершенствование организационно-штатной структуры военно-окружного управления, боевая подготовка войск, внедрение новой техники¹⁵¹.

Начало Первой мировой войны стало, пожалуй, самой главной вехой в жизни Алексея Ермолаевича. В письме Эверта жене от 5(18) августа 1914 г. изложены весьма интересные обстоятельства, значительно повлиявшие на дальнейшую судьбу и карьеру генерала. Находясь в Петербурге, он получил телеграмму, в которой было указано, что император примет его 2(15) августа, а затем телеграмму от верховного главнокомандующего¹⁵². Примечательно

¹⁴⁷ Алпеев О. Е. Документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906 – 1914 гг.: источниковедческое исследование. М., 2014. С. 175, 333.

¹⁴⁸ Экк Э. В. От русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе 1868 – 1918. М., 2014. С. 192.

¹⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1055. Л. 167-169 об.

¹⁵⁰ Список Генерального Штаба... 1914. С. 38.

¹⁵¹ Ращупкин Ю. Ф. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск, 2003. С. 126.

¹⁵² Великого князя Николая Николаевича (младшего).

содержание бесед сиятельных особ с Алексеем Ермолаевичем. Генерал описывает свою встречу с Николаем II следующим образом: «Гос[ударь] Имп[ератор] был очень милостив и очень оживлен. Много говорил о политической обстановке, сказал, что сам предполагает стать во главе Армии, ... он вызвал меня, чтобы я состоял непосредственно при нем, но теперь, в виду назначения Главнокомандующего, я буду назначен командующим одной из армий»¹⁵³.

До Ставки Верховного Главнокомандующего Эверт добрался вечером 4 (17) августа: «Вел[икий] Кн[язь] встретил меня более чем любезно; мне говорили, что как только он был назначен Главноком[андующим], то на первом же докладе он спросил – неужели я оставлен в Иркутске, и нет ли возможности меня выписать, и очень был доволен, когда ему доложили, что Государь меня ... вызвал»¹⁵⁴. Очевидно, что содержание бесед противоречит друг другу. Следует отметить, что, судя по изложению, сам Эверт считает содержание разговора с Николаем Николаевичем более правдоподобным. Запись в дневнике Николая II об этой встрече, на мой взгляд, также косвенно свидетельствует об этом: «Принял ген[ерала] Эверта, прибывшего из Иркутска и скоро получающего назначение в действующей армии».¹⁵⁵ Очевидно, Эверт имел определенную репутацию в войсках, о которой, в частности, упоминает и Деникин, раз Николай Николаевич заметил и вспомнил его при формировании командного состава армий. Верховный Главнокомандующий предполагал назначить Эверта командовать 10-й армией, в которую должны были войти части, знакомые Алексею Ермолаевичу по Иркутскому военному округу, «мои Сибирские»¹⁵⁶, как он сам писал о них.

Эверт приступил к формированию штаба армии. В качестве начальника

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 1.

¹⁵⁴ Там же. Л. 1, 1 об.

¹⁵⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 479.

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 1 об.

штаба, он наметил С. Д. Маркова (с новым начальником штаба Иркутского Военного Округа – П. И. Аверьяновым, сменившим Маркова в марте 1914 г., Эверт не успел сработаться в достаточной степени). В качестве генерал-квартирмейстера – С. А. Сухомлина, занимавшего должность начальника управления генерал-квартирмейстера штаба Иркутского военного округа. Оттуда же Алексей Ермолаевич планировал взять уже хорошо знакомых офицеров Генерального штаба¹⁵⁷. Однако судьба Эверта пошла по другому пути.

Можно заключить, что Алексей Ермолаевич подошел к началу Первой мировой войны с солидным багажом служебного опыта. В карьере Эверта преобладала служба на штабных должностях, ей он отдал 20 лет и 4 месяца¹⁵⁸ своей жизни. В два раза меньше Эверт провел в строю – 9 лет и 7 месяцев, если учитывать 3 года службы в лейб-гвардии Волынском полку. Наконец, его опыт административной службы был крайне ограничен – 4 года и 3 месяца. В данном случае следует рассматривать пост командующего Иркутским военным округом как административный, так как именно эта составляющая преобладала в служебных обязанностях занимавшего этот пост.

Впечатляют не только абсолютные и относительные цифры, но и количество должностей, которые он занимал. Не перечисляя их вновь заметим, что среди главнокомандующих фронтами в годы Первой мировой войны напрашивается сравнение с биографией генерала Сахарова. Он также мог похвастаться таким разнообразием занимаемых должностей, при этом больше команду войсковыми соединениями (дивизия/корпус), а Эверт, в свою очередь, чаще и дольше занимал пост начальника штаба.

Эверт получил блестящее военное образование, проявив незаурядные способности в учебе. Но это не могло действительно подготовить будущего

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ При подсчетах использовалось математическое округление до полного месяца.

военачальника ко всем вызовам времени. Даже курс Николаевской академии Генерального штаба не успевал адаптироваться к стремительному развитию техники и военного искусства. По всей видимости, служба в Варшавском военном округе способствовала развитию теоретических знаний, а русско-японская война 1904-1905 дала бесценный практический опыт. Кроме того, Алексею Ермолаевичу 5 раз довелось отработать свое мастерство на маневрах и военных играх.

Следует подчеркнуть, что существующая в историографии тенденция преувеличивать роль Куропаткина в формировании профессиональных навыков Эверта должна быть отвергнута, как не имеющая под собой научных доказательств. Нельзя, однако, отрицать то, что Куропаткин существенно способствовал продвижению Эверта по службе.

§ 2. А.Е. Эверт на посту командующего 4-й армией

Согласно «Положению о полевом управлении войск», командующий армией в направлении военных действий руководствуется указаниями главнокомандующего армиями фронта, избирая по собственному усмотрению способы к достижению целей. «Положение» подробно определяет в первую очередь хозяйственные обязанности командующего армией, при этом его взаимоотношения с подчиненными при выполнении армией боевых задач обозначались весьма туманно. Упоминались лишь два инструмента, которыми следовало пользоваться командующему: кадровая политика и установление разграничительных линий между корпусами. Статья №409 «Положения» подчеркивала, что командующий армией есть начальник всех войск, входящих в состав армии¹⁵⁹, но, тем не менее, это не сколько не проясняло того, как будет построена текущая работа армии и ее штаба. Соответственно, нашей задачей

¹⁵⁹ Положение о полевом управлении войск в военное время. С. 53.

является, в частности, описание того стиля управления, который внедрил Эверт в подчиненной ему армии.

Русское развертывание армий Юго-Западного фронта, направленных против Австро-Венгрии, заключалось в образовании двух крыльев по две армии каждое. Северное крыло состояло из 4-й армии генерала-от-инфантерии А. Е. Зальца и 5-й армии генерала-от-кавалерии П. А. Плеве и располагалось на Люблин-Холмском направлении. Южное крыло состоял из 3-й армии генерала-от-инфантерии Н. В. Рузского и 8-й армии генерала-от-кавалерии А. А. Брусилова, которые располагались на Галич-Львовском направлении.

Крылья русского Юго-Западного фронта, сходясь внутренними флангами к Львову, должны были разом сжать всю группировку противника. Маневр на окружение должны были осуществлять, прежде всего, 5-я и 3-я армии из районов Холм (северный фас линии фронта) и Дубно, а 4-я и 8-я армии обеспечить главный маневр с флангов¹⁶⁰.

Данный план был основан на базе сведений, полученных перед войной от агентуры в Австро-Венгрии. На самом деле австрийская дислокация и направление главного удара претерпели в 1913 г. изменения в связи с планами Конрада фон-Гетцендорфа переместить направление главного удара на север. В период мобилизации и боевого развертывания австро-венгерской стороне удалось удержать в секрете произошедшие изменения¹⁶¹.

9(22) августа 1914 г. австро-венгерские армии перешли в наступление, первой остановкой на пути в Люблин был Красник, приобретающий особое значение. Красник был центром пересечения железных дорог, связывающих Ивангород – Люблин – Холм, вдоль которых разворачивалась 4-я армия. Перед началом боевых действий из состава 4-й армии был изъят XX Армейский корпус, а III Кавказский Армейский корпус, который должен был

¹⁶⁰ *Оськин М. В.* Галицийская битва. Август 1914. С. 5-7.

¹⁶¹ *Оськин М. В.* Галицийская битва. Август 1914. С. 8-9; Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Том I. С. 101, 113.

компенсировать эту потерю, еще не прибыл. В результате 4-я армия в первые дни боев оказалась серьезно ослаблена, уступая примерно в 1,5 раза противостоящим ей австрийцам.

10(23) августа 4-я армия сама попыталась перейти в наступление. Представления о том, насколько велики реальные силы противника, ее штаб не имел. Зальца поставил перед своими подчиненными задачу выйти на линию Перемышль – Завихвост. Увлечшись преследованием легко опрокинутых передовых частей противника, неожиданно для себя, русская кавалерия, а затем и пехота, столкнулись с превосходящими силами противника. Резко возросшие потери вынудили войска к отходу. Управление армии оказалось не на должной высоте, координация наступающих корпусов практически полностью отсутствовала. В трехдневном сражении 10–12 (23–25) августа три русских корпуса – XIV, XVI и Гренадерский были по очереди разбиты. Потери русских войск составили до 20 000 человек и 28 орудий¹⁶².

В сложившейся ситуации верховным главнокомандующим было принято решение о смене ряда начальствующих лиц, в том числе и командующего армией. Дежурный генерал Ставки – П. К. Кондзеровский вспоминал: «Первое наше наступление на Юго-Западном фронте было неудачное. Штаб Юго-Западного фронта был тогда в Ровно. Ночью Великий Князь, всем составом своего поезда, отправился туда. Когда он вернулся, Янушкевич тотчас вызвал меня и объявил, что Верховным Главнокомандующим сменены Командующий 4-ой армией генерал Барон Зальца, командир XVI-го корпуса генерал Гейсман¹⁶³ и начальник 3-ей гренадерской дивизии генерал Добрышин¹⁶⁴. Командующим 4-ой армией был назначен генерал Эверт, который должен был командовать сибирскими стрелками по их прибытии на фронт и, следовательно,

¹⁶² Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. I. С. 113-114.

¹⁶³ Генерал от инфантерии П. А. Гейсман.

¹⁶⁴ Генерал-лейтенант Ф. Н. Добрышин.

был пока не у дел».¹⁶⁵ Официально Эверт был назначен командующим армией 13 августа, однако судя по свидетельствам генерала, решение о смене командования 4-й армии принималось еще накануне, на исходе сражения под Красником: «...вдруг ночью с 12-го числа меня разбудили, передав приказание Верхов[ного] Главнок[омандующего] немедленно ехать с ним на его поезде. Утром 13-го я был в Ровно, и там же получил приказание немедленно вступить в командование отступавшей армией вместо Зальца. В ту же ночь я вступил в командование этой армией, не зная никого из начальствующих лиц, ни своего штаба, даже состава войск»¹⁶⁶.

Состояние войск, вверенных Эверту, обоснованно вызывало у него значительные опасения: «Между тем в армии заметно упал дух ввиду отступления, отходим, как только начинали стрелять. Управление в некоторых частях было из рук вон плохо»¹⁶⁷. Алексей Ермолаевич сразу перешел к решительным действиям, которых требовало положение. Первый приказ Эверта по армии гласил «отступления не допускаю», он вышел 14(27) августа и произвел хорошее впечатление на войска, которые уже утром этого дня начали тяжелейшие бои за Люблин¹⁶⁸. Как писал сам генерал «малейшее отступление крутыми приказаниями заменялось переходами в наступление и занятием оставленных мест». Кроме того, Алексей Ермолаевич в течение 3-х дней отрешил от должности и выслал из армии командира корпуса, 2-х начальников дивизий и 2-х бригадных командиров¹⁶⁹.

Однако, положение оставалось очень тяжелым: «с 13-го авг[уста] по 28-е велся непрерывный упорный бой; были дни и часы, когда я (Эверт – С. С.) считал дело проигранным и, что не только не удержу Люблина, но понесу

¹⁶⁵ Кондзеровский П. К. В ставке верховного. Т. 1. С. 160.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 1 об, 2.

¹⁶⁷ Там же. Л. 2.

¹⁶⁸ Баланин Д. [В.] На боевых полях... // ВС. 1917. №2. С. 35.

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 2.

поражение и буду отброшен на Брест»¹⁷⁰. После прибытия первых частей XVIII армейского корпуса Алексей Ермолаевич приказал 15(28) августа перейти в наступление правым крылом с целью отбросить противника за реку Ходель и Опольненские леса¹⁷¹. Встречается тезис, что Эверт не допустил ввода в бой подходивших от Варшавы войск по частям и XVIII корпус был брошен в бой единой массой¹⁷², однако, по всей видимости, он не соответствует действительности, так как вследствие забитости железных дорог к 7 часам 14(27) августа в район армии прибыла из Варшавы одна только бригада XVIII. Это в частности сказалось на эффективности действий 15(28) августа¹⁷³.

Примечательно, что положение армии виделось командующему настолько тяжелым, что Алексей Ермолаевич вынужден был просить Главнокомандующий Юго-Западным фронтом поставить ему общую задачу, если армия будет вынуждена будет отойти за реку Вепрж¹⁷⁴.

15(28) августа противник с особой энергией атаковал центр 4-й армии, а на правом фланге она сама перешла в наступление. Атака на правом фланге развивалась медленно и вскоре была остановлена, тем не менее, важно отметить, что к этому времени кризис миновал, но о стабилизации положения говорить не приходилось. На левом фланге армии образовался разрыв между Гренадерским (4-й армии) и XXV-м (5-й) корпусами¹⁷⁵.

В штабе 4-й армии в те дни царило смятение, так как ей приходилось действовать в условиях абсолютной недостаточности информации, что ярко демонстрирует разговор Иванова с Эвертом по телеграфному аппарату вечером 17(30) августа. Главнокомандующий фронтом хотел получить ответ на ряд

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. С. 147.

¹⁷² *Оськин М. В.* Галицийская битва. Август 1914. С. 14.

¹⁷³ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 147; Милоданович Е. А. Из записной книжки Начальника штаба 14-го армейского корпуса 1914 год. // Военная быль. 1972. №114. С. 6.

¹⁷⁴ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 147

¹⁷⁵ *Милоданович Е. А.* Из записной книжки Начальника штаба 14-го армейского корпуса 1914 год. // Военная быль. 1972. №114. С. 6.

вопросов: прибыла ли 1 гвардейская пехотная дивизия, посланная временно в 4-ю армию, где она высадилась, имел ли командующий армией по поводу ее определенное соглашение с генералом П. А. Лечицким, в формирующуюся армию которого она предназначалась, когда окончится ее высадка? В результате выяснилось, что прибыл только первый эшелон дивизии, о времени прибытия оставшейся части дивизии Алексей Ермолаевич судить не мог, так как эшелоны шли «крайне неправильно» (ему было обещано, что дивизия сосредоточится еще утром). Штаб армии не имел сведений о плане перевозки. С Лечицким Эверт не имел не только никакого соглашения, но и вообще не знал о назначении последнего и тем более о его задачах. При этом командующий 4 -й армией был твердо уверен, что гвардейцы должны были войти в состав его армии. О ситуации в армии генерала П. А. Плева он был осведомлен «в общих чертах».

Иванов до начала разговора был убежден, что Эверт в состоянии не только удерживать свой фронт, но и помочь 5-й армии восстановить положение. Командующий 4-й армией доложил о весьма сложной ситуации: «войска армии 7 дней непрерывно дерутся; по донесениям Командиров корпусов [войска] до крайности истомлены и потери очень велики. Я с трудом отстаиваю занятые позиции; несколько раз на отдельных участках начиналось отступление, особенно в XVI-м корпусе 15 числа и у гренадер 14-го. Проходилось отдавать особо энергичные приказания и особенно напряженные усилия, чтобы возвращать все назад. ... Нужен хоть день отдыха. ... Частям ... приходится в боевой линии удерживать с переходом в штыки. Прибывшие резервные полки уже введены в боевую линию. Для перехода в решительное наступление, кроме гвардейской дивизии, [прошу] еще ... бригаду Кавказского корпуса, которая мне была обещана. Наступление могу начать через сутки после прихода назначаемых мне частей гвардейских и кавказских». Иванов счел аргументы подчиненного убедительными и утвердил его предложение атаковать через сутки после прибытия 1-й гвардейской дивизии, и головной

бригады III Кавказского корпуса¹⁷⁶.

Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Алексеев сомневался в успехе задуманного предприятия, считая атаку такими силами «трудной», Эверт же, в свою очередь, не оспаривал, что «чем сильнее, тем вернее», но подчеркивал значение фактора времени. Командующий 4-й армией предлагал «не останавливаться на категорическом решении ожидать до прибытия последнего эшелона, как мы ждали под Мукденом прибытия последней осадной батареи, а действовать сообразно обстановке»¹⁷⁷. Обстановка действительно внесла свои коррективы в планы.

В ночь с 15(28) на 16(29) августа противник опять атаковал центр армии (XVI корпус). Для парирования прорыва командующий армией приказал Гренадерскому корпусу наступать в направлении на Тушев, во фланг противнику, потеснившему XVI корпус. В свою очередь XVI корпус в 13 часов 16(29) августа перешел в наступление, которое, однако, ограничилось только небольшим успехом¹⁷⁸.

В штабе Эверта и в штабе Юго-Западного фронта создалось впечатление, что противник готовит охват обоих флангов 4-й армии¹⁷⁹. План австрийской стороны был определен верно: на правый фланг 4-й австрийской армии направлена была группа эрцгерцога Иосифа-Фердинанда, а на левый фланг 1-й австрийской армии решено было переправить корпус Г. Куммера с левого берега Вислы на правый¹⁸⁰. Замысел противника относительно правого фланга Алексей Ермолаевич предполагал парировать конницей князя Туманова и XVIII армейским корпусом. Для парирования охвата на левом фланге армии генерал Эверт приказал Гренадерскому корпусу сосредоточиться в районе

¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-3.

¹⁷⁷ Там же. Л. 6-8 об.

¹⁷⁸ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 148.

¹⁷⁹ Милоданович Е. А. Из записной книжки Начальника штаба 14-го армейского корпуса 1914 год. // Военная быль. 1972. №114. С. 8.

¹⁸⁰ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 148-149.

Хмель-Ольшанка¹⁸¹. Переправа корпуса Куммера состоялась, но дальнейшее его наступление на Ополе встретило «непреодолимое сопротивление» XVIII корпуса¹⁸².

Воздушная разведка обнаружила, что части противника, наступавшие на левом фланге армии, находились утром 17(30) августа у Орховца и Горжкова. Таким образом, ясно намечался обход левого фланга армии: неприятель вклинивался между армиями Эверта и Плеве, причем разрыв между армиями становился опасным для 5-й армии тем, что к вечеру части X австро-венгерского корпуса обошли правый фланг XXV армейского корпуса у Избицы и заняли Красностав в его тылу¹⁸³.

Командующий армией чувствовал нарастающий кризис, вечером 18(31) августа Эверт информировал Иванова: «позвольте-же Вам доложить с полной откровенностью настоящее положение: корпуса ведут ежедневно бой с величайшим геройством, но всему есть предел...»¹⁸⁴.

Вследствие занятия австрийцами Красностава, главнокомандующий Юго-Западным фронтом приказал Эверту оказать содействие 5-й армии. Для очищения района Красностава от противника Алексеем Ермолаевичем был направлен отряд генерала Ф. А. Волошинова, начальника 82 пехотной дивизии¹⁸⁵. Н. Н. Головин, подробно рассмотревший этот эпизод боевых действий, приходит к неутешительному выводу: отряд генерала Волошинова представляла собою «типичный продукт канцелярского творчества штаба армии, сымпровизировавшего отряд, и не побеспокоившегося о том, чтобы приезжающему начальнику, по крайней мере, не приходилось бы самому разыскивать назначенные к нему в отряд части». Сила отряда, которая

¹⁸¹ Милоданович Е. А. Из записной книжки Начальника штаба 14-го армейского корпуса 1914 год. // Военная быль. 1972. №114. С. 8.

¹⁸² Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 149.

¹⁸³ Милоданович Е. А. Из записной книжки Начальника штаба 14-го армейского корпуса 1914 год. // Военная быль. 1972. №114. С. 8.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 5. Л. 13 об. - 15.

¹⁸⁵ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 171.

рисовалась в соображениях штаба 4-й армии в две дивизии – одну пехотную и одну кавалерийскую, на самом деле не достигала даже одной пехотной бригады¹⁸⁶. Сам Эверт в разговоре с Ивановым днем 19 августа (1 сентября) упоминает о «двух полках генерала Волошинова»¹⁸⁷.

Более того, Головин проводит интересную параллель: «...штаб армии назвал это соединение "колонной", избегая слова "отряд". Это замечание чрезвычайно характерно. Дело в том, что, разбирая причины наших постоянных тактических неудач в войну 1904-05 гг., Императорская Николаевская военная академия обратила особое внимание на постоянное нарушение со стороны высшего командного состава существующей войсковой организации»¹⁸⁸. Стоит заметить, что подобный стиль руководства был для Алексея Ермолаевича скорее данью экстраординарной ситуации, которая явно располагала к излишней нервозности при руководстве войсками.

Головин видит главную причину организационных просчетов командования 4-ой армии в несоответствии занимаемой должности начальника штаба армии: «Начальник штаба 4-й армии ген. Гутор, отличный строевой начальник не выше дивизии, являлся на такой высшей должности Генерального Штаба, как наштарм, человеком научно совершенно отставшим»¹⁸⁹. Для Головина ошибки командования 4-ой армии – результат того, что Алексей Ермолаевич не имел надежной опоры в лице своих ближайших подчиненных: «Заменивший генерала Зальца генерал Эверт остался с прежним штабом. Чувствуя дефекты своего начальника штаба и тождественного с ним по военно-научной неподготовленности генерал-квартирмейстера (И. И. Попов — С. С.), генерал Эверт взял непосредственно в свои руки и ту часть оперативной работы, которую должны были бы выполнять

¹⁸⁶ Головин Н. Н. Дни перелома Галицийской битвы... С. 43.

¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹⁸⁸ Головин Н. Н. Дни перелома Галицийской битвы. С... 43.

¹⁸⁹ Там же. С. 43.

его ближайшие сотрудники. Но такая работа в условиях современной войны не по силам одному человеку, даже выдающемуся. "Прорывы" в подобной работе являются неминуемыми, в особенности в дни особого боевого напряжения. Примером такого "прорыва" и является рассказанный выше случай создания "колонны ген. Волошинова"¹⁹⁰.

Закономерно, что отряд, атакованный 19 августа (1 сентября) юго-восточнее деревни Пяски с обоих флангов значительными силами Х австрийского корпуса, вынужден был отступить в направлении станции. Согласно донесению офицера Генерального штаба, высланного Эвертом на место, оба полка бежали и лишь два батальона с начальником штаба 82 пехотной дивизии отошли на Травники. Командующий 4-й армией готовился к обрыву телеграфного сообщения со штабом фронта¹⁹¹. Левый фланг 4-й армии был сбит, на правом ее фланге также не прекращались активные действия противника¹⁹². Сама станция Травники неприятелем занята не была. В ночь с 19 на 20 августа (1 на 2 сентября) через нее прошел поезд, в котором из Ровно проехал в Люблин генерал Алексеев¹⁹³. Таким образом, прорыва у станции Травники, фактически не было. Этот факт важен по той причине, что, по мнению Н. Н. Головина, ситуация, сложившаяся к концу дня 19 августа (1 сентября) не была столь фатальной, как ее представляли в штабе 4-й армии. Переоценка драматизма ситуации привела, с его точки зрения, к излишней «суетливой примитивности» с которой велась оперативная работа в штабе 4-й армии (Головин имел возможность воочию ее оценить)¹⁹⁴.

Конечно, Николаю Николаевичу было значительно проще оценить обстановку на страницах своей работы, нежели Алексею Ермолаевичу и его штабу в боевых условиях. Гренадерский корпус, понесший значительные

¹⁹⁰ Там же. С. 44.

¹⁹¹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹⁹² Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 171-172.

¹⁹³ Головин Н. Н. Дни перелома Галицийской битвы... С. 53.

¹⁹⁴ Там же. С. 56.

потери, продолжал отступление, его боевые возможности резко упали. Травники обстреливались неприятельской артиллерией. Русские войска отходили на позицию у Неджвица – Дужа в 16 км южнее Люблина. Полной уверенности в том, что ее удастся удержать в ночь с 19 на 20 августа не было (1 на 2 сентября)¹⁹⁵.

Наступало 20 августа (2 сентября), день, который сам Алексей Ермолаевич считал самым тяжелым из всех в период борьбы за Люблин¹⁹⁶. В виду угрозы левому флангу 4-й армии, еще до того, как там обозначилось катастрофическое положение, с целью сковать свободу действий противника, Эверт решил перейти в наступление правым крылом армии, для чего XVIII, правому флангу XIV корпуса и 13 кавалерийской дивизии было приказано атаковать противника в направлении на Ополе – Юзефов – Ходель. Остальным корпусам приказывалось поддержать это наступление артиллерийским огнем на своих участках. Для парирования прорыва у станции Травники предполагалось собрать под командованием генерала Мрозовского (командир Гренадерского корпуса) 30 батальонов¹⁹⁷. Чтобы заткнуть образовавшуюся брешь, Эверт бросал все имеющиеся силы навстречу противнику, снова дробя нормальную организацию войсковых соединений: три полка гренадер, два полка Кавказцев и бригаду гвардейцев¹⁹⁸. Это удалось сделать в предельно короткий срок благодаря тому, что Алексей Ермолаевич «не имея сведений, просто предчувствием, ... предупредил обход и направил к угрожаемому направлению войска»¹⁹⁹.

Отряд генерала Мрозовского в конце концов оказался состоящим из частей семи пехотных и одной конной дивизии²⁰⁰. Следует отметить, что

¹⁹⁵ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. I. С. 127.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 2 об.

¹⁹⁷ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 172.

¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 2 об.

²⁰⁰ Головин Н. Н. Дни перелома Галицийской битвы... С. 61.

начальник штаба армии генерал Гутор в ночь на 20 августа (2 сентября) утратил самообладание и начал отдавать противоречивые распоряжения, в результате которых войска утомлялись бессмысленными переходами²⁰¹. Очевидно, что смена начальника штаба армии в столь сложных условиях – весьма противоречивое решение. Однако Эверт оставит Гутора на своем посту и далее, вплоть до марта 1915 г., когда последний изъявил желание принять командование дивизией²⁰². Судя по всему, Алексей Ермолаевич был доволен работой своего подчиненного и даже более того, П. К. Кондзеровский отмечал, что между ним и его начальником штаба «царило полное согласие»²⁰³. При этом и самому Алексею Ермолаевичу явно было тяжело сдерживать волнение в те дни, даже когда ситуация в какой-то степени нормализовалась²⁰⁴.

20 августа (2 сентября) войска, подчиненный генералу Мрозовскому силы атаковали главные силы X австрийского корпуса под Суходолами. Атака увенчалась успехом, были захвачены 5000 пленных, 1 знамя и 8 пулеметов²⁰⁵. Бой этот, по словам Эверта, был кризисом, после него положение стало улучшаться²⁰⁶. Удачными были и действия на правом крыле 4-й армии, где XVIII и XIV корпуса продвинулись на 5-10 верст²⁰⁷.

Возвращаясь к оценке ситуации Головиным, стоит отметить, что Николай Николаевич считал возможным получить от сложившегося положения гораздо больше: «Несмотря на подход к боевой линии X-го А.-В. корпуса третьей его пех. дивизии (45-й), преимущество в силах переходило на нашу сторону, так как у нас заканчивалось сосредоточение частей Гвардейского и III-го Кавказского корпусов, а в тыл X-го А. В. корпуса выходил наш XXV-й корпус. При такой стратегической обстановке нам совсем не нужно было торопиться с

²⁰¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. I. С. 127.

²⁰² ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 962а, л. 10 об.

²⁰³ Кондзеровский П. К. В ставке верховного... С. 54.

²⁰⁴ Н. М. Романов. Записки. Красный архив, 1931, № 4-5. С. 166.

²⁰⁵ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 172.

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 2 об.

²⁰⁷ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 172.

атакой. Напротив того, встретив атаку X-го А.-В. корпуса на позициях Гренадерского корпуса, мы выиграли бы время для более глубокого выхода в тыл X-му А.-В. корпусу, не только нашего XXV арм. корпуса, но и следовавшего уступом левее его другого корпуса армии ген. Плеве – XIX-го»²⁰⁸. Таким образом, существовала гипотетическая возможность окружения X корпуса противника, которая, однако, не была реализована.

После успешного для 4-й армии боя под Суходолами неприятель отходил в южном и юго-западном направлениях, порой, однако, оказывая упорное сопротивление. Например, ландверный корпус генерала от инфантерии Р. фон Войрша, занявший линию Туробин – Тарнавка, удерживал на этом направлении русские войска 2 дня²⁰⁹. Вследствие упорного сопротивления противника Эверт 26 августа (8 сентября) донес Иванову, что если части 4-й армии в этот день не сломят сопротивление противника, то, в виду громадных потерь, перемешивания частей и продолжительности боев, следует приостановить наступление, дать войскам отдохнуть и разобраться, ожидая момента, когда на обстановке скажутся результаты наступления 5-й армии на Белгород – Янов. В связи с этим главнокомандующий Юго-Западным фронтом на следующий день издал следующую директиву: «тяжелые жертвы, [с] которыми сопряжены атаки на сильно укрепленные позиции противника ... побуждают поставить 9 и 4 армиям задачу прочно утвердиться на завоеванных местах, отстоять их от возможных покушений противника, приковать к себе его силы, воспрепятствовать перемещению их [в] другие армии»²¹⁰.

Как видно из состоявшегося в тот же день разговора по аппарату, телеграмма Эверта имела целью лишь стимулировать «энергичное наступление двух или одного корпусов 5 армии», так как, по заверению командующего 4

²⁰⁸ Головин Н. Н. Дни перелома Галицийской битвы... С. 63.

²⁰⁹ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 198.

²¹⁰ Там же. С. 200.

армией, ни он, ни Лечицкий «и не думали переходить к обороне»²¹¹. Это был своеобразный шантаж, в связи с которым Иванов потребовал от подчиненных «более осторожной ориентировки и более определенного изложения ... намерений и решений...»²¹².

Из первого опыта атак укрепленных позиций в новых условиях мировой войны Эверт сделал вывод о чрезвычайной важности обеспечения войск шанцевым инструментом, обратив внимание командиров корпусов на необходимость иметь «достаточное» число ножниц для резки проволоки и «других предметов для преодоления препятствий»²¹³. Кроме того, становилась очевидной нехватка оперативной артиллерийской поддержки на поле боя. В связи с этим, командуя армией 24 сентября (7 октября) «рекомендовал» придавать пехотным частям взводы артиллерии²¹⁴.

Алексею Ермолаевичу, однако, в эти дни приходилось бороться не только с противником, но и с командующим Гвардейским корпусом, подчиненным ему – генералом Безобразовым. 24 августа (6 сентября) последний отправил командиру армии телеграмму №403, в которой уведомил его о своем решении, ссылаясь на утомление 2 гвардейской пехотной дивизии, задержать наступление 1 гвардейской дивизии до выхода второй дивизии к Гелчеву для охвата противника с юга с целью «уменьшения ненужных потерь». Командарм, не имея возможности оставлять корпус без боевой работы во время напряженных боев, вынужден был настаивать. В своей ответной телеграмме он указал, что остальные войска армии сражаются с 10(23) августа и утомлены несравненно больше, подчеркнув необходимость продвижения левым флангом армии в связи с активностью противника против соседней 9-й армии. Гвардейский корпус вынужден был подчиниться, но демонстративно начал

²¹¹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 5. Л. 25-26 об.

²¹² Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 200.

²¹³ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 4. Л. 303.

²¹⁴ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 6. Л. 276.

атаку на 40 минут позже других частей. Эверт указал на это Безобразову, дипломатично предположив, что приказание были доставлены с запозданием²¹⁵.

Следует подчеркнуть, что приказание командующего армией далеко не всегда выполнялись аккуратно не только Безобразовым. Например, в своей телеграмме №1147 от 3(16) сентября 1914 года Алексей Ермолаевич высказывает свои подчиненным возмущение в связи с тем фактом, что, несмотря на отданный им категорический приказ не помещать в приказах корпусов дивизиям всех деталей обстановки, даваемой им в приказаниях корпусах, подобные случаи повторяются. Эверт настаивал, чтобы сведения давались лишь в том объеме, который необходим для исполнителей²¹⁶.

В конечном итоге 27 августа (9 сентября), сопротивление противника удалось сломить²¹⁷. Положение на фронте в те дни Эверт описал так: «... на всем фронте разбитый противник стал быстро отступать. За это все время (с момента принятия командования армией – С. С.) австрийцы, и частью германцы, понесли громадные потери убитыми и ранеными, взято много пленных, 40 орудий, масса брошенных ружей, много пулеметов, ... перехожу в безостановочное преследование»²¹⁸.

Потери в рядах русских войск были не менее чувствительными: командир 18 пехотной дивизии Д. В. Баланин отмечал, что 3-х полковая дивизия, еще не совсем собранная, потеряла за 2 недели (до 19 августа – С. С.) боев 49 офицеров и 1922 нижних чина, что составило 23% офицерского и 13% тогдашнего наличного состава нижних чинов. Еще сильнее пострадала 2-я стрелковая бригада, убыль которой достигала 53-х офицеров и 2557 нижних чинов²¹⁹. Командующий армией, чтобы уменьшить убыль офицерского состава, разрешил офицерам не носить плечевых ремней, которые по показаниям

²¹⁵ Т РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 4. Л. 99-100, 119.

²¹⁶ Там же. Л. 213-214.

²¹⁷ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 199-200.

²¹⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 2 об.

²¹⁹ Баланин Д. [В.] На боевых полях... // ВС. 1917. №2. С. 46.

пленных позволяли неприятельским стрелкам в бинокль на достаточно большом расстоянии распознать их²²⁰.

Потери выбивали из строя кадровую армию, которую едва ли могли заменить молодые пополнения. В конце сентября Алексей Ермолаевич осведомлялся у командира III Кавказского корпуса генерал-лейтенанта В. А. Ирмана даже не о том, как ведется обучение рекрутов, а просто, ведется ли оно, обращая на это «серьезное внимание» подчиненного²²¹. По показаниям плененных ружейный огонь русских солдат был мало действителен, так как пули летели через головы наступающего противника. Эверт приказал «внушить нижним чинам о бесцельности такой стрельбы, о том, что противник перестает бояться нашей пехоты». Начальствующим лицам предписывалось особенно следить в окопах за прицеливанием²²².

Остро встала и проблема поддержания дисциплины, уже в сентябре 1914 г. командующий армией отчитывался перед Ивановым о мерах, принятых для борьбы с уклонением от службы. Уже через две недели после своего назначения Эверт приказал безотлагательно назначить в каждом корпусе тылового коменданта и «принять самые суровые меры к водворению порядка в тылу армии». Данные должностные лица должны были наблюдать за соблюдением порядка в тылу корпуса, подчиняясь указаниям начальника штаба. Инструкцию для своей деятельности, по задумке Алексея Ермолаевича, они должны были получить от командира корпуса. В распоряжение тылового коменданта передавалась сотня корпусной конницы²²³. По всей видимости этого оказалось недостаточно, так как Эверту пришлось организовывать позднее специальную «операцию» в тылу армии: он дал распоряжение командирам корпусов, начальнику Люблинского гарнизона и начальнику

²²⁰ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 4. Л. 217.

²²¹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 6. Л. 234.

²²² РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 7. Л. 296.

²²³ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 4. Л. 225, 233.

этапно-хозяйственного отдела армии «экстренно осмотреть весь тыл, забрать всех бродяг, произвести расследование и виновных в уклонение предать суду по законам военного времени и впредь не допускать подобного явления (дезертирства – С.С.) под строжайшей ответственностью корпусных тыловых и этапных комендантов. Вместе с тем, жандармы были направлены с целью осмотра всех станций железной дороги Ивангород – Люблин и Ивангород – Луков²²⁴.

В связи с обозначившимся на фронте 4-й армии успехом, ей была поставлена задача теснить врага, наступая на линию реки Сана – Кржешов – Розвадув, а наличную конницу, поддержанную пехотой, бросить на Янов для захвата и прочного удержания этого пункта²²⁵. При занятии последнего в стороне от города найдено несколько легких барачных корпусов с больными дизентерией, всего 38 человек, в течение 3-х дней они ничего не ели, между ними были уже несколько умерших²²⁶. Этот факт ярко показывает степень поспешности отхода австрийцев и их неорганизованность.

Наступление армии развивалось достаточно успешно, в письме от 5(18) сентября Алексей Ермолаевич упоминает о 20 000 взятых в плен солдат противника, 70 орудиях, множестве зарядных ящиков, свыше 3000 повозок обозов, множестве пулеметов²²⁷. И все же главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов остался не совсем доволен достигнутыми результатами. Он телеграфировал следующее: «во время последней операции не все части армии разбив противника энергично неотступно преследовали его для довершения поражения, о чем мною указывалось неоднократно»²²⁸.

Вследствие тяжелого положения, сложившегося в ходе боев под Львовом, командование Юго-Западного фронта организовало 8-9 (21-22) сентября общее

²²⁴ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 6. Л. 247.

²²⁵ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 1. С. 200-201.

²²⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 3.

²²⁷ Там же. Л. 3 об.

²²⁸ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 4. Л. 304.

наступление 9-й, 4-й и 5-й армий. Первым результатом этой атаки был разгром немецкого ландверного корпуса фон Войрша. Преследуя противника, русские войска развили 10-11(23-24) сентября весьма высокий темп наступления, пройдя по 30-32 километра. Это создавало угрозу флангового охвата и дальнейшего окружения 2-й, 3-й и 4-й австро-венгерских армий, однако, противник принял единственно верное и своевременное решение об отходе, который начался в ночь на 12(25) сентября²²⁹. Успешные действия армии Эверт охарактеризовал так: «словом, полный разгром, не удалось только окружить, слишком быстро отошли». Победа далась тяжелой ценой: особенно пострадали некоторые полки Гвардейского и Гренадерского корпусов²³⁰. Остро ощущался недостаток продовольствия, фуража и боеприпасов, которые трудно было доставить по испорченным коммуникациям. Все эти факторы затрудняли преследование, благодаря чему, австрийцы, оторвавшись на 1,5 перехода к 16 (29) сентября, попытались создать фронт по реке Сан. Однако это им так и не удалось²³¹.

Алексею Ермолаевичу приходилось каждый день выдерживать серьезные нагрузки, связанные с его профессиональной деятельностью: «встаем мы в 6 ч[асов], в 7 час[ов] приносят мне кипу телеграмм – особо экстренные докладываются дежурным офицером ночью, – прочтение телеграмм, распоряжения по ним занимают время до обеда; в 2 ч. обедаем все вместе... После обеда, согласно полученным донесениям, разрабатываются распоряжения на следующий день и составляются донесения главнокомандующим; в 9 час. ужин, затем доклады по довольствию армии всеми видами – относительно подвоза, эвакуации раненных служащих чинов армии, и т.п.; ложусь в 12-1 ч. Иногда это прерывается поездками в какой-либо корпус, но это удовольствие выпадает мне редко, – или переездами на др[угое]

²²⁹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. I. С. 134-135.

²³⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 3, 3 об.

²³¹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. I. С. 134-135.

место расположения, что тоже совершается возможно реже, т.к. нарушается связь по телеграфу и телефону, поэтому переезжаю только тогда, когда к новому месту проведена телеграфная и телефонная линия от корпусов и главнокомандующего»²³².

17(30) сентября Алексей Ермолаевич был чрезвычайно обрадован телеграммой о награждении его орденом Святого Георгия 4-й степени. Эту награду он оценил весьма высоко: «Нечего и говорить, что я очень счастлив и особенно тем, что так высоко оценены мужество и доблесть полков армии доставивших Люблинскую победу – эта награда соответственно, им, – я так и объявил в приказе»²³³.

Германское командование было чрезвычайно обеспокоено ситуацией на австро-венгерском фронте ²³⁴. После переговоров между германским и австрийским командованиями было решено для совместного наступления с австрийцами из района Кракова образовать новую 9-ю армию. Она должна была наступать на Ивангород – Варшаву, где у русских имелись только незначительные части разведки и прикрытия²³⁵.

В качестве одной из контрмер, которое наметило русское командования для противодействия наступлению противника, стал сбор у Ивангорода сводной армии, для чего выделялось управление 4-й армии с генералом Эвертом во главе, два корпуса из той же армии и один из 9-й. Новая 4-я армия должна была прибыть под Ивангород 18 сентября (1 октября)²³⁶. Перед армией была поставлена задача – выдвинуть свои корпуса на левый берег Вислы вдоль всего фронта армии и укрепиться на этом рубеже к 27 сентября (10 октября), а через 3 дня овладеть Радомом и всем течением р. Илжанки²³⁷.

²³² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 6 об., 7.

²³³ Там же. Л. 3 об.

²³⁴ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. I. С. 156.

²³⁵ *Коленковский А.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. С. 267.

²³⁶ *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. I. С. 160-161.

²³⁷ *Нелипович С. Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 31, 40, 43.

Комендант крепости Ивангород А. В. Шварц, в те дни имевший возможность не только познакомиться с Эвертом лично, но и воочию видеть его работу в качестве командующего армией, оставил следующую его характеристику в своих воспоминаниях: «Он был очень высокого роста и плотного телосложения, с энергичным и как бы суховатым выражением лица, с черной бородой. ... По виду он производил впечатление очень решительного человека, но в действительности не был таковым. За все время его командования 4-й армией он был чрезвычайно осторожен и ни разу не решился на предприятие, которое могло бы дать большой успех, если бы было успешно выполнено, но и было бы сопряжено с известным риском. Однажды он сам сказал мне: "Моя армия ни разу не имела крупного успеха, но зато и ни разу не была бита". Я считаю эту, по моему мнению, слишком большую осторожность отрицательной стороной военных качеств генерала Эверта, так как было несколько случаев, когда он решительным ударом мог нанести противнику неисчислимый вред, но он оставался неподвижен, принимая все меры к тому, чтобы отразить нападение, если на него начнут наступать, и тем самым терял время, давал противнику возможность свободно маневрировать и окончательно упускал случай. ... Однако под наружной суровостью в нем таилось в действительности доброе сердце»²³⁸.

Замечание Шварца о добром сердце, которое скрывалось под суровой наружностью Эверта, кажется мне весьма метким. В связи с этим, примечательна история, рассказанная Эвертом в одном из писем к жене: «вчера сделал незаконный поступок: приходит нач[альник] забайкальской бриг[ады] ген[ерал] Т. (генерал-майор С. В. Томашевский – С. С.) и со слезами на глазах просит отпустить его на 10 дней в отпуск. Я отказал, но спросил, почему он ... просит меня совершить незаконный поступок. Он мне рассказал след[ующее]: у

²³⁸ Шварц А. В. Ивангород в 1914-1915... С. 129-130.

него жена больна чахоткой ... Дней 10 тому назад он получил телеграмму – «дочь заболела дифтеритом, я слегла, не беспокойся, даст Бог спасем». После того он послал несколько телеграмм – ответа нет. Ни у жены, ни у него в Москве знакомых нет. Выслушал я его, перекрестился и отпустил. Думаю, ни Бог, ни Государь, ни Родина не осудят меня за это»²³⁹.

Что же касается другой стороны характера Эверта, о которой пишет мемуарист, необходимо сделать важное уточнение. Сам Шварц предлагал произвести атаку из Ивангорода одной бригадой 21, 52 дивизий и войсками из состава гарнизона крепости ²⁴⁰. Командующий армией поддержал эту инициативу²⁴¹. Вероятно, не все инициативы энергичного Шварца находили такую же поддержку у Эверта, что побудило коменданта Ивангорода дать подобную характеристику. По всей видимости, осторожность, была действительно отличительной чертой Эверта, но все же можно привести примеры ситуаций, когда он шел на риск.

27 сентября (10 октября) тяжелые потери Гренадерского корпуса, изолированность плацдармов, порча мостов и неготовность ряда переправ вынудили Эверта отдать приказ об отводе корпусов за Вислу. Общая ситуация заставила Главнокомандующего Юго-Западного фронта поставить перед 4-й, 5-й и 9-й армиями новую задачу – прикрыть течение Вислы южнее Гура – Кальвария, не допуская противника к переправам. Упорные бои разгорелись за так называемый Козеницкий плацдарм на левом берегу реки Вислы, который в итоге удалось отстоять²⁴². Алексей Ермолаевич при этом проявил необходимую твердость, которая в результате позволила сохранить плацдарм.

Целый ряд причин вынудили генерала Яковлева – командира XVII армейского корпуса отдать вечером 30 сентября (13 октября) приказ об отходе

²³⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 8 об, 9.

²⁴⁰ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 6. Л. 374.

²⁴¹ Варшавско-Ивангородская операция. С. 184.

²⁴² *Нелипович С. Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 31, 40, 43, 47, 75, 97.

за Вислу. Осуществление данного приказа почти наверняка привело бы к потере Козеницкого плацдарма. Эверт воспрепятствовал его выполнению, правильно оценив ситуацию²⁴³. Алексей Ермолаевич при этом сильно рисковал, он считал, что с его армией могла повториться «самсоновская катастрофа» – полное поражение 2-х корпусов, но армия выстояла²⁴⁴. Эверт выразил «сердечное спасибо» частям III Кавказского и XVII корпусов, пожурив grenадер за отсутствие такого же упорства в достижении цели²⁴⁵. В стратегическом отношении сохранение хотя бы одного плацдарма, да еще и опиравшегося на систему мостов в Ивангороде, были несомненным успехом русского оружия.

С 1(14) по 7(20) октября на плацдарме шли тяжелые бои: корпуса 4-й армии боролись за его расширение²⁴⁶. Командир III Кавказского корпуса генерал Ирман доложил 4(17) октября Эверту свои стратегические соображения насчет дальнейших действий, с которыми командующий армией был вполне согласен: успешные наступательные действия на плацдарме позволили бы ускорить развязку операции перед Ивангородом, оказать давление на германскую армию, ведущую четвертый день бой под Варшавой, точно выяснить направление главных сил противника, которое было закрыто на тот момент Вислой, а, в случае удачного исхода боя под Варшавой, разбить войска неприятеля выходом армии во фланг и тыл²⁴⁷. Следует заметить, что Алексей Ермолаевич в целом проникся к «славному старику» Ирману теплыми чувствами и в марте 1915 г., когда III Кавказский корпус будет выведен из состава его армии, будет сожалеть о расставании как с командиром, так и с очень хорошим корпусом²⁴⁸.

²⁴³ Варшавско-Ивангородская операция... С. 231.

²⁴⁴ *Н. М. Романов*. Записки. Красный архив, 1931, № 4-5. С. 170.

²⁴⁵ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 6. Л. 188.

²⁴⁶ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 98-106.

²⁴⁷ Варшавско-Ивангородская операция... № 357. С. 235.

²⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 9.

Наступление, однако, развивалось крайне тяжело. За первые четыре дня не удалось продвинуться вперед далее четырех верст, а за 4(17) октября войска прошли всего 100 шагов. При этом главнокомандующий Юго-Западным фронтом отметил в своей телеграмме, что «некоторые войсковые части» не проявляют должного упорства, быстро уступают противнику захваченное и далеко отходят назад. Эверт же выделял в качестве одного из главных факторов, не дававших атаке развиваться эффективно, недостаточное содействие артиллерии войскам при значительном расходе боеприпасов²⁴⁹. В результате III Кавказскому и XVII корпусам все же удалось сломить сопротивление противника, 7(20) октября он начал отступать²⁵⁰. Верховный Главнокомандующий отметил заслуги этих корпусов и приказал на каждый корпус выдать по 100 Георгиевских крестов нижним чинам и всех офицеров представить к наградам. Алексей Ермолаевич после одержанной его армией победы весьма оптимистично смотрел на дальнейшие перспективы развития операции: «Еще с неделю и вопрос о столкновении с немцами будет разрешен, а может быть и на этих днях»²⁵¹. По результатам боев командующий 4-й армией напомнил подчиненным о необходимости иметь резервы и вновь образовывать их после завершения боя. В обороне же Эверт приказывал занимать позиции «не тонкими линиями», а «обязательно иметь несколько прочных опорных пунктов с перекрестным обстрелом ружейным и артиллерийским огнем». Кроме того, он обратил внимание командиров корпусов на важность прикрытия наступления в лесу с флангов с помощью организации «боковых отрядов», которые охраняли бы войска от обходов и, в свою очередь, обходили противника²⁵².

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом объявил целью действий

²⁴⁹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 4. Л. 504, 675.

²⁵⁰ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 105-106.

²⁵¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 3 об, 4.

²⁵² РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 6. Л. 713.

4-й и 9-й армий занятие линии Бялобргеги, Радом, устье Илжанки. Дальнейшая цель – овладеть линией Опочно, Конск, восточнее Келец, Опатов, Сандомир. Наступление, однако, наткнулось на встречное движение 1-ой австро-венгерской армии из района Радома²⁵³. Особенно тяжелая ситуация сложилась на участке XVII корпуса генерала Яковлева. Так как перед тем ему пришлось в течение недели вести бои в болотах Вислы, и он понес большие потери, то Эверт не особенно рассчитывал на стойкость корпуса. Этим было мотивировано решение Алексея Ермолаевича лично поехать в его расположение, хоть это и вызывало временное прекращение связи с остальными двумя корпусами. Как выяснится позднее, это решение оказалось правильным и к тому же весьма своевременным. В 15 часов 10(23) октября Эверт прибыл в Козенице и «застал все начальство корпуса в таком подавленном состоянии, что ввел в дело другой корпус (XVI – С. С.) и возложил на его командира (В. Н. Клембовского – С. С.) ведение дела, устранив временно все начальство первого. Если б не это, вероятно, был бы сдан весьма важный пункт (по-видимому, Станиславов – С. С.)»²⁵⁴.

11(14) октября удалось отбросить правый фланг 1-й австро-венгерской армии от Ново-Александрии, что привело к отступлению левого ее фланга на Радом. Первоначально, немецкому Гвардейскому резервному корпусу было приказано присоединиться к этому движению, однако ближе к ночи на 12 (25) октября корпусу была поставлена задача атаковать правое крыло русской армии. Его атаки поставили фланг 4-й армии в настолько затруднительное положение, что Эверт вынужден был просить помощи у соседней 5-й армии, которая в конечном счете была оказана. Успехи армии Лечицкого также способствовали ослаблению давления на соседа слева²⁵⁵.

Алексей Ермолаевич сетовал, что 9-я армия «имела против себя

²⁵³ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 168-169.

²⁵⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 4; *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 176-177.

²⁵⁵ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 185-186, 189, 193.

сравнительно слабые силы противника и одерживала легкие победы, получала восторженные похвалы, – от моих многострадальцев ожидали большей энергии, что, конечно, всех нервировало»²⁵⁶. Если в данном случае слова Эверта звучат лишь в качестве упрека, то в дальнейшем подобное положение выльется в настоящую обиду, как на самого Лечицкого, так и на вышестоящих лиц в целом: «... на мою армию выпадает все время черная работа, имеющая громадное значение для общего хода, но не эффектная, и, в то же время, как армия мужественно, неся громадные потери, исполняет эту работу, соседи одерживают легкие, эффектные победы. На этих днях и сказался результат. Лечицкий и др[угие] генералы соседней армии получили награды в бытность Государя, и никто из моей армии, в том числе и я, не получил. Дело, конечно, не в наградах, но в лице моем я считаю обиженной армию, ее труды остались незамеченными и неотмеченными ... не за себя, а за свою армию мне было страшно обидно, и я пережил несколько тяжелых часов». Обида эта, судя по письму генерала, в скорости прошла, так как на первое место в размышлениях генерала вышли идеи общего дела²⁵⁷.

13(26) октября для 1-й австро-венгерской армии сложилась критическая ситуация, что вынудило ее отступить, потянув за собой 9-ю немецкую армию²⁵⁸. На следующий день Алексей Ермолаевич писал жене: «В течение 18 дней шел непрерывный бой ..., с утра до ночи не умолкал шум канонады, вот сегодня целый день полная тишина, противник после горячих контратак, особенно I-го Гвард[ейского] Германского корпуса (имеется ввиду Гвардейский резервный корпус – С. С.), повсюду отбитых, в полном отступлении немцы бросили даже своих раненных, даже раненных офицеров; пленный германский гвардеец показывает, что они понесли страшные потери: в его бат. из 1000 чел. осталось не больше 200 и ни одного офицера, при этом около 2-х дней ничего не ели,

²⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 4 об.

²⁵⁷ Там же. Л. 7 об, 8.

²⁵⁸ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 185-186, 189, 193.

даже хлеба. Теперь, слава Богу, вылезем, наконец, из болот и лесов. Уже нынче начал преследование отступающего, завтра продолжаю, и, вероятно, после полудня полудня снова начнется канонада. Итак, увертюра окончена, предстоит сыграть еще оперу. Дай Боже сил и умения»²⁵⁹.

В середине октября на боевой работе армии уже весьма значительно сказывался недостаток снарядов. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом сообщил, что в распоряжение 4-й армии может быть дан лишь один местный легкий артиллерийский парк. Эверт приказал «крайне бережно» расходовать снаряды и стрелять «только для непосредственной подготовки пехотной атаки». Тяжелой артиллерии категорически запрещалось стрелять по площадям в виду крайне ограниченного количества снарядов²⁶⁰.

14(27) октября части 4-ой армии вошли в оставленный противником Радом ²⁶¹. Эверт очень позитивно оценивал результаты Варшавско-Ивангородской операции для русской армии, причем самым важным тут были не значительные потери, нанесенные оппоненту, а «моральный разгром» противника, который, по мнению Алексея Ермолаевича, до этого «смотрел на русских сверху вниз». Судя по свидетельствам Эверта, немцам действительно была присуща чрезмерная самоуверенность, можно сказать, даже наглость: «Немцы всюду забирали во всех магазинах и ни за что не платили, особенно отличались офицеры. По занятии Радома, немцы всем говорили, что через три дня будет взята Варшава, а Ивангород в несколько часов». Но планам этим не суждено было сбыться, русская армия еще представляла собой грозную силу. Эта победа, с его точки зрения, была «не менее крупной, чем одержанная в Галиции и Люблинская»²⁶². Оценка эта, как мне представляется, была чересчур радужной. Но необходимо помнить, что Эверт в первую очередь судил о

²⁵⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 4 об, 5.

²⁶⁰ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 6. Л. 722.

²⁶¹ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 202.

²⁶² РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 6. Л. 879.

ситуации с высоты своего поста командующего армией, которой удалось в тяжелейших боях под Ивангородом выполнить, с большим или меньшим успехом, поставленные перед ней задачи. В то же время, особых иллюзий насчет будущего кампании Алексей Ермолаевич не питал: «... месяца через 3 война едва ли окончится, слишком она захватила всех, и слишком велики интересы, поставленные на карту. Кончится она может только полным разгромом немцев, а это потребует еще много времени. Во всяком случае, 3 прошлых месяца не пропали даром: австрийцы в сущности держатся только на волоске и лишь помощью Германии... Долго ли это продолжится – один Бог знает»²⁶³.

4-я армия продолжала преследование противника, постепенно настигая отставшие колонны германской группы М. фон Гальвица. Преследователи, однако, по своим потерям и утомлению мало отличались от побежденных²⁶⁴. Это, в частности, не позволяло эффективно настигать противника: «Немцы и австрийцы отступают и так поспешно, что нет возможности их догнать, тем более, что они основательно портят все мосты и дороги, сами идут и днем и ночью». Положение австро-венгерских войск затруднялось тем, что их отступление было сопряжено с необходимостью отступать и в Галиции, и потому они предпринимали попытки задержать наступление русских войск²⁶⁵. Особенно упорное сопротивление они оказали на сильно укрепленной позиции под Сандомиром-Кельце, где окончательно его удалось сломить к 21 октября (3 ноября). Командование Юго-Западного фронта считало, что расширившийся в результате наступления русских войск фронт 4-й и 9-й армии слишком широк для 8-ми корпусов. Поэтому было решено приостановить движение до окончания боев на реке Сан. Особенно логичным это решение выглядело в связи с тем, что 4-я армия остро нуждалась в отдыхе и пополнении припасов:

²⁶³ Там же. Л. 7, 7 об.

²⁶⁴ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. С. 277, 280.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 6 об.

пройдя от 10 до 14 переходов (160–220 верст), оторвавшись от тылов и израсходовав свой сухарный запас, армия могла рассчитывать на его восстановление только к 3(16) ноября, когда планировалась завершить ремонтные работы на железнодорожных коммуникациях²⁶⁶.

По новому плану верховного главнокомандующего армии на левом берегу Вислы должны были разбить немцев под Ченстоховым, нанося одновременно удары в направлении на Калиш и Краков[□]. Перед наступлением Эверт впервые дал войскам развернутые указания (ранее в приказах освещались лишь отдельные аспекты), во многом суммировав свои распоряжения, высказанные ранее.

Командующий 4-й армией приказал не допускать растяжки частей в тонкие линии на всем фронте корпусов, особенно при атаке укрепленных позиций, так как это исключает свободу маневрирования. Эверт отмечал, что так как укрепленной позицией нельзя овладеть сразу на всем фронте, необходимо наметить в каждом участке наиболее важные для атаки пункты, сосредотачивая на них самый действительный огонь и поддерживая атаку соседними частями. Для артиллерии нужно выбирать позиции для обстрела атакуемых пунктов фланговым и перекрестным огнем. По овладении каким-либо рубежом Алексей Ермолаевич предписывал обязательно основательно закрепляться на занятом участке. Он также обращал внимание на необходимость поддерживать самую деятельную и настойчивую связь как в корпусах, так и между корпусами и постоянно осведомлять соседей о положении дел. Эверт также стремился не выпускать управление из своих рук, требуя посылать ему донесения возможно чаще, во время боев не менее как через каждые три часа.

Вскоре Эверту пришлось вновь препровождать войскам уточняющие

²⁶⁶ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. I. С. 171, 174, 176.

[□] Там же. С. 176.

указания. Им было замечено, что частные резервы расходуются с самого начала боя и когда появляется действительная нужда, быстро тают уже корпусные резервы. Он распорядился расходовать резервы с величайшей осторожностью, «не по мелочам», а так, чтобы не только одержать быстрый успех, но и развить. 10(23) ноября командующий 4-й армией снова обратил внимание на важность сильных резервов, особенно учитывая активную оборону противника, а 19 (2 декабря) числа уточнил принципы атаки укрепленной позиции.

Причиной ряда неудачных штурмов укрепленных позиций противника, с его точки зрения, служило отсутствие основательной подготовки. Основные замечания командующего 4-й армией снова касались боевой работы пехоты. Алексей Ермолаевич подчеркивал, что инспектора артиллерии в корпусах должны брать на себя руководство артиллерией, координируя свои действия с пехотой.

В качестве еще одного недостатка Эверт выделял слишком прямолинейную тактику при атаке противника. Наступление обычно сводилось к фронтальным ударам, которые под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем были крайне трудны. Так как возможности удара во фланг имелась не всегда, командующий армией требовал тщательного изучения местности с целью обнаружить слабые пункты позиции противника.

20 ноября (3 декабря) Эверт фактически повторил данные в октябре распоряжения о принципах организации обороны. При этом их воплощение в жизнь находилось под личным контролем командующего армией²⁶⁷. Повторные указания свидетельствуют о том, что подобные инструкции были в недостаточной степени неэффективны, а эффективных рычагов управления армией у ее командующего было мало.

Разведка 4-й армии установила сильную позицию противника по линии

²⁶⁷ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 7. Л. 30, 154, 352, 552-553, 574; РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 10. Л. 452.

Чарноляс – Мстов – Жарки. Наступление армии заставило передовые части противника отойти на главную позицию, на который с 4(17) ноября завязались ожесточенные бои. Первая атака оказалась неудачной, лишь III Кавказскому корпусу удалось продвинуться вперед²⁶⁸. Эверт был недоволен своими подчиненными, указав на отсутствие должной связи в действиях корпусов²⁶⁹. На следующий день положение только ухудшилось, на фронте армии весь день шел упорный бой, а после полудня корпус Ирмана был атакован, фронт его едва не был прорван. Противнику удалось захватить 2 орудия, 18 пулеметов и 4500 пленных²⁷⁰. Перед фронтом армии были обнаружены II ландверный, Гвардейский резервный германские корпуса, части V и VI германских корпусов, XI и II австрийские корпуса²⁷¹.

По-видимому, именно поражение III Кавказского корпуса заставило Алексея Ермолаевича вновь требовать от своих подчиненных более искусных действий. Он обратил внимание командиров корпусов на тактику противника. Завязав бой авангардом, немцы и австрийцы прямо из исходной колонны выводят за фланг главные силы и с широкого фронта атакуют в сходящихся направлениях. Корпуса 4-й армии стремились вытягивались в линию, подвергая себя охватывающему удару. То же самое явление наблюдается в действиях конницы, которая боялась терять непосредственную связь с пехотой. Эверт фактически призывал своих подчиненных перенять образ действия противника и решительно действовать на флангах²⁷².

Положение армии дополнительно осложнялось обходом ее правого фланга на Ново-Радомск. Эверт принял решение обороняться на всем фронте армии, наступая правым флангом армии для отражения обхода²⁷³. 4-й армии все

²⁶⁸ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 2. С. 169 — 170.

²⁶⁹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 7. Л. 154.

²⁷⁰ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 2. С. 171.

²⁷¹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 7. Л. 206, 269.

²⁷² Там же. Л. 208.

²⁷³ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 2. С. 172, 175.

же удалось выполнить поставленную перед ней задачу – не позволить австрийцам сдержать движение 5-й армии, которая сыграла важную роль в Лодзинском сражении²⁷⁴. 10(23) ноября Иванов телеграфировал Эверту, «Лодзинский узел начинает развязываться», приказав в случае подтверждения информации об улучшении положения на фронте 2-й и 5-й армий «перейти с удвоенной энергией и настойчивостью к прежней задаче по нанесению поражения германо-австрийским войскам на фронте Краков – Ченстохов»²⁷⁵. Вместо наступления, однако, армии пришлось отступать на основании решения совещания в Седлеце 16-17 (29-30) ноября и последовавшей после него директивы Главковерха №6045²⁷⁶. Позиция Эверта²⁷⁷ в данной ситуации совпадала с мнением штаба Юго-Западного²⁷⁸ фронта, который с большим нежеланием оставлял занятые территории, но все же в декабре 4-я армия была отведена за Вислу, имея на противоположном берегу ряд плацдармов²⁷⁹. Все это сказалось на настроении Алексея Ермолаевича, который писал в конце 1914 г. жене: «дела не так хороши, как бы хотелось, и война, хотя и победоносная, но затянется наверно надолго»²⁸⁰.

Начало 1915 г. прошло для 4-й армии в позиционных боях. В то время, как части 8-й, 9-й и 11-й армий участвовали в Карпатской наступательной операции, 3-я и 4-я армии бездействовали, имея в первую очередь оборонительные задачи²⁸¹. Периоду затишья Эверт рад не был, он жаждал славы и громких побед: «... все зашевелились, и одна моя армия молчит. Что делать, такова уж ее судьба – стоять и удерживать то, что против нее. Вообще, армии в этом отношении не везет, и только Люблинские бои мне удалось вести

²⁷⁴ *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 38.

²⁷⁵ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 7. Л. 345.

²⁷⁶ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 3. С. 2.

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 7. Л. 605-607.

²⁷⁸ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 3. С. 3-5.

²⁷⁹ *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 38.

²⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 8 об.

²⁸¹ *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 38.

вполне самостоятельно и не будучи связанным действиями соседей. Это лучшие мои воспоминания, и теперь вот 3 месяца стоим»²⁸². Опечален Эверт был и прощанием с генерал-квартирмейстером штаба 4-ой армии - Иваном Ивановичем Поповым, который был переведен в марте 1915 года на должность начальника штаба 10-ой армии. Алексей Ермолаевич писал о Попове: «его я очень полюбил – это редко чистый человек, безупречно честный, прямой, искренний, очень добрый, прекрасный семьянин и безгранично любящий Россию»²⁸³.

Уход Попова был не последней потерей Эверта. Алексей Ермолаевич даже побаивался, что о нем могут поползти слухи, якобы он очень неуживчив, так как из его штаба ушли все старшие адъютанты Генерального штаба на должности начальников штабов дивизий, а, кроме того, после Попова, ушел и начальник штаба А. Е. Гутор командовать дивизией. Эверт твердо придерживался принципа, что не будет препятствовать желанию своих подчиненных быть «ближе к войскам и бою» и потому давал на это согласие.²⁸⁴ С новым начальником штаба армии – Н. Л. Юнаковым, он сработался хорошо и впоследствии характеризовал его как «умного, отличного работника и, сверх того, очень порядочный человека».²⁸⁵

Весьма примечательна реакция Эверта на назначение М. В. Алексеева 18 марта 1915 г. главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта: «Не завидую ему, тяжелая ответственность ложится на него!»²⁸⁶. Тогда еще Алексей Ермолаевич не предполагал, что ему самому менее чем через полгода предстоит принять подобную ношу. Эверт, судя по его письмам, чувствовал усталость от войны: «Как чудно хорош Божий мир и как портят его люди своей

²⁸² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 9, 9 об.

²⁸³ Там же. Л. 9.

²⁸⁴ Там же. Л. 10 об.

²⁸⁵ Там же. Л. 11 об.

²⁸⁶ Там же. Л. 9 об.

злостью, эгоизмом, враждой».²⁸⁷ Но перед русской армией, да и самим Алексеем Ермолаевичем главные лишения были еще впереди.

В начале марта, по определению Иванова, «слабая по числу дивизий, крайне растянутая по своему расположению» 4-я армия вела под покровительством штаба Юго-Западного фронта безрезультатную борьбу с Северо-Западным за возвращение переданной во 2-ю армию 16 дивизии и с 5-й армией за сферу ответственности с тем, чтобы иметь возможность образовать хотя бы небольшой резерв²⁸⁸. Все же Эверт не оставлял надежд на переход в наступление, приказав в каждом корпусе составить сводку сведений о позиции противника с нанесением на схемы всех окопов и искусственных препятствий. Сводкой этих сведений и схемами по его замыслу должны быть снабжены в каждом корпусе все войсковые начальники до командиров рот включительно. Командующий армией требовал тщательного ознакомления и со своими позициями, включая тыловые.

Особое внимание уделялось подготовке пополнений. Во время нахождения частей на позициях занятия не всегда удавалось проводить по условиям обстановки. Но в резерве они велись усиленно. Эверт проверял ход подготовки, лично посещая войска. В приказе по армии №572 были также даны дополнительные указания командирам корпусов по организации занятий, но найти его текст, к сожалению, нам не удалось²⁸⁹.

В телеграмме №6358 от 20 марта (2 апреля) 1915 г. главнокомандующему Юго-Западным фронтом Эверт, указывая на значительное ослабление противника, даже предложил план перехода в наступление всех трех армий зависленского фронта (2-й, 4-й и 5-й), который, однако, не был реализован²⁹⁰.

В середине апреля генерал отметил оживление противника, это

²⁸⁷ Там же. Л. 10 об.

²⁸⁸ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 10. Л. 67-68, 81-82.

²⁸⁹ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 10. Л. 256.

²⁹⁰ Там же. Л. 248, 253-254, 482.

выразилось в первую очередь в том, что противник «засыпал снарядами» позиции 4-й армии. Алексей Ермолаевич из этого делает верный вывод: «такой безумный расход указывает, что или демонстрируют, или предполагают прорваться, думают – первое»²⁹¹. Драматичные для русской армии события в те дни развивались южнее, на фронте 3-й русской армии, где противник бросил значительные силы на прорыв фронта. Нанесенный удар был настолько силен, что армия Юго-Западного пришлось спешно оставлять занятые ими с таким трудом позиции.

Ввиду отхода 3-й армии, вынуждена была отходить и 4-я²⁹². Генерал Алексеев планировал организовать фланговый удар по наступающей в Галиции австро-германской группировке из Польши. Для этого, в частности, VI Армейский корпус и ряд других частей перебрасывались с позиций на Бзуре и Равке в направлении на Холм в состав 4-й армии. Но этот план так и не был реализован. Германское командование нанесло удар первым в направлении на Либаву и Шавли, что в купе с прорывом на Юго-Западном фронте оттянуло слишком много сил на другие участки фронта²⁹³. Настроение Эверта в те дни было чрезвычайно подавленным: «На душе так скверно, что и представить не можешь; душа болит не за себя, а за общее дело».²⁹⁴ От всего пережитого у 58 летнего генерала ухудшилось здоровье: обострилась невралгия, которая в последние годы не беспокоила его, причем, как он пишет, в «особо мучительной форме». Это было закономерным результатом пережитого за время войны: «...очень нервы издергались за этот год. Здесь в один день переживаешь столько, сколько при обычной жизни не переживаешь в месяц».

Ситуацию, которая сложилась на фронте к середине мая, представлялась Эверту тяжелой, но не слишком критичной: «... действиями армии (4-й – С. С.)

²⁹¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 11.

²⁹² Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 4. С. 34.

²⁹³ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. II. С. 129-130.

²⁹⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 11.

я вполне доволен и, тем не менее, не радостно на душе. Горько и досадно, что немцы имели значительный успех. Если бы они потерпели поражение, то война окончилась бы в месяц, – теперь она продолжится долго и все-таки они будут побеждены, хотя бы измором». При этом он не оставлял мыслей о наступлении: «Потери и у меня порядочные, надо их пополнить, но, если бы не связанность моих действий соседями, я с этим положением не помирился бы».²⁹⁵

Падение Перемышля окончательно утвердило у Эверта мысль о том, что война затянется надолго и кончится «разве только в 1916 году». Генерал придавал этому событию значение главным образом не в стратегическом плане, но в моральном: это был «болезненный удар по самолюбию», в частности и по его собственному. В его письмах все более отчетливо прослеживается обида и ненависть по отношению к немцам. Алексей Ермолаевич был уверен, что «Заклучить какой-нибудь договор с Вильгельмом невозможно, – это человек без совести, без чести, для которого все средства, какими бы позорными они не были, позволительны. ... Немцы поставили себя вне закона, и их надо задавить во что бы то ни стало и сколько бы времени это не потребовало бы!». При этом генерал отчетливо понимал, что вряд ли окончание войны само по себе принесет счастье его стране: «мы камни, на которых будет построен храм счастья», говорил он о своем поколении.

Эверт даже видел некий цивилизационный конфликт в этом эпическом славяно-германском противостоянии: «Славянин по характеру не воин, у него нет злобливости, много добродушия. Немцы злобны, воспитаны в глубокой преданности родине; они все сознают, что в случае полного поражения, они будут стерты, что развитие торговли, промышленности, а след[овательно] и доходы будут подорваны, – и они защищают свое существование и защищают сознательно, потому и пленных немцев весьма мало. Русские развращены

²⁹⁵ Там же. Л. 11, 11 об, 12.

космополитизмом, они знают, что если не победят, то это России не подорвет окончательно, как Германию, поэтому такой страсти к борьбе не проявляют и, к сожалению, пленных порядочно. Но русские терпеливы и выносливы; не имея развитой промышленности и торговли, будучи преимущественно земледельческой страной, Россия может вести войну продолжительно, Германия, наоборот, и для нее продолжительная война – погибель; это сознается всеми немцами, и несмотря даже на временный кажущийся успех. Все немцы и прежде всего Вильгельм с восторгом согласились бы на немедленный мир с возвратом к тому положению, которое занимали год тому назад, даже Эльзас и Лотарингию отдали бы, как уплату за понесенные убытки Бельгии»²⁹⁶.

Уверенность в победе и оптимизм не покидали Алексея Ермолаевича, даже в столь тяжелые минуты. Надежда Игнатьевна Эверт в тот момент жила с семьей в Ржеве и их, в мае 1915 г., навестил зять генерала – В. В. Жилинский, командир артиллерийской батареи, участвовавший в наступлении в Карпатах. По всей видимости, он был подавлен тем, что ему пришлось воочию увидеть на фронте и его предположения о дальнейшем развитии событий войны были далеко не оптимистичны для Российской империи. Эверт, в своем письме к жене, как бы заочно вступил с ним в спор, указывая на то, что сложившееся положение отнюдь не является фатальным. Он приводит ряд аргументов в пользу своей точки зрения: первый, что уничтожение кадровой армии — проблема, с которой столкнулась не только Российская империя. Генерал соглашается с тем, что боевой дух армии значительно упал, но это в первую очередь следствие отступления, которое «всегда деморализует». Причем этот процесс достаточно легко обратим. Алексей Ермолаевич прекрасно помнил свой опыт, когда ему пришлось принять командование над разбитой и

²⁹⁶ Там же. Л. 12 об., 13 об., 14.

деморализованной армией под Люблином. Кроме того, Эверт указывает, что состав войск в конце весны 1915 г. лучше, чем был осенью 1914 г., когда армия была укомплектована «старыми запасными», а недостаток офицеров пополняется возвращением в строй многих раненных. Еще одним аргументом, действительно бесспорным, было крушение предвоенных планов Германской империи: не оправдались ее надежды на скорую революцию в России, Бельгия оказала сопротивление, быстро сокрушить Францию не удалось²⁹⁷. Иными словами, ситуация в изложении Эверта выглядела совсем не фатальной, это был кризис, который благодаря должным усилиям можно было преодолеть. Возможно, генерал лишь хотел успокоить своих близких, приукрашивая ситуацию, но, на мой взгляд, он действительно верил в то, что немецкий прорыв под Горлице – Тарновым – это лишь очередной кризис на фронте, коих было не мало и который в скорости удастся преодолеть.

13(26) июня военным министром был назначен Поливанов. Эверт одобрительно отозвался об этой кадровой перестановке: «...Лучшего назначения и быть не может. Поливанов отличный работник, большая умница, его очень прочили все представители Думы, ставшие ныне во главе снабжения армии. С делом снабжения армии Полив[анов] знаком, как никто, т.к. вел его при Редигере и при Сухомлинове вполне самостоятельно, – словом, от этого назначения я в восторге и не я один, а все, с которыми я сегодня говорил, все в один голос говорят, что это самое лучшее, самое желательное назначение». При этом Алексей Ермолаевич был не только чрезвычайно доволен самой персоной нового министра, но еще и тем, что «за дело боевого снабжения армии горячо принялись представители земства и промышленности...»²⁹⁸.

В качестве главной причины неудач русской армии Эверт выделял недостаток снарядов, поэтому для него это назначение было проблеском

²⁹⁷ Там же. Л. 11-13 об.

²⁹⁸ Там же. Л. 14, 14 об.

надежды на скорую нормализацию снабжения: «Было время, когда по три месяца не получал ни одного снаряда, были дни, когда немцы по одному участку выпускали до 5000 снарядов в день, а мы отвечали 10-20-ю»²⁹⁹. Интересный факт, что Алексей Ермолаевич, которого М. В. Оськин называет «убежденным монархистом»³⁰⁰ считал, что «из всех говорунов (имеется в виду ситуация со снабжением армии снарядами – С. С.) единственный крупный человек, действительно любящий Россию и стремящийся к ее благу с чистым сердцем – это Гучков. Это действительно человек дела, умный, знающий и практичный. Если его назначат помощником Поливанову, дело пойдет»³⁰¹.

18 июня 1915 г., точно следуя своему движению 11-месячной давности, 4-я австрийская армия при поддержке 11-й германской перешла в наступление под Красником с целью выхода к Люблину и Холму³⁰². На пути этих сил снова встала 4-я армия, а также части многострадальной 3-й армии, которые 20 июня (3 июля) были подчинены Эверту. Алексей Ермолаевич опасался, что ему не удастся отстоять те позиции, которые ему пришлось оборонять в августе 1914 г.: «сильные и испытанные войска» (имеются ввиду те, которые в течении долгого времени находились в подчинении Эверта – С. С.) были заняты на других участках, генералу приходилось иметь дело с только что подчиненными, «совсем незнакомыми, слабыми по составу и по духу»³⁰³.

Силы, подчиненные Эверту, к середине июня удерживались на так называемых Радомских позициях. 19-21 июня (2-4 июля) части X австрийского корпуса нанесли сосредоточенный удар 8 пехотной дивизии в районе Красника и заставили ее левые фланг оторваться от участка соседнего 31 полка³⁰⁴. Противник наступал в образовавшийся прорыв. Рассчитывать, что отступившие

²⁹⁹ Там же. Л. 18 об.

³⁰⁰ *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 51.

³⁰¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 19.

³⁰² *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. II. Стр. 135.

³⁰³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 15.

³⁰⁴ Сыромятников А. Наступление и оборона в условиях позиционной войны... С. 128, 130.

спешно части 8 дивизии остановят противника было нельзя. Подкрепления могли подойти только через 3-4 дня, необходимо было во что бы то ни стало задержать наступление противника. Командир XV корпуса генерал Торклус, по всей видимости, утратил самообладание и донес, что 8 дивизия потеряла все пулеметы и даже орудия, а противник преследует отходящие части. Эта информация еще более сгущала краски, хотя и оказалась ложной³⁰⁵. В любом случае, ситуация сложилась весьма серьезная. 21 июня (4 июля) Эверт доложил Алексееву, что «путь ... на Люблин совершенно свободен и противник может дойти до него в два перехода» и просил распоряжения по эвакуации Люблина³⁰⁶.

В час дня, как только стало известно об отходе 8 пехотной дивизии, командир XXV корпуса А. Ф. Рагоза приказал начальнику корпусного резерва генерал-майору Веселовскому начать наступление двумя полками с артиллерией на фронт Вилколаз – Красник для удара во фланг и тыл прорвавшегося на Люблин противника. Спустя час был получен приказ Эверта с указанием той же задачи, но немного другим направлением для удара, а именно на фронт Вилколаз – Собщаны, с целью прекратить дальнейшее наступление противника и выиграть время для высадки VI Сибирского корпуса и 6 дивизии XV корпуса в районе Люблина. 181 полк из армейского резерва был передан в распоряжение командира XXV корпуса, который, в свою очередь, направил его Веселовскому³⁰⁷. Для связи с отрядом из штаба армии был прислан офицер Генерального штаба, капитан А. Сыромятников, который «облегчил работу штаба генерала Веселовского и оказал ему неоценимую помощь».

Атака отряда генерала Веселовского, начавшаяся с утра 22 июня (5 июля), была настолько энергичной и неожиданной для противника, что

³⁰⁵ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 6 об.

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 15. Л. 69, 71.

³⁰⁷ Сыромятников А. Наступление и оборона в условиях позиционной войны... С. 130 — 131.

дальнейшее наступление было им прекращено и весь X корпус и бригада 106 дивизии были направлены на него. Австрийцы вели яростные контратаки, но все они были отражены. Как сообщал Эверт в своем рапорте «груды трупов валялись перед линией нашего расположения».

В течение этого дня генерал Рагоза, находясь под артиллерийским огнем противника, устраивал и ободрял части 8-й дивизии. Его уверенный доклад о победоносном духе полков генерала Веселовского и о твердом положении корпуса на всем фронте дал командующему 4-й армией основания продолжать наступление, а с подходом головных частей VI Сибирского корпуса перейти в наступление на всем фронте. По-видимому, именно в дни эти славных боев сложился «дуэт» Эверта и Рагозы. Командир XXV корпуса стал главным соратником Алексея Ермолаевича, основным организатором наступлений Западного фронта. По результатам Вилколазской операции командующий 4-й армией ходатайствовал о награждении генерала Рагозы орденом Святого Георгия 4 степени, а Веселовского – 3, так как считал достигнутый результат следствием их искусного, твердого и уверенного командования.

С раннего утра 23 июня (6 июля) ожесточенная схватка возобновилась. Противник вводил в бой свежие части, но управление боем было налажено плохо, батальоны вводились в бой «пачками», и атаки были разрознены. Всего за день на фронте генерала Веселовского было произведено до 30 вражеских атак, все они были отражены, по мнению Эверта, «благодаря исключительному героическому мужеству всех чинов полков этого отряда и искусному и твердому управлению им генералом Веселовским, своевременно и умело подкреплявшим атакуемые части из своего резерва». На следующий день, с подходом VI Сибирского корпуса, части его и 8-й дивизии перешли в совместное наступление с генералом Веселовским и, несмотря на сосредоточение больших сил противника, враг был отброшен. В виду отсутствия свежих резервов и значительных потерь – всего 245 офицеров (47 убитых) и 26501 нижних чинов (3807 убитых) командующий 4-й армией вынужден был прекратить

наступление.

С 22 июня (5 июля) атаки противника прекратились не только в направлении на Люблин, но и на всем фронте 3-й армии до Буга. Показания пленных офицеров, а также официальные сообщения в австрийских газетах указывали, что противник был убежден, что в районе Красник – Люблин их встретили свежие войска русских, значительно превосходящие их силами. За дни боев всего было взято 297 офицеров и 22 464 нижних чинов пленными, 29 пулеметов и знамя венгерского маршевого батальона. Штаб 4-й армии предполагал, что общие потери противника – свыше 50 тысяч. Русским войскам удалось занять твердое положение под Люблином³⁰⁸.

Это был триумф русского оружия и лично Алексея Ермолаевича, пик его полководческой карьеры. Фанагорийский полк, сыгравший важную роль в контрударе под Вилколазом, имел красивую традицию. По легенде, умирая, А. В. Суворов дал право офицерам полка по общему их решению присуждать так называемый Суворовский перстень тем начальникам, под руководством которых полк одержит победу. Офицеры полка поднесли этот перстень Эверту³⁰⁹.

В связи с анализом приведенных выше событий вызывает лишь недоумение тезис, существующий в историографии, о том, что: «если в обороне имевшейся у полководца (имеется ввиду Эверт – С. С.) воли вполне хватало, то для наступления, где требовался риск, ибо инициатива принадлежит наступавшему, уже нет»³¹⁰. Армии Эверта не раз приходилось бывать в наступлении, решая поставленные перед ней задачи, а контрудар под Вильколазом является ярким примером, когда Алексей Ермолаевич и подчиненные ему войска весьма преуспели в этом.

Эверт, как мне представляется, вполне верно описал сложившуюся

³⁰⁸ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об. - 2 об., 6 об., 12; РГВИА. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 15. Л. 121.

³⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 27 об. - 28.

³¹⁰ *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 51.

обстановку: «Не сделай я этого смелого шага, а начни отходить... и Люблин был бы в руках противника. Мое решительное наступление так ошеломило противника, что он стал стягивать против меня колонны, наступавшие к востоку от Краснинского шоссе на 3-ю армию, по частям бросался на моих и разбивался. В общем он свернул на меня свыше 120 бат., и мы не только не отступили, но осадили их за Вильколаз, хотя окончательно не прогнали – для этого сил моих было недостаточно, да и притомились войска 7-ми дневным упорным боем...»³¹¹.

Однако этот успех так и остался локальным и не изменил общего положения дел, да и вряд ли мог сделать это. Перегруппировавшись, противник в начале июля значительными силами начал наступление на фронте 3-й армии в направлении на Краснотав и имел успех. В связи с отступлением 3-й, вынуждена была отступать и 4-я армия. 17(30) июля войсками 4-й армии был оставлен Люблин. Естественно, это не могло не сказаться на морали вверенных Эверту войск: «...настроение в войсках уже не то; видимо закралось сомнение в необходимости только что сделанных усилий отстаивать то, что затем оставляется; всем не объяснишь, что нам теперь каждый выигранный день дорог...». Тяжелым ударом для генерала стало оставление Ивангорода и Варшавы. Одно из своих писем жене генерал в те дни начал так: «С величайшим трудом берусь за перо, так тяжело на сердце, так разгулялись нервы, хожу сам не свой, не хочется думать, с трудом собираюсь с мыслями»³¹².

Однако слухи о подготовке автономии Польши сделали горечь утраты не столь острой: «О Варшаве очень сожалел, но когда прочитал в газетах, что готовится автономия Польши, то решил, что жалеть не стоит: мы кровью России зальем Польшу, чтобы отстоять ее, и тогда она должна оставаться по-прежнему русской; если она будет автономна, то при первом столкновении она

³¹¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 16.

³¹² Там же. Л. 16, 17 об., 18.

продаст русских, как делает Болгария; она не сольется с Россией, всегда будет требовать Литву, Малороссию и Белоруссию, – словом, этому шагу не сочувствую, тем более в такую минуту»³¹³.

А. Е. Эверт, безусловно, являлся одним из самых ярких командующих армиями Российской империи в годы Первой мировой войны. Приняв руководство над разбитыми и деморализованными войсками, генерал своей твердой волей сумел вдохновить солдат, под его началом армия смогла в тяжелейших боях отстоять Люблин, стратегическое значение которого в августе 1914 г. было весьма велико. Еще одна громкая победа Эверта была связана с обороной Люблина в 1915 г., когда он продемонстрировал не только умение обороняться, но и наступать. Контрудар под Вилколазом в прямом смысле успел стать хрестоматийным уже в ходе войны. Сыромятников, находившийся при штабе отряда Веселовского, включил описание данной операции в курс лекций, изданный им в 1917 г.

Возможно, послужной список Алексея Ермолаевича мог бы быть еще более впечатляющим, если бы, например, удалось окружить X австро-венгерский корпус в ходе первой обороны Люблина, как предлагал на страницах своей книги Головин, или 4-я армия действовала бы более активно в ходе Варшавско-Ивангородской операции, на что указывает Шварц в своих мемуарах. Но все же материалы, рассмотренные в данной главе, наглядно продемонстрировали всю сложность механизма управления армией и, соответственно, принятия решений. Вообще, подобная тематика, к сожалению, чрезвычайно слабо развита в отечественной историографии и описание той или иной операции зачастую обходит вопрос работы штабов стороной. В данном исследовании была предпринята попытка коснуться данной проблемы.

Можно заключить, что Эверт занял в штабе 4-й армии главенствующее

³¹³ Там же. Л. 18 об., 19.

положение не только по своей должности, но и по той роли, которую он играл в организации боевой работы армии. Это, однако, совсем не означает, что все его указания в точности исполнялись всеми подчиненными ему лицами. Многие распоряжения требовали не просто исполнительности, но навыка, умений и знаний, которых не доставало порой не только войскам, но и старшим начальникам. Все те многочисленные инструкции, которые давал корпусам штаб армии, по всей видимости, были не слишком эффективным методом управления. В то же время, это был фактически единственный способ, который использовался, чтобы указать войскам не «что делать», а «как». Помимо этого, Эверту приходилось учитывать и личные качества своих подчиненных, некоторые из которых, как генерал Безобразов, могли быть весьма своенравны.

Алексей Ермолаевич и сотрудники его штаба нередко действовали в условиях недостатка сведений об обстановке. При таком способе управления ключевой фигурой становился командир корпуса, от оценки ситуации которым зависело принятие решения армейским командованием. Если эта оценка соответствовала обстановке, как, например, вовремя Вилколазской операции, боевая работа армии складывалась плодотворно. К сожалению, Эверт не всегда мог полагаться на своих командиров и поэтому часто посылал в войска уполномоченных лиц, а иногда даже вынужден был отправляться лично непосредственно к месту событий. Во время первой обороны Люблина он продемонстрировал, что не боится отстранять неспособных командиров, при этом, в виду отсутствия кадрового резерва, не имел возможности заменить всех, чья квалификация не соответствовала их назначению. Подобный режим работы, где командующему армией приходилось принимать множество решений, полагаясь лишь на свои догадки и опыт, породил излишнюю осторожность, нервозность и порой даже суету в работе, тем не менее, не сковывая воли командующего 4-й армией окончательно. Даже в самые критические моменты боев он не терял контроль над ситуацией. Эверт не раз принимал решения, связанные с риском, но необходимые для успеха дела, не

боялся рисковать и наступать, более того, некоторое тщеславие, свойственное генералу, подталкивало его искать новых свершений для себя и своей армии.

Алексей Ермолаевич оптимистично смотрел на перспективы исхода войны, хотя и не строил иллюзий по поводу скорого окончания противоборства. Будучи абсолютно убежденным в необходимости продолжения войны до полной победы над Германией, генерал отдавал все свои силы для этого, тяжело переживая отступление русской армии в 1915 г. При этом командующий 4-й армией не терял веры в то, что русская армия после необходимой передышки еще расцветается за нанесенные ей поражения.

Глава 2. А.Е. Эверт во главе Западного фронта

§ 1. Роль Эверта в механизме управления Западного фронта

18(31) июля 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич послал главнокомандующему Северо-Западным фронтом телеграмму №2498, в которой сообщал о необходимости разделить Северо-Западный фронт на два. Ввиду большого числа армий, входящих в состав фронта и его обширности, предполагалось образовать один фронт из армий, действующих в Неманском и Риго-Двинском районах, с общей задачей по прикрытию всех путей, ведущих к Петрограду, а другой фронт — из остальных армий Северо-Западного фронта, объединяемых общностью их задачи по прикрытию путей на Москву, идущих к северу от Полесья. 31 июля (13 августа) Алексееву, штаб которого находился в Волковыске, было дополнительно сообщено, что для обсуждения этого и других вопросов «на этих днях» великий князь Николай Николаевич младший предполагает посетить его. Накануне совещания 2(15) августа Михаилу Васильевичу был выслан «Перечень вопросов, подлежащих обсуждению на совещании в Волковыске». Не перечисляя их заметим, что предполагалось решить управление какой армии послужить кадром для переформирования в штаб «нового (Северного) фронта», Западный³¹⁴ же по плану продолжал возглавлять сам Алексеев³¹⁵.

16(29) августа разделение фронтов фактически произошло, при этом Алексеев уже через несколько суток сдал свой пост Эверту³¹⁶. Причем решение о данной кадровой перестановке было принято в этот же день, о чем

³¹⁴ Хотя названия фронтам предполагалось дать на совещании.

³¹⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 28. Л. 133-134, 218-219, 243-246 об., 253.

³¹⁶ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. II. Стр. 148, 158.

свидетельствует депеша Николая II, которую он послал Николаю Николаевичу младшему: «до моего приезда прошу тебя распоряжаться всеми войсками по-прежнему. Перерыва быть не может. Желая, чтобы генерал Эверт вступил немедленно [в] командование Западным фронтом, а генерал Алексеев отбыл в Могилев для занятия должности Начальника штаба»³¹⁷.

Вероятно, сам Алексеев и выбрал себе преемника, которого он успел хорошо узнать, занимая должность начальника штаба Юго-Западного фронта, так этот вопрос не обсуждался на совещании в Волковыске. Тем более, сам Алексей Ермолаевич указывает на то, что за несколько дней до назначения, Алексеев прислал ему письмо с предупреждением о том, что его ожидает. Эверт ответил просьбой отклонить это назначение потому, что не чувствует в себе достаточно сил, чтобы исполнить эту тяжелую роль, «первый раз в жизни укоризненно отозвался о своей фамилии», упомянув, что в настоящее время не следует допускать на ответственный пост главнокомандующего генерала с иностранной фамилией. Однако это не изменило решения Алексеева. 18(31) августа Эверт сдал командование армией и на следующий день вступил в исполнение своих должностных обязанностей на новом посту³¹⁸.

М. В. Оськин пишет также о гипотетической возможности еще более высокого назначения Эверта, однако совершенно не ясно, на какие источники опирается автор: «Так как все понимали, что роль царя в управлении армией будет номинальной, встал вопрос о выборе его ближайшего помощника. Одним из кандидатов и был выдвинут Эверт, которого, в пику Алексееву, поддерживал Н. В. Рузский. По некоторым данным, кандидатура Эверта была отклонена из-за его немецкой фамилии, что в условиях развязанной Ставкой кампании шпиономании могло иметь самые негативные последствия во внутривнутриполитическом отношении. Сам император Николай II решительно

³¹⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 28. Л. 318.

³¹⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 20.

высказался в пользу Алексеева»³¹⁹. Версию о том, что назначение Эверта на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего не состоялось в связи с его немецкой фамилией, высказывал еще Норман Стоун, также не указывая источник получения данной информации³²⁰.

Итак, Эверт был назначен главнокомандующим армиями Западного фронта. В письме жене по поводу этого он писал следующее: «но не странно ли, что меня и Алексева, людей наиболее скромных, судьба толкает все выше и выше. ... Но Алексеву еще более тяжелый [достался крест], и ответственность его до ужаса громадна. Помолитесь за меня Богу, чтобы Он дал мне сил и разума»³²¹.

Вступить в исполнение новой должности ожидаемо оказалось непросто. Эверту предстояло проделать огромный объем работы, чтобы войти в курс дел: «... работать приходится страшно много – встаю я в 7 час. и ложусь в 1-2, перерыв только обед и час отдыха, если только последнее удастся после обеда; ужинаю за письменным столом. ... Утешаю [себя] тем, что, может быть, со временем, когда ознакомлюсь с делом, будет легче, а теперь дело новое, и приходится особенно напрягать мозги»³²².

Согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время» главнокомандующий армиями фронта, руководствуясь указаниями верховного главнокомандующего, направляет усилия подчиненных ему армий и флота к достижению поставленной цели, всеми способами, кои он признает нужным. В разделе «Положения», посвященном функциям и правам главнокомандующего армиями фронта упор делается в основном на вопросы снабжения и военного администрирования (разграничение районов армий и корпусов, изменение

³¹⁹ *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 39.

³²⁰ *Stone N.* Op. cit. P. 191.

³²¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 20, 20 об.

³²² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 22–22 об.

состава армий, их расформирование, кадровых вопросах и т.п.). Вероятно, авторы «Положения» предполагали, что фронтовое командование станет лишь послушным инструментом в руках Ставки, снимая с последней лишнюю административную и хозяйственную нагрузку. Причем в тех же кадровых вопросах полномочия главнокомандующего армиями фронта были ограничены. Он имел право лишь допускать к временному исполнению должностей начальника штаба, главного начальника снабжений армий фронта, командующих армиями, комендантов крепостей. Утверждал назначения верховный главнокомандующий³²³.

Полевое управление главнокомандующего армиями фронта состояло из штаба, через который он осуществлял свои распоряжения оперативного характера и управлений, подчиненных главному начальнику снабжений армий фронта, ответственных за административно-хозяйственную деятельность. Штаб фронта включал в себя два управления – генерал-квартирмейстера и дежурного генерала³²⁴.

Начальником штаба Западного фронта 21 сентября (4 октября) 1915 г. был назначен генерал-лейтенант М. Ф. Квевцинский, занимавший эту должность вплоть до Февральской революции³²⁵. Он сменил на этом посту генерал-лейтенанта А. А. Гулевича, доставшегося Эверту «по наследству» от Алексева. По мнению Алексея Ермолаевича, Гулевич был распространенным типом петроградского военного «более дипломата – хотя и очень умного – чем полевого генерала». Он исполнял свои обязанности лишь по внешней стороне, работать не любил и донесения из армий прочитывал «как утреннюю газету», не вдумываясь, что же надо делать при данной обстановке. Примечательно, что Эверт «в мирное время, конечно, терпел бы» такого подчиненного, но, так как

³²³ Положение о полевом управлении войск в военное время. Спб., 1914. С. 11-12.

³²⁴ Там же. С. 12-14.

³²⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 669. Л. 6.

на войне цена ошибки гораздо выше, был вынужден с ним расстаться. Об этом желании он сообщил Гулевичу, однако, последний уговорил генерала дать ему испытательный месяц. Впоследствии Алексей Ермолаевич вынужден был сожалеть, что он «поделикатничал», и, в конечном итоге, Гулевич испытательного срока не выдержал³²⁶. Таким образом, в ответственный период ликвидации Свенцянского прорыва, штаб Западного фронта был ослаблен, а значит Эверту приходилось рассчитывать в первую очередь на себя. Впоследствии Алексей Ермолаевич остался вполне доволен работой Квецинского, характеризуя его как человек умного, с широким взглядом, инстинктом и твердой волей³²⁷.

Должность генерал-квартирмейстера занимал генерал-майор П. П. Лебедев³²⁸. С точки зрения Эверта, он был недостаточно опытен «хотя и неглуп и весьма старателен»³²⁹. Сам Павел Павлович, в свою очередь, весьма положительно отзывался о главнокомандующем Западного фронта³³⁰. Помощником генерал-квартирмейстера числился полковник А. А. Самойло³³¹.

Лебедев целиком сосредоточился на разработке оперативных вопросов, по которым он был непосредственным и единственным докладчиком у начальника штаба и почти всегда вместе с Квецинским у Эверта. На Самойло генерал-квартирмейстер возложил все остальные отрасли штабной службы, в первую очередь руководство разведкой. Александр Александрович имел возможность наблюдать за работой Эверта лишь тогда, когда он оказывался участником поездок по фронту вместе с главнокомандующим. Самойло писал в своих мемуарах: «Здесь, на небольшом участке боя, он показывал себя

³²⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 21 об, 22 об.

³²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 59. Л. 177-177 об.

³²⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 669. Л. 6.

³²⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 21 об, 22 об.

³³⁰ Самойло А. А. Две жизни. С. 163.

³³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 669. Л. 6.

спокойным и храбрым начальником». У помощника генерал-квартирмейстера остались противоречивые впечатления об этих поездках, отзывы Эверта о подчиненных ему войсках казались ему «впечатлениями стороннего наблюдателя, а не начальника, ответственного за вверенные ему войска и за их боеспособность»³³². Следует заметить, что формат поездок-ревизий подразумевал именно работу по выявлению недостатков, проверку того, как указания исполняются на деле.

Первая мировая война существенно изменила практику управления войсками. Критикуя в своей телеграмме исполняющему обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего В. И. Гурко от 15(28) января 1917 г. представленные фронтами в Ставку материалы для выработки плана кампании на текущий год, Алексеев высказал несколько важных для понимания принципов работы системы управления русской армией мыслей. Михаил Васильевич подчеркнул, что работа по составлению подобного рода материалов совершается в большинстве случаев лишь офицерами генерального штаба без непосредственного участия инженеров, артиллеристов, специалистов железнодорожной части. Подобная практика руководства, утверждал Алексеев, была привита русской армии ее мирной практикой и «Положением»³³³.

Действительно, если обратиться к статьям положения, то при штабах фронтов не существовало должностного лица, в обязанности которого входило бы централизованное управление боевой работой артиллерии. Сфера ответственности начальника артиллерийских снабжений армий, конечно, выходила за пределы подвоза боеприпасов и других предметов артиллерийского довольствия. В частности, ему было предписано давать для руководства войскам указания по правильному использованию артиллерии в техническом отношении и по содержанию материальной ее части в

³³² Самойло А. А. Две жизни. С. 164-166.

³³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 321.

исправности³³⁴. Однако Первая мировая война предъявила чрезвычайно высокие требования к артиллерийским начальникам, особенно при организации прорыва укрепленных полос противника.

Еще 1(14) декабря 1915 г. Эверт в своей телеграмме Алексееву высказал мнение, что для руководства действиями артиллерии на армейском уровне необходимо учредить должность инспектора артиллерии армии по образцу должности инспектора артиллерии корпуса³³⁵. Впоследствии эта должность была учреждена и на уровне фронта. На Западном фронте ее занял А. А. Шихлинский. Эверт прекрасно знал его. Занимая должность генерала для поручений по артиллерийской части при Ставке, Шихлинский активно участвовал в выявлении обстоятельств провала Нарочской операции. Высоко оценивая его знания и способности, главнокомандующий Западным фронтом попросил Алексеева такого ценного работника себе в подчинение³³⁶.

А. М. Сиверс в своем дневнике упоминает, что эту должность мог занять генерал Беляев, состоявший для поручений по артиллерийской части при главнокомандующем Западным фронтом. Эверт заявил ему, что не может назначить его на эту должность, так как он слишком молод. Шихлинский при этом был значительно моложе Беляева. Сиверс был возмущен, что главнокомандующий Западного фронта поступил так с уважаемым человеком³³⁷. Следует заметить, что отказ был продиктован отнюдь не возрастом, а неудовлетворительной работой Беляева в ходе Нарочской операции, о чем речь пойдет ниже.

То положение, которое занял Шихлинский в штабе Западного фронта демонстрирует незатейливая история, описанная в его мемуарах. На совещании

³³⁴ Положение о полевом управлении войск... С. 34.

³³⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 37. Л. 133.

³³⁶ Шихлинский А. А. Мои воспоминания. С. 137-138, 140.

³³⁷ Сиверс А.М. Дневник. 1916–1919. С. 80–81.

в штабе 10-й армии в присутствии всего высшего командного состава фронта, а также 1-й, 4-й, 10-й армий произошел следующий эпизод: «Приготовлен был длинный стол, занимавший всю длину огромного зала. Главнокомандующий сидел посредине стола. Я (Шихлинский – С. С.), как младший из всех присутствующих генералов, впервые появившийся в их среде, встал в сторонке. Командующий 4-й армией генерал от инфантерии Рагоза хотел сесть на свободный стул около главнокомандующего, но главнокомандующий сказал: – Александр Францевич, потрудитесь обойти стол и сесть против меня, это – место инспектора артиллерии фронта. ... Я подошел и сел. Это произвело на всех собравшихся большое впечатление»³³⁸. Таким образом, Алексей Ермолаевич вполне сочувствовал идеям начальника штаба верховного главнокомандующего.

Продолжая разбор телеграммы Алексеева, следует обратить внимание на еще один аспект. Михаил Васильевич считал, что штаб более высокой инстанции не может продуктивно изложить свои соображения, пока штабы более низкого ранга не выполнят свой ответственной и сложной работы. Этот точный и обстоятельно проработанный материал должен дать категорические, не подлежащие, в сущности, критике высших штабов, выводы.

Данная схема выглядит следующим образом: каждая армия указывает наиболее обеспечивающий успех участок удара в своем районе. На основании этого фронт выбирает наиболее перспективное направление. Затем Ставка анализирует разработки фронтов и выбирает направление для главного удара. Алексеев подчеркнул, что избранные фронт и армия ведут удар всецело по своим планам, по своим соображениям и на полной своей ответственности, являющейся необходимым условием для успеха³³⁹. То есть начальник штаба верховного главнокомандующего фактически низводил роль Ставки до

³³⁸ Шихлинский А. А. Мои воспоминания. С. 143.

³³⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 321 об. - 322.

минимума, перекладывая ответственность на плечи своих подчиненных. При этом планирование операций осуществлялось как бы снизу, а каждая последующая инстанция оказывала все меньше влияния на ее разработку.

Генерал-квартирмейстер Ставки А. С. Лукомский посчитал необходимым написать Алексееву свои разъяснения, так как критика коснулась и работы его управления с материалами фронтов. Он кратко проанализировал соображения главнокомандующих фронтами, представленные в ответ на запрос Ставки от 21 ноября (4 декабря) 1916 г. за № 6406. Лукомский отчасти согласился с Алексеевым, подвергнув критике материалы командования Северного фронта.

Что же касается других фронтов, генерал-квартирмейстер Ставки характеризовал соображения Эверта и Брусилова как очень серьезно составленные работы, с полным и мотивированным изложением принимаемых решений, с разработкой операций в артиллерийском и инженерном отношениях, а равно и с указанием на необходимые мероприятия по разработке тыла³⁴⁰. Примечательно, что Лукомский непродолжительное время осенью 1916 г. занимал должность начальника штаба 10-й армии, а значит имел возможность лично ознакомиться с особенностями управления командования Западного фронта.

Лукомский уверял, что на Западном фронте был принят именно такой метод работы, о котором писал Алексеев. Занимая эту должность, он проверял сначала с начальниками штабов корпусов, а затем и на месте представленные соображения. Кроме того, это требовалось и в других армиях фронта. После представления работ штабами армий начальнику штаба фронта, Квецинский был командирован Эвертом для проверки их на месте. Его сопровождали артиллерийские и инженерные офицеры³⁴¹.

Эверт также откликнулся на телеграмму Алексеева. Он подтвердил, что

³⁴⁰ Там же. Л. 323-325 об.

³⁴¹ Там же.

оперативные соображения высших штабов должны покоятся на подробном и вдумчивом изучении условий обстановки, произведенном не только по карте, но и на местности. Только достигался результат несколько иным путем, при ином порядке распределения работ, чем это было указано Алексеевым.

Алексей Ермолаевич вполне справедливо заметил, что Западный фронт уже около полутора лет находился фактически на одних и тех же позициях. Общими усилиями штабов различного уровня за этот промежуток времени было сделано многое для изучения обстановки. В результате этой работы накопился достаточный запас данных для того, чтобы в высшем штабе могло быть принято обоснованное решение по выбору участка для производства тех или иных операций. Причем целый ряд участков, имевших наиболее важное значение, был изучен даже на боевом опыте. Эверт подтвердил слова Лукомского, что к этой работе постоянно привлекались артиллеристы и инженеры.

При этом, наметив план операции в общих чертах с определением сил и районов армий на основании собственного представления об обстановке, командование Западного фронта передавало его для составления более подробных соображений в штабы армий. При этой разработке могли появляться новые данные, которые учитывались не только штабом армии, но и Эвертом при принятии окончательного решения и формулировке задач.

Главнокомандующий Западным фронтом решительно выступил против того метода работы, который навязывал Алексеев. Для выполнения крупных наступательных операций на небольших пространствах сосредотачивались значительные силы. При этом большинство корпусов и дивизий не могли принять никакого участия в предварительном изучении районов, где им предстояло действовать, и в составлении плана действий. Состав ударных сил на практике определялся много позднее составления плана, а сосредоточение войск производилось незадолго до начала его выполнения.

Таким образом, изучение района будущих действий и составление плана

ложилось бы по задумке Алексеева на войска, постоянно занимавшие район будущей операции. Между тем, большинство корпусов Западного фронта занимало фронт в 20 и более верст, вмещая в себя район всего будущего главного удара, т.е. одной или даже двух армий. Изучение района предстоящей операции было непосильной задачей для штабов корпусов и дивизий. В силу этого Эверт считал совершенно необходимым участие в этой работе высших штабов, как по содействию в изучении района действий, так и в выработке планов действий.

Кроме того, главнокомандующий Западного фронта не поддержал и идею о том, что выводы и планы низших штабов должны приниматься как окончательные, без критики, а главное, что подготовка операции и производство ее должны всецело отдаваться в руки исполнителей на их ответственность. Эверт подчеркнул, что «при нашем составе низших штабов необходимы со стороны высших штабов и наблюдение, и критика, и подталкивание, как при составлении соображений и подготовке операции, так и при ее выполнении». Алексей Ермолаевич приходил к неутешительному выводу. Тяжелый опыт 1916 г. показал, что невмешательство высших начальников и предоставление полной свободы действий подчиненным было не применимо в условиях русской армии³⁴².

В значительной степени подобный взгляд был продиктован убеждением Эверта в слабости высшего командного состава русской армии. Еще во время ликвидации Свенцянского прорыва в ходе телефонного разговора с Алексеевым он высказал следующее: «К сожалению, у нас нет кавалерийских начальников». Начальник штаба верховного главнокомандующего не стал спорить и, судя по контексту разговора, придерживался того же мнения. Кроме того, со стороны обоих генералов прозвучала критика в адрес командующего 2-

³⁴² Там же. Л. 444-446.

й армией В. В. Смирнова³⁴³. Хотя Эверт видел очевидные недостатки в работе Смирнова, он в целом был им доволен, отмечая что тот «работает умно»³⁴⁴.

27 августа (9 сентября) Эверт отправил Алексееву весьма откровенное письмо, в котором заявил, что из числа всех командующих армиями к двум у него нет полного доверия – Е. А. Радкевичу и Л. В. Лешу. У первого, с точки зрения Алексея Ермолаевича, не было веры в себя и потому в управлении армии не хватало твердой руки и системного подхода. Леш же проявил себя как энергичный, умный командир но без широкой подготовки, при этом весьма самоуверенный. Разработку операций и тактическое управление на ударном участке он вел лично, устраняет от этого командиров корпусов и возлагая на них лишь административно-хозяйственную работу. Это предполагало и большую ответственность. Сама по себе эта черта его характера не послужила бы поводом для подобной характеристики, если бы не череда провалов, за которые Эверт был склонен винить именно командующего 3-й армией.

Так, например, 6(19) июня XXXI и III армейские корпуса должны были в районе Логишина форсировать Огинский канал и р. Ясельда. Эверт лично уточнял у командующего 3-й армией, проходим ли канал в брод. Тот ответил утвердительно, что не соответствовало действительности, и операция была сорвана. Следует учитывать, что III армейский корпус без особых логистических трудностей мог быть отправлен на усиление Юго-Западного фронта в самый разгар боев³⁴⁵.

Алексей Ермолаевич указал, что желает заменены обоим более подходящими начальниками. При этом Эверт сразу сделал оговорку, что списание их в резерв считает все же несправедливым и, самое главное, не знает, кем их заменить и станет ли от этого лучше. Единственной кандидатурой был

³⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 50. Л. 282-293.

³⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 22 об.

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 59. Л. 174-177 об.; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 75. Л. 316.

А. А. Цуриков, который и занял пост командующего 10-й армией в октябре 1916 г. Леш же свой пост сохранил вплоть до Февральской революции³⁴⁶.

Не могло быть уверенности и в командовании на уровне корпусов и дивизий. 8(21) марта 1916 г. Рагоза отправил Эверту телеграмму, в которой уже после начала Нарочской операции доложил, что во главе групп стоят лучшие из корпусных командиров, самым надежным из них он считал П. С. Балуюва. Другие, по мнению Рагозы, нуждались в постоянном контроле и руководстве³⁴⁷. Нужно учитывать, что возглавлявшие группы генералы, в том числе и Балуюв, стали объектом острой критики, в первую очередь со стороны Эверта³⁴⁸. В сентябре 1916 г. в ходе телефонного разговора с Алексеевым главнокомандующий Западным фронтом посетовал, что поручиться за успех наступления после того, как не развились локальные успехи под Барановичами, трудно. Алексей Ермолаевич считал, что над этой операцией работали лучший командующий армией и командиры корпусов³⁴⁹.

Провал Нарочской операции побудил Эверта потребовать от командующего 2-й армией тщательно разобраться в действиях всех начальствующих лиц, внимательно пересмотреть соответствие их занимаемым ими командным должностям, удалить непригодных и немедленно ходатайствовать о назначении взамен наиболее достойных. При этом главнокомандующий Западным фронтом призвал помнить о том, что, когда решаются судьбы России, сердоболию и соблюдению личных интересов нет и не может быть места³⁵⁰.

Теперь проанализируем, насколько реальная практика управления соответствовала теоретическим воззрениям Эверта и Алексева. Стоит

³⁴⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 59. Л. 174-177 об.

³⁴⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 64. Л. 301.

³⁴⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 75. Л. 64, 75, 77.

³⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 59. Л. 347.

³⁵⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 75. Л. 190.

отметить, что начальник штаба верховного главнокомандующего кардинально отступал от того метода руководства войсками, которым рекомендовал пользоваться своим подчиненным. После потери 2-й армией небольшого участка неприятельской позиции, захваченного в ходе Нарочской операции, Алексеев указал главнокомандующему Западным фронтом, что решение вопроса о том, какие меры стоило принять для упрочения положения на данном участке не следовало отдавать в руки армейского командования. Эверт возразил, что такие частные вопросы, требующие детального знания местной обстановки, он решать не может, также, как и лишать свободы действий командующего армией. Если он не соответствует занимаемой должности, командующего армией надо сменить, но за него управлять армией невозможно. При этом он сделал оговорку, что к смене командующего оснований не имеет, поэтому решение вопроса о способе действий для упрочения обороны 2-й армии считает себе обязанным предоставить ему³⁵¹.

Еще более показательный случай произошел в сентябре 1916 г. в процессе разработки сравнительно крупного наступления трех корпусов 10-й армии на Виленском направлении. По инициативе Алексеева состоялся телефонный разговор с главнокомандующим Западным фронтом, в ходе которого обсуждались вопросы подготовки прорыва. Начальник штаба верховного главнокомандующего заявил, что он сидел над директивой 10-й армии и над картой предстоящих действий и, в конечном результате, в нем не родилось веры в успех. Алексеев опасался немецкого наступления на Румынском или Юго-Западном фронтах и указывал, что потеря трех корпусов приведет к невозможности собрать на угрожаемом направлении достаточные средства. Поэтому он обратился к Эверту с целью получить определенный ответ об успехе операции. Алексей Ермолаевич заметил, что при такой

³⁵¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 592.

категоричной постановке вопроса может быть только одно решение: если необходимо сохранить свежие силы для использования в иных направлениях, то, конечно, операция должна быть отменена. Ручаться за ее успех при условии того, что придется пробиваться через сильно укрепленную позицию противника, нельзя. Но в целом Эверт дал положительное заключение: вероятность успеха наступления до намеченного рубежа, а затем и далее до р. Вилии имелась.

Алексеев продолжил возражать, оговорившись, что он на местности не был и может ошибаться. Тем не менее, это не мешало ему задавать вопросы по тактическим нюансам наступления, в частности начальника штаба верховного главнокомандующего беспокоило, когда планируется занять ключевую для немецкой обороны деревню Мартышки. Главнокомандующий Западным фронтом подчеркнул, что он сам намечал другой участок, но командующий 10-й армией после совещания с командирами корпусов настоял на выборе местности от д. Червяты до д. Перевозы, основывая главным образом на уверенности последних в успехе здесь. При личном посещении 10-й армии Эвертом выяснилось, что на деле ситуация была несколько иной, войскам предстоял трудный, но возможный маневр. Участок был сложным, но зато был занят австрийскими частями и был менее основательно укреплен, причем воздушная разведка не обнаружила второй полосы укреплений за ним. Важно подчеркнуть, что исполнитель главного удара операции – командир XX армейского корпуса А. И. Иевреинов выказал полную уверенность в успехе.

И, тем не менее, начальник штаба верховного главнокомандующего остался при своем мнении: «...все, по-видимому, основано на убеждении и на взгляде Комкор 20. Вот это, по-моему, и составляет наиболее слабое место всего плана, ибо сам по себе Комкор 20 не представляет силу великую, а командарм 10 и его ближайший помощник в разработке этого сложного плана

не приложили того труда, при помощи которого такая деликатная и сложная тактическая операция может развиваться правильно и уверенно»³⁵². В конечном итоге, операция так и не состоялась. При этом недовольство организаторов наступления от отмены их начинания нередко выливалось именно на Эверта³⁵³.

Главкомандующий Западным фронтом все же стремился оставить своим подчиненным определенную свободу. В одной из своих телеграмм он четко очертил границу своих полномочий: «Я имею возможность давать только общие директивные указания, а не тактические, которые по времени и по месту могут не соответствовать обстановке»³⁵⁴.

Подобный подход проявлялся не только в боевом управлении войсками. После провала Нарочской операции Эверт развернул широкую деятельность по анализу допущенных ошибок³⁵⁵. Результаты этой работы были сообщены командующим армиям, но не в форме непреложной истины, применимой при любой обстановке. Так, например, Алексей Ермолаевич, заметил, что на выбор оптимального времени вывода войск в исходное положение и начала атаки должны влиять местные условия, и характер неприятельской укрепленной позиции. Поэтому какие-либо определенные универсальные распоряжения для всего фронта не допустимы, эти указания по отношению к атакуемому участку должен был дать командующий армией³⁵⁶. Тем же методом решался вопрос о времени начала и продолжительности артиллерийской подготовки³⁵⁷.

Кроме того, Алексей Ермолаевич требовал от командующих армиями непосредственного общения с командирами корпусов. 17(30) июля 1916 г. Эверт раскритиковал выбор месторасположения штабов 2-й и 4-й в Слуцке и

³⁵² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 59. Л. 344-355.

³⁵³ Сиверс А.М. Дневник. 1916–1919. С. 118.

³⁵⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 478.

³⁵⁵ Там же. Л. 146, 150.

³⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 115.

³⁵⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 75. Л. 274-275.

Несвиже соответственно, так как эти пункты были слишком удалены от передовой. Главнокомандующий Западным фронтом подчеркнул, что для надлежащего управления одних только директив недостаточно. Так как создание групп по результатам Нарочской операции было признано однозначно вредными, Алексей Ермолаевич считал, что при коротких фронтах корпусов на ударных участках, непосредственное и своевременное управление связанностью их действий может обеспечить только командующий армией³⁵⁸. Эверт не стремился сконцентрировать в своих руках все нити управления, именно командующие армиями должны были играть важнейшую роль в ходе проведения наступательных операций.

В то же время стиль управления главнокомандующего Западным фронтом претерпел определенные изменения в ходе кампании 1916 г. Свою телеграмму от 24 августа (4 сентября) командующему 3-й армией Эверт начал следующим образом: «Сорванная мартовская операция в районе м. Поставы, неразвившаяся июньская операция в районе м. Барановичи, неудачное наступление Гренадерского корпуса 31-го мая и 31 корпуса на Огинском канале 6-го июня, – все это не дает мне права ограничиваться лишь общей директивой и оставаться спокойным в период подготовительных к ее (операции – С. С.) выполнению действий, с полным убеждением, что все будет выполнено безупречно».

Во время подготовки для наступления на Камень-Каширский, Эверт получал от Леша лишь общие соображения, но более подробных сведений о ходе работ, о группировке войск и артиллерии главнокомандующий Западным фронтом не имел. Дабы выяснить действительное положение дел, на место был командирован генерал Квецинский. Как выяснилось позднее, эта мера была отнюдь не напрасной, так как реальная подготовка к наступлению началась

³⁵⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 76. Л. 39-40.

лишь за 2 дня до его начала³⁵⁹.

Нужно заметить, что дополнительный контроль со стороны главнокомандующего Западным фронтом коснулся не всех командующих армиями. 29 октября (11 ноября) 1916 г. Эверт разослал указания армиям вести подготовку наступательных операций на случай необходимости провести таковые зимой средствами лишь самого Западного фронта. Причем заметно, что по своему стилю они существенно отличались. Если для 2-й и 10-й армий в директивах оговаривался лишь самый общий замысел операции и то количество сил, которое необходимо задействовать, то телеграмма для 3-й армии была совершенно иной. Алексей Ермолаевич подробно расписал для своего подчиненного алгоритм действий.

Подготовка должна была вестись по нескольким основным направлениям, а именно: необходимо было разработать подробный план действий, план инженерной и артиллерийской, а где возможно и химической подготовки, необходимой системы путей сообщения, связи, а также план подготовки тыла ударной группы. Эверт требовал, чтобы эти соображения были выполнены с такой степенью подробности, при которой на их основе можно было бы непосредственно приступить к подготовке.

После их утверждения главнокомандующим Западного фронта, армия должна была немедленно приступить к фактическому выполнению того, что можно было осуществить наличными силами и средствами ее войск и учреждений. Алексей Ермолаевич решил не оставлять на усмотрение командующего 3-й армией список этих работ, перечислив их в своей телеграмме. В него вошли выбор и постройка артиллерийских позиций и прочных наблюдательных пунктов, командных пунктов, прокладка магистральных линий связи, необходимых путей сообщения, развитие системы

³⁵⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 59. Л. 170-170 об.

ходов сообщения как основы исходного плацдарма, обустройство складов, подготовка эвакуации раненых и больных³⁶⁰.

Таким образом, А. Е. Эверт был назначен главнокомандующим армиями Западного фронта по протекции генерала Алексеева, который перешел с этого поста на должность начальника штаба верховного главнокомандующего. Успев хорошо познакомиться с Эвертом во время службы на посту начальника штаба Юго-Западного фронта, Алексеев был о нем высокого мнения, иначе не стал бы возлагать на его плечи столь высокую ответственность.

Главнокомандующий Западным фронтом и начальник штаба верховного главнокомандующего подошли к началу 1917 г. с диаметрально противоположными выводами. Алексеев считал, что необходимо предоставить местным начальникам максимально широкие полномочия, фактически не вмешиваясь в их работу по существу, а Эверт выступал за централизацию и контроль со стороны вышестоящих инстанций. Реальная же практика управления сближала обоих на основе метода работы, который отстаивал Алексей Ермолаевич.

Скорее наоборот, именно Алексеев сковывал инициативу местных начальников своим вмешательством в тактические детали, даже на уровне корпусов. Значительная удаленность штаба фронта от передовой, усложнение военного искусства и штабной службы заставляли Эверта воздерживаться от подобного метода управления. Командующие армиями оставались важнейшей командной инстанцией, ответственной за разработку наступательных операций. В то же время фронтовое командование не отказывалось от контроля этого процесса, причем основным средством для этого стали командировки на место событий самого главнокомандующего, либо его доверенных лиц.

При этом невысокая оценка качеств кадрового состава высшего

³⁶⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 61. Л. 71-74 об.

командования русской армией в целом, а также плачевный опыт кампании 1916 г. заставляли Эверта проявлять повышенное внимание и опеку по отношению к работе некоторых из его подчиненных. Замена же несоответствующих должности начальников, в том числе и командующего 10-й армией, производилась главнокомандующим Западным фронтом, но поиск подходящих кандидатов на эти должности был чрезвычайно затруднен. История назначения генерал-майора Шихлинского на должность инспектора артиллерии фронта демонстрирует, что Эверт был крайне заинтересован в привлечении грамотных специалистов.

§ 2. Руководство оборонительными действиями Западного фронта

А. Е. Эверт вступил в командование Западным фронтом в тот же день, когда капитулировала крепость Новогеоргиевск. О масштабе катастрофы говорят следующие цифры: в плен попало 85 000 пленных, немцы взяли в качестве трофеев 700 орудий. Расчет Алексеева на то, что крепость задержит движение немцев, не оправдался. Взятие же Ковно создавало угрозу окружения для всего Северо-Западного фронта, который мог бы оказаться прижатым в районе Бреста-Кобрин-Пинска в Припятские болота. Ликвидировать эту угрозу можно было только контрфланговым движением, для которого не было свободных сил. Русская армия продолжала свое отступление³⁶¹.

В одном из первых своих приказов новый главнокомандующий Западным фронтом распорядился оказывать врагу более упорное сопротивление, заставляя его разворачивать не только передовые части, но и находящиеся во второй линии. Для решения поставленной задачи предлагалось прибегнуть к решительной перегруппировке сил с целью сосредоточения скудных ресурсов на важнейших участках. Эверт стремился заставить войска вверенного ему

³⁶¹ Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Том II. С. 155-156.

фронта отступать как можно медленнее, «цепляясь за каждую остановку». Даже когда отход был предрешен, главнокомандующий отдавал приказ задержать его на один день, чтобы дать отпор противнику³⁶².

4(17) сентября по армиям Западного фронта был разослан приказ командующего 2-й армией №13503, в котором он упрекал подчиненных ему командиров в «недостаточной твердости духа». Генерал Смирнов призывал командиров заботиться не о скорейшем выводе войск из боя и отводе их на следующую позицию, а о выигрыше времени и нанесении врагу возможно больших и чувствительных потерь. В качестве примера он приводил действия безымянного «начальника крупной части, находившейся в армейском резерве» во время боев на р. Росс. При отходе понесших значительные потери частей одного из корпусов, этот начальник запросил штаб армии не о разрешении перейти в наступление для поддержки отходившего корпуса, а об отходе на более удобную позицию, чтобы «принять на себя отходящие части». Таким образом, о переходе в быстрое, энергичное наступление, с целью поддержать соседа и ошеломить зарвавшегося врага, не было речи. Также командующий 2-й армией отмечал, что после постановки какой-либо задачи, войсковые начальники принимались вести подсчеты сил противника и своих собственных, причем была очевидна склонность к преувеличению первых и умалению вторых. Смирнов доходил в своих рассуждениях до геркулесовых столбов: «Каковы бы ни были потери, при правильном, налаженном управлении, с твердым духом начальниками ни одна часть потерять боеспособности не может: в такой части уменьшается ее состав, но не боеспособность; если бы от корпуса осталось даже только рота, то и та, имея стойкого командира, представляла бы собой боеспособную часть»³⁶³.

Несмотря на то, что в телеграмме указывалось, что главнокомандующий

³⁶² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 50. Л. 56-57.

³⁶³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 32. Л. 111, 113-114 об.

Западным фронтом нашел содержимое этого документа «глубоко справедливым»³⁶⁴, Эверт не тешил себя иллюзиями относительно боеспособности подчиненных ему армий. Сразу после вступления в должность, ему пришлось положить предел наступательной активности командующего 10-й армией генерала Радкевича. Армия была усилена еще при Алексееве II Кавказским и Гвардейским корпусами, причем последний выделялся на фоне других корпусов Западного фронта более сильным составом. Это давало Радкевичу повод выступать с инициативой крупномасштабного наступления 1-й, 5-й и 10-й армий. Эверт признавал, что наступление не только этих, но и вообще всех армий Западного фронта являлось желательным, однако, с его точки зрения, обстановка этому абсолютно не способствовала.

Оба корпуса были распылены командующим армией в боевой линии, что не позволило им разбить и отбросить даже сравнительно слабые части противника в ходе пятидневных боев. Сковав боем основные силы русских, противник мог сосредоточить свои для прорыва фронта на другом направлении, чему способствовало почти полное отсутствие резервов. Кроме того, Эверт скептически смотрел на возможность содействия со стороны 5-й армии Северного фронта, которая сама неоднократно переходила в наступление, но успеха не имела. Просьба Радкевича об усилении армии не были удовлетворены, командующий получил приказ «задаваться только посильными для себя задачами». Алексей Ермолаевич мимоходом высказал важную для понимания его позиции мысль – имея корпуса в 3 – 4 тысячи штыков трудно рассчитывать на возможность вырвать инициативу из рук противника³⁶⁵.

Характерно, что Ставка оценивала ситуацию в духе командующего 2-й армией. 7(20) сентября Алексеев разослал главнокомандующим фронтами

³⁶⁴ Там же. Л. 111.

³⁶⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 74. Л. 11-15.

телеграмму, в которой неодобрительно отозвался о боевой работе 2-й и 10-й армий. Начальник штаба верховного главнокомандующего сетовал: «Вообще мы утратили постепенно способность [к] свободному маневрированию, стали признавать возможность боя лишь плечом [к] плечу длинными растянутыми линиями, опасаясь до болезненности прорыва, охвата и, поэтому, прорыв роты или батальона считаем законным предлогом для отступления корпуса»³⁶⁶. Можно сказать, что определенная часть высшего военного командования русской армии во главе с генералом Алексеевым к концу августа 1915 г., объясняя неудачи русской армии, склонно было делать упор на недостатки управления войсками. При этом, как ни парадоксально, возможности немецкой армии критически недооценивались.

Смирнов искренне считал, что «истощенный походами, полуголодный, по свидетельству самих пленных, вследствие трудности подвоза в стране, разоренной и лишенной дорог, враг наш напрягает последние свои силы и положение его с каждым днем становится тяжелее»³⁶⁷. За день до начала Свенцянского прорыва Алексеев сообщил Эверту свою оценку обстановки, согласно которой общая энергия наступательных действий противника на всем протяжении Западного фронта значительно ослабла³⁶⁸.

Здравый взгляд на боевые возможности противника помог главнокомандующему Западным фронтом в ходе ликвидации Свенцянского прорыва остро поставить вопрос об оставлении Вильны и отводе армий фронта на восток. 3(16) Эверт с разговором с Алексеевым характеризуя обход правого фланга 10-й армии дал верную оценку ситуации, подчеркнув, что «...операция [противником] затеяна серьезная». Заключение Алексея Ермолаевича было однозначным: «В общем картина нерадостная и так как отход наших слабых

³⁶⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 50. Л. 211.

³⁶⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 32. Л. 114.

³⁶⁸ *Евсеев Н. Ф.* Свенцянский прорыв (1915 г.). С. 34.

сил рано или поздно [произойдет], надо сделать это лучше раньше, чем с риском опоздать»³⁶⁹.

Нельзя не согласиться с выводом Н. Ф. Евсеева, который оценил данное решение следующим образом: «Представляется, что решение русских было правильно, так как 10-я армия ввиду вторжения на ее тылы германской конницы была поставлена в тяжелые условия снабжения и эвакуации. Подход же 2-й армии и ее боевые действия на верхней Вилии могли сказаться не сразу, а спустя известное время, в течение которого войска 10-й армии, лишенные патронов и снарядов, могли не выдержать и Виленская дуга могла получить излом, последствия которого могли привести к катастрофе для северных корпусов армии (3-й сибирский, гвардейский, 5-й кавказский)»³⁷⁰.

Следует признать, что Евсеев вообще проанализировал операцию по ликвидации Свенцянского прорыва весьма детально и практически безупречно с точки зрения выводов и аргументации, во всяком случае, в отношении деятельности генерала Эверта. Поэтому я считаю допустимым, не вдаваясь в детали, повторить характеристику, данную автором главнокомандующему Западным фронтом: «В отношении оперативного руководства русский командующий Западным фронтом выказал значительно больше дарований в оценке событий и больше умения в организации маневра, чем прославленные "идейные наследники" Мольтке. Во всяком случае, командующему русским фронтом удалось вырвать у немцев инициативу, опередить их в развертывании на Вилии и заставить перейти к обороне, имея слабый высший начсостав, крайне ограниченное боевое снабжение, примерно равное число штыков...»³⁷¹.

2(15) октября Эверт сообщил Алексееву, что противник на Западном фронте перешел к обороне и намерения его сводятся лишь к удержанию

³⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 50. Л. 155-173.

³⁷⁰ Евсеев Н. Ф. Свенцянский прорыв (1915 г.). С. 114.

³⁷¹ Там же. С. 157.

добытых наступлением результатов. Показания пленных также сводились к тому, что на занятых позициях немцы будут зимовать, а удерживаемый ими фронт от Сморгони к Двинску был весьма удобен для обороны. Алексей Ермолаевич понимал основную задачу момента следующим образом: «[в] ближайщие месяцы на всем фронте прекратить даже частичные наступления, усиливать занимаемые позиции, готовя их к зимовке, и все внимание обратить на пополнение личного состава и запасов артиллерии и продовольствия»³⁷². Сам начальник штаба верховного главнокомандующего был вполне согласен с подобной оценкой событий³⁷³.

Однако страх повторения Горлицкого прорыва продолжал владеть умами некоторых представителей высшего военного командования. Главнокомандующий Северным фронтом предполагал, что немцы, утвердившись на Двине, двинутся к Пскову и Ревелю. Поэтому Рузский считал необходимым перебросить три «боеспособных или полных» корпуса с Западного фронта. Генерал Иванов, в свою очередь, указывал на слабость своего положения и просил предоставить в его распоряжение шесть корпусов. Требования Рузского встретили энергичный отпор как Эверта, так и Алексеева. Последний подчеркнул, что «переброска 60 – 70 тысяч штыков [с] Западного фронта настолько ослабит наше положение, создаст снова столь слабые места, что вызовет повторение пережитых тяжелых дней»³⁷⁴.

Следует заметить, что это не остановило генерала Рузского, и он продолжил заваливать Ставку паническими сообщениями о подготовке крупного немецкого наступления в районе Двинска и Риги и в ноябре 1915 г. Однако Алексеев оставался непреклонен. 30 ноября (13 декабря) начальник штаба верховного главнокомандующего указал ему, что даже по сведениям из

³⁷² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 105-107.

³⁷³ Там же. Л. 165.

³⁷⁴ Там же. Л. 165-166.

штаба Северного фронта видно, что русская армия на этом участке имела превосходство в силах. Алексеев считал, что невозможно обеспечить превосходство над противником везде и нужно учиться у противника правильно распределять собственные войска. При этом генерал подчеркнул, что не следует «накладывать руку» на силы соседних фронтов, имевших свои задачи. Чтобы подчеркнуть весомость собственного слова, Алексеев в конце телеграммы добавил, что это решение сообщено по повелению императора. Эверт был вполне согласен с данной точкой зрения, оставив на копии телеграммы следующую резолюцию: «А главное, не имея резерва в своем распоряжении, г. Рузский всегда будет нуждаться в помощи»³⁷⁵.

Главнокомандующий Западным фронтом с момента вступления в должность начал внушать своим подчиненным, что наличие частных и общих резервов придает обороне гибкость, упорство и активность. Причем ввод резервов в боевую линию без особой надобности неизбежно ослабляет оборону³⁷⁶. Впоследствии это требование неоднократно подтверждалось³⁷⁷.

Неразрывно с этим постулатом связана идея «активной обороны», которую Эверт постулирует в своих приказах с осени 1915 г. Она состояла в том, чтобы постоянно тревожить противника поисками разведчиков и даже наступлением более крупных частей с ограниченными задачами. Особенно широко предполагалось развить подобную деятельность на тех участках фронта, где противник сам не проявлял инициативы. Это часто являлось признаком слабости его войск, что развязывало руки для подобных решительных действий. Опыт войны показал, что подобный вылазки могли приносить немалый успех³⁷⁸. Главнокомандующий Западным фронтом пытался

³⁷⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 36. Л. 88.

³⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 74. Л. 67

³⁷⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 506-508.

³⁷⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 74. Л. 184.

боротся с тем затишьем на фронте, которое установилось после начала позиционной фазы Первой мировой войны. В своем приказе №522 от 19 ноября (2 декабря) 1915 г. он распорядился «Всеми силами, все время и всеми способами наносить возможно больший вред противнику...»³⁷⁹. Такая формулировка задачи армии как «упорно оборонять свои позиции [и] постоянно приковывать противника к своему расположению» была весьма распространена в приказах Западного фронта³⁸⁰.

В реальной же практике управления войсками командующие армиями не часто решались на смелые и решительные действия. Ярким примером тому служат распоряжения командующего 10-й армией генерала Радкевича, отданные в период наступления в районе оз. Нарочь. Отметив, что возросшая активность войск противника на фронте армии, выразившаяся в атаках небольших частей, имеет целью прикрыть начатую перегруппировку сил, Радкевич не стремился воспользоваться этой благоприятной возможностью. Он приказал лишь усилить разведку и «огнем и действиями мелких партий удерживать противника противника перед собой»³⁸¹. Очевидно, что столь нерешительные действия не могли эффективно приковать резервы противника.

Вторым столпом надежной обороны Эверт считал надлежащее оборудование позиций в инженерном отношении. В своей телеграмме №7006 от 27 сентября (10 октября) 1915 г. он указал: «Современное положение более чем когда-либо требует подготовки позиций в инженерном отношении, спешного укрепления намеченных позиций в тылу для последовательной обороны глубины театра действий, подготовки и исправления дорог, необходимых для переброски войск и правильного устройства тыла без

³⁷⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 501.

³⁸⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 119.

³⁸¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 105. Л. 92.

загромождения ближайшего пространства обозами и складами»³⁸².

Приказ главнокомандующего Западным фронтом от 19 сентября (2 октября) 1915 г. № 429 определял, каким образом должны укрепляться позиции: «...не должно быть укрепленных линий, а должны быть укрепленные полосы известной глубины; глубина чем больше, тем лучше; в этой укрепленной полосе, укрепления должны быть расположены во взаимной огневой связи, должны давать возможность, в пределах этой укрепленной полосы, удачно "загибать" фланги, беря противника под фланговый огонь». Также был предписан и способ постройки укреплений. Имеющиеся силы и средства предлагалось рассредоточить по всей намеченной глубине позиции, подготавливая ее равномерно. Алексей Ермолаевич считал, что не вполне законченная, но глубокая позиция, дает возможность отходить шаг за шагом, а хорошо подготовленная первая линия позиции прорывается одним ударом³⁸³.

Уже в конце сентября в приказах Эверта появляются намеки на коренную перестройку всей системы обороны. Он указывал, что следует не сменять полки, потрепанные артиллерийским, а обучить их применяться к огню. Нельзя оставаться пассивным под огнем, дожидаясь пока потери и разрушения не заставят остатки полка отхлынуть назад. Ураганный огонь немцы, с точки зрения главнокомандующего Западным фронтом, обыкновенно открывали по очень ограниченной площади. В этой поражаемой полосе предполагалось оставлять только часовых, остальных защитников выводить назад в убежища, если они были, в щелеобразные окопы, в крайности, за неимением ничего другого, на открытое место, но всегда на такое расстояние, чтобы при первой возможности роты были снова введены в окопы для отражения штурма³⁸⁴.

Однако конкретные указания последовали только 28 января (10 февраля)

³⁸² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 74. Л. 284-285.

³⁸³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 32. Л. 425-425 об.

³⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 74. Л. 286-287.

1916 г., когда главнокомандующий Западным фронтом приказал учесть при оборудовании позиций те коррективы, которые внес в этот процесс опыт войны. Особое внимание приказывалось обратить на усиление укреплений 2-й и 3-й линий в обеих укрепленных полосах позиций. Кроме того, предписывалось развить возможно шире ходы сообщения между 1-й и 2-й линиями укрепленных полос. От строительства блиндажей против тяжелых снарядов в первой линии решено было отказаться.

Потеря первой линии укрепленной полосы отныне не считалась критичной и рассматривалась лишь как завязка боя. Наполнять ее войсками запрещалось, и во время артиллерийской подготовки в поражаемых укреплениях оставлялись только наблюдатели.

После начала артиллерийской подготовки частные резервы должны были подтягиваться к обстреливаемым линиям. На смежных участках усиливалось наблюдение в целях вскрытия демонстраций противника. В зависимости же от действительного направления главного удара зависел подвод общих резервов³⁸⁵. Это, конечно, не означало, что первую линию окопов разрешалось сдавать без боя. Она лишь перестала быть главным рубежом обороны. В случае если натиск противника был достаточно силен, чтобы выбить обороняющихся с нее, артиллерия приступала к перекрестному обстрелу окопов. Подоспевшие же резервы должны были решительной контратакой восстановить положение³⁸⁶.

11(24) октября Эверт приказал начальникам дивизий лично, в крайнем случае начальникам штабов дивизий осмотреть позиции, на которых остановились войска. Кроме того, командиры корпусов, а затем и командующие армиями должны были командировать доверенных лиц для проверки состояния позиции в инженерном отношении, их соответствия

³⁸⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1392. Л. 28-28 об.

³⁸⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 275-276.

тактическим требованиям и условиям местности³⁸⁷.

Алексей Ермолаевич не ограничился этим, отправив своего ревизора для контроля над работой подчиненных. Генерал-от-инфантерии К. А. Кондратович объехал все армии Западного фронта с декабря 1915 по февраль 1916 гг. Автором данного исследования написана статья, в которой материалы этих отчетов были всесторонне проанализированы³⁸⁸. Поэтому считаю возможным лишь повторить выводы данного исследования.

Несмотря на требования контроля со стороны начальствующих лиц фронта, ревизии вскрыли множество проблем. Только в одной из четырех армий фронта первая линия обороны была практически закончена. Что касается тыловых оборонительных рубежей, то лишь в 10-й армии обустройству второй оборонительной полосы уделялось должное внимание, причем в ущерб передовой. Расположение оборонительной линии Западного фронта было случайным, войска укреплялись там, где остановились в ходе последнего боя. Командование не считалось даже с самыми тяжелыми условиями, предпочитая строить окопы в болоте, нежели отвести свои войска назад на более благоприятный участок.

Организация оборонительных работ также часто находилась не на высоте. Без того скудные ресурсы, прежде всего кадровые, разбрасывались, задачи не ранжировались по степени важности. Не соблюдался принцип единоначалия, корпусные и армейские инженеры конкурировали между собой за материалы, необходимые для фортификации. Даже на уровне корпуса не была выработана единая система управления. Подобное положение не могло дать командованию фронтом уверенности в собственных оборонительных рубежах, приковывая крупные силы и средства, ограничивая наступательную

³⁸⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 74. Л. 322.

³⁸⁸ *Сергушкин С.С.* Состояние оборонительных позиций русской армии на начальном этапе позиционного периода Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 3. С. 48-54.

инициативу³⁸⁹.

Армейское командование стремилось создать иллюзию деятельности: так, официальные еженедельные донесения 1-й армии показывали, что готовность позиций доведена до 60-90%. Реальное же положение было совсем другим, во многих местах после трехмесячных работ укрепления представляли собой одну линию окопов и ту иногда в незаконченном виде.

Причем недостатки были связаны с недочетами управления. Искусственные препятствия перед окопами были развиты чрезвычайно слабо, а в 8-м Сибирском пехотном полку их вовсе не оказалось. В то же время в складах 1-й армии к 15(28) декабря находилось 17 800 пудов колючей и 19 200 пудов гладкой проволоки. Проволоку часто укладывали в непрерывную линию без проходов, что было строго запрещено приказом главнокомандующего Западным фронтом №534. Малый успех инженерных работ командиры частей объясняли недостаточным количеством тяжелого шанцевого инструмента, в то время как в армейском запасе состояло значительное его количество. В своей телеграмме командующему 1-й армией Эверт вполне справедливо заметил, что «при таком недопустимом отношении к делу мы неизбежно будем терпеть неудачи»³⁹⁰. Главнокомандующий Западным фронтом даже сменил свой привычно дипломатичный тон и прибег к угрозе. В телеграмме командующему 2-й армией он высказал следующие: «Тяжелый ответ понесут начальники, если вследствие отсутствия в период затишья должной энергии армия в будущем не удержит своего фронта...»³⁹¹.

Стоит, правда, отметить, что объем работ был действительно колоссальным. Фортификационные работы подразделялись на 3 категории: первая – в непосредственной близости от противника, выполнялась

³⁸⁹ Там же. С. 53-54.

³⁹⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 108-108 об.

³⁹¹ Там же. Л. 145 об.

непосредственно войсками под руководством корпусных командиров, вторая категория работ производилась по распоряжению армий, корпусными инженерами, частью при помощи войск, частью вольнонаемными рабочими и армейскими организациями (в их распоряжении имелись ополченческие дружины, инженерные дружины, военнопленные и вольнонаемные рабочие). Третья категория работ производилась тыловыми организациями по распоряжению штаба фронта при помощи вольнонаемных рабочих. При общей протяженности Западного фронта в 500 верст в начале января 1916 г. возводилось 2800 верст оборонительных позиций, на постройке которых работало 130 200 человек. Причем в данные подсчеты не входят позиции, занимаемые войсками, и те, которые укреплялись корпусными инженерами.

Таким образом на версту приходилось 47 рабочих. По подсчетам штаба фронта для выполнения всех намеченных работ в течении 10-15 дней требовалось 500-600 рабочих. При имевшихся же ресурсах работы предполагалось завершить через 100-180 дней. Принимая во внимание климатические условия, то есть промерзший грунт и короткий световой день, этот срок мог возрасти до 7-8 месяцев. Эверт просил Алексеева пополнить трудовые ресурсы фронта хотя бы на 100 000 человек³⁹².

Главный вывод, который сделал Алексей Ермолаевич после ревизий Кондратовича, был сформулирован им в телеграмме командующим армиями от 22 января (4 февраля) 1916 г. №10588: «... я не могу считать обеспеченной свободу маневрирования армий для предстоящих активных действий»³⁹³. Это означало, что возможность концентрации сил фронта на направлении главного удара была существенно ограничена.

Однако Эверт не ограничился лишь констатацией проблемы. Главнокомандующий Западным фронтом распорядился прекратить

³⁹² Там же. Л. 136-137.

³⁹³ Там же. Л. 381.

инженерные работы в тылу, выдвинув тыловые организации в армейские районы, а армейские организации, в свою очередь, были придвинуты для помощи войскам³⁹⁴.

Следует заметить, что вопрос надежности обороны волновал Алексея Ермолаевича еще и в свете того, что русская армия вступала в 1916 г. без разработанного плана действий. Для главнокомандующего Западным фронтом существовало два принципиально разных сценария развития событий. Если бы русская армия предпочла действовать оборонительно, оставив инициативу в руках противника, то имевшихся на фронте сил, с его точки зрения, было недостаточно. Отход же с занимаемой оборонительной линии для Эверта был недопустим, как в стратегическом отношении, так и в политическом. Совершенно иначе дело обстояло при развитии решительных наступательных действий. В этом случае главнокомандующий Западным фронтом предполагал выделить до 8 пехотных дивизий в распоряжение Ставки³⁹⁵. Анализируя деятельность Эверта на посту главнокомандующего Западным фронтом становится очевидным, что именно последний вариант он считал предпочтительным. Немаловажную роль в этих соображениях играла крайне низкая оценка эффективности обороны со стороны Алексея Ермолаевича и его штаба.

Помимо общего контроля за инженерным оборудованием позиций, главнокомандующий Западным фронтом отдавал и вполне конкретные указания. Они касались оборудования командных пунктов для пехотных и артиллерийских начальников, сторожевой службы в окопах, развития телефонной связи, составления подробных планов позиций, очистки позиций от снега³⁹⁶. Формат работы, к сожалению, не позволяет раскрыть все эти аспекты подробно.

³⁹⁴ Там же. Л. 475.

³⁹⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 169-170.

³⁹⁶ Там же. Л. 421, 482.

Эверт не стеснялся учиться у своего противника. После окончания наступления в районе озера Нарочь, в своем приказе №679 главнокомандующий Западным фронтом поделился с войсками подробным описанием основных принципов, на которых строилась немецкая оборона. Они были обобщены после осмотра захваченного участка неприятельской позиции. Позиции противника имели не прямолинейное начертание, а извилистое, дававшее возможность почти все подступы к ним держать под сильным перекрестным и продольным огнем. Подобный прием надлежало взять на вооружение и войскам Западного фронта³⁹⁷.

Особое внимание уделялось обучению войск обороне. В мае 1916 г. Эверт лично проверял, как налажено обучение в 4-й, 10-й и 3-й армиях. Основным средством учебы были учения, которые по распоряжению Алексея Ермолаевича должны были быть двухсторонними, чтобы отрабатывать одновременно и оборонительные и наступательные приемы. Предполагалось, что все части должны были пройти через подобные учения перед началом планировавшегося наступления. Они проводились в специальном городке с фактически вырытыми щелями и ходами сообщения, хотя бы не полного профиля. Главнокомандующий Западным фронтом рекомендовал своим подчиненным сделать акцент в обучении на контратаках, в то числе и с фланга, стремясь не дать противнику привести войска в порядок в захваченных окопах³⁹⁸.

17 февраля (1 марта) 1916 г. в качестве приложения к приказу №624 в войска были разосланы «Указания для употребления минометов и бомбометов в бою». Они были разработаны штабом Западного фронта и утверждены лично Эвертом. Данная инструкция примечательна тем, что в ней появляется концепция заградительного огня. Данный термин еще не используется, но в

³⁹⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 113-113 об.

³⁹⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1392. Л. 79-85, 92-96.

основе лежит тот же принцип: «При обороне, а также в случаях выдвижения орудий ближней борьбы на захваченную при атаке позицию, минометы и бомбометы ведут стрельбу для образования "огневой завесы", препятствующей наступлению пехоты противника»³⁹⁹.

Впоследствии именно заградительный огонь станет важнейшим элементом системы обороны. Анализируя результаты операций русской армии конца весны – лета 1916 г. Эверт вполне справедливо заметил: «Во всех столкновениях, как на Западном, так и Юго-Западном фронтах, несмотря на то, что наши войска, наступая в ударных частях в значительно превосходящих силах, с величайшим мужеством преодолевали ряд сильно укрепленных линий позиций противника, – последний останавливал развитие нашего успеха в большинстве случаев исключительно заградительным огнем артиллерии»⁴⁰⁰. Алексей Ермолаевич неоднократно обращал внимание своих подчиненных на важность этого тактического приема для устойчивости обороны⁴⁰¹.

После окончания Нарочской операции в руках русских остался небольшой участок вражеской позиции. Эверт намеревался удержать его, поэтому 20 марта (2 апреля) отдал приказ вести усиленные инженерные работы. Снабжение необходимыми для этого материалами было взято под его личный контроль⁴⁰². Через две недели Алексей Ермолаевич приказал командующему 2-й армии обратить внимание на недавно занятые V армейским корпусом позиции, которые по информации штаба фронта были недостаточно укреплены⁴⁰³.

Более того, 14(27) апреля появились очевидные признаки подготовки наступления противника с целью вернуть захваченное. Несмотря на это, атака

³⁹⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 62 об.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 430.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 152.

⁴⁰³ Там же. Л. 179.

противника имела сокрушительный успех. 4 полка корпуса были разбиты, понеся большие потери, особенно пленными, и даже не попытались закрепиться на своей старой первой полосе, откатившись сразу на линию дивизионных резервов. Резервы не были подтянуты вовремя, никаких серьезных контратак предпринято не было⁴⁰⁴. Таков был неутешительный результат почти месяца работы по закреплению за собой скудных трофеев мартовского наступления.

Это было тревожным сигналом для командования Западного фронтом. Причем если в апреле речь шла о наспех укрепляемом участке вражеской позиции, то 2(15) мая немцы продемонстрировали, что оборона русских имела системные изъяны. Сравнительно слабыми силами немцам удалось всего за два часа захватить участок окопов 2-й армии. Прорвавшись здесь, противник мог действовать на важнейшем для Западного фронта Полоцком направлении. И хотя контратака двух резервных рот позволила восстановить положение, эти события внушали опасения за устойчивость обороны фронта⁴⁰⁵.

Документы штаба 2-й армии подтверждают, что данное происшествие не было чистой случайностью. Лишь 2(15) октября 1916 г. генерал Смирнов приказал своим подчиненным «определить окончательно» на какой из укрепляемых линий первой полосы предполагается оказать наиболее упорное сопротивление и разработать на каждом участке план его обороны. Кроме того, очевидно, что земляные работы даже в это время были далеки от завершения⁴⁰⁶.

Вероятно, именно события во 2-й армии привели к повторению ревизий со стороны фронтового командования. В начале мая начальник инженеров фронта осмотрел позиции 4-й и 10-й армий и обнаружил целый ряд недостатков, характерных в первую очередь для первой из них. Войска не

⁴⁰⁴ Там же. Л. 251.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 280-281.

⁴⁰⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 68. Л. 212-215.

выполняли приказа главнокомандующего Западным фронтом №679, о котором речь шла ранее, сеть ходов сообщения была развита недостаточно, в некоторых местах отсутствовали тяжелые блиндажи и даже щели, искусственные препятствия располагались слишком близко к окопам и т.п. Если сравнить выводы ревизий с тем положением, которое обрисовал генерал Кондратовича в своих отчетах, то прогресс в развитии позиций очевиден. Однако Эверт все же остался недоволен результатом. Он приказал командировать начальников инженеров армий для осмотра всех производимых работ, причем впредь производить это периодически⁴⁰⁷.

Позиция главнокомандующего Западным фронтом была вполне оправдана, так как многие недостатки обороны вскрывались лишь в ходе проверок начальствующих лиц. Так, например, командир XXIV армейского корпуса, входившего в это время состав 4-й армии, в мае 1916 г. решил проверить, насколько эффективно артиллерия корпуса может действовать в обороне. Генерал Цуриков отмечал, что заградительный огонь артиллерии в обороне достигает наибольшего эффекта при максимально быстром открытии огня по наступающему противнику. На основе опыта оборонительных боев русской и французских армий от получения приказа до первого выстрела должно проходить не более двух минут. Были проведены учения для одной легкой и одной тяжелой батареей корпуса, для которых это время составило 14 и 24 минуты соответственно, причем в последнем случае возникли трудности с целеуказанием и цель так и не была поражена⁴⁰⁸.

Идея заградительного огня вообще с трудом приживалась на фронте. 12(25) ноября 1916 г. Эверт раскритиковал план заградительного огня артиллерии 3-й армии. Он представлял из себя лишь обозначенную на плане сферу поражения артиллерии от позиций армии до предельной дальности огня

⁴⁰⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 285-287.

⁴⁰⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 93. Л. 178-178 об.

батареями. При разработке плана штаб армии абсолютно пренебрег требованиями приказа главнокомандующего Западным фронтом № 908 от 27 сентября (10 октября), а именно не сконцентрировал свое внимание на важнейших подступах к обороняемым позициям, не учел группировки противника и предполагаемых мест его сосредоточения, возможных путей подхода резервов, характера местности, важности флангового и косопрямельного огня. Алексей Ермолаевич приказал вновь разработать план заградительного огня в корпусах и дивизиях и с заключением командующего армией представить его⁴⁰⁹.

Данные майской ревизии создают иллюзию, что в целом укрепления были закончены, войскам оставалось лишь устранить определенные недостатки, чтобы довести их до совершенства. Но более поздние материалы штаба Западного фронта показывают, что реальная ситуация была несколько иной. В приказе № 871 от 24 августа (6 сентября) Эверт совершенно иначе оценил положение дел. Он указал, что произведенный в одной из армий осмотр укреплений обнаружил слабость большинства позиций, полную бессистемность производившихся работ и непростительное отношение к возведенным уже оборонительным сооружениям со стороны различных войсковых частей и учреждений, выразившееся в допущении растаскивания нижними чинами обшивки окопов, порчи выемкой песка их отлогостей и даже выливания нижними чинами во рвы окопов помоев⁴¹⁰.

Следует заметить, что вредительство было распространенным явлением. Еще в начале апреля Эверт в приказе № 706 распорядился принять меры для охраны позиций, возложив ответственность на корпусных командиров в районах их корпусов, а в тыловом районе армии на армейские штабы. Леса на расстоянии трех верст, считая от первой линии окопов каждой полосы, были объявлены неприкосновенными для войск. Вырубка их допускалась только с

⁴⁰⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 212. Л. 77-78.

⁴¹⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. л. 368.

оборонительной целью и не иначе, как с разрешения корпусных инженеров. Лес, расположенный в промежутках между укрепляемыми полосами, разрешалось вырубать только с разрешения корпусных командиров, на основании доклада инспектора артиллерии и корпусного инженера, а во всем остальном тыловом районе армии с разрешения начальника инженеров армии или главного руководителя работ⁴¹¹.

В приказе № 871 содержался целый перечень указаний, которые были направлены на максимальную централизацию управления строительством укрепленных линий. Работы отныне должны были вестись исключительно по утвержденным командующими армиями подробным планам, допуская отступление от них лишь в исключительных случаях и не иначе, как с разрешения штабов армий. Штабам армий и корпусов предписывалось с помощью начальников инженеров армий и корпусных инженеров произвести немедленно осмотр всех войсковых и тыловых позиций и организовать непрерывный фактический надзор за правильностью работ. Была категорически запрещена переделка уже произведенных работ, вызываемая сменой начальников. Она разрешалась только с дозволения командующих армиями. Ответственность за сохранность оборонительных построек была возложена на командиров корпусов.

1(14) октября Эверт вновь потребовал от командующих армиями проверки подчиненных им начальников на предмет наличия обдуманного плана обороны, обратив особое внимание на следующие вопросы: на какой линии своего участка укрепленной полосы они предполагают оказать наиболее упорное сопротивление противнику, в какой последовательности предположено занимать систему укреплений при вынужденном отходе из первых линий, какие усовершенствования укреплений участка ими намечены.

⁴¹¹ Там же. Л. 143-143 об.

Главнокомандующий армиями Западного фронта заметил, что по-прежнему встречаются начальники, которые не только не имеют обдуманной системы обороны, но еще не разобрались в самих укреплениях своего участка⁴¹².

Еще одним слабым местом оставалась противовоздушная оборона. Неприятельская авиация бомбила даже штаб Западного фронта в Минске⁴¹³. В основном под ударом находились железнодорожные линии, но иногда бомбы падали и на медицинские объекты. Главнокомандующий Западным фронтом даже вынужден был приказать все лечебные заведения и головные эвакуационные пункты располагать в укрытых лесных местах, не ближе версты от вокзалов, а также учреждений и частей интендантского, артиллерийского и инженерного ведомств⁴¹⁴.

Почти ежедневные нападения немецких летчиков на железнодорожные станции и мосты вынуждали штаб Западного фронта выделять для защиты коммуникаций значительное количество трехдюймовых орудий, которые к тому же были недостаточно эффективны в борьбе с самолетами. 25 июня (8 июля) 1916 г. Квецинский обратился в Управление полевого инспектора артиллерии с просьбой о скором формировании достаточного количества специальных противосамолетных батарей. Понимая, что на быстрое выполнение этого запроса рассчитывать не приходится, главнокомандующий Западным фронтом ходатайствовал о присылке 40 австрийских орудий с компрессорами из числа трофеев Юго-Западного фронта⁴¹⁵.

Приказ главнокомандующего Западным фронтом № 860 от 25 августа (7 сентября) упорядочил дело организации противовоздушной обороны. Эверт распорядился выставлять батареи при штабах армий, на железнодорожных

⁴¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 76. Л. 187-189.

⁴¹³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 17, л. 7.

⁴¹⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 10. Л. 45; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 93. Л. 301; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 94. Л. 102, 132; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 108. Л. 143; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 115. Л. 111, 153.

⁴¹⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 424-425.

узлах, у мостов и других пунктов, требующих охраны и находящихся вне корпусных районов, распоряжением штабов армий, по непосредственным указаниям инспекторов артиллерии армии. При штабах корпусов и у пунктов, расположенных в районе корпусов – распоряжением их командиров и по непосредственным указаниям инспекторов артиллерии корпусов. Батареи ПВО подчинялись по принадлежности инспекторам артиллерии армий и корпусов.

Особое внимание уделялось наблюдению за неприятельскими самолетами. От каждой батареи ПВО выставлялись наблюдатели, налаживалась связь, в том числе и между батареями, обороняющими один и тот же пункт. О появлении неприятельских эскадрилий и направлении их движения предписывалось сообщать от одного охраняемого пункта к другому по пути их следования. Кроме того, эти сведения передавались авиационным частям армий и корпусов. Инспектору артиллерии фронта было приказано лично или через командируемых им штаб-офицеров поверять организацию ПВО важнейших пунктов⁴¹⁶. В конце декабря 1916 г. приказом главнокомандующего Западным фронтом были организованы специальные маскировочные команды для затруднения работы воздушной разведки противника⁴¹⁷.

Обороне Западного фронта осенью-зимой 1916 г. предстояло пройти проверку на прочность. 13(26) октября противник всего за несколько часов сумел овладеть Голдовичским плацдармом через р. Щару на участке IX армейского корпуса. Не вдаваясь в детали, приведу лишь резолюцию Эверта на материалах расследования обстоятельств данного инцидента: «В общем крайне печальное дело, указывающее, что все наши благие советы исполняются на бумаге, а не на деле...»⁴¹⁸.

Противнику удалось достичь локального успеха и в боях за Скробовские

⁴¹⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 365-365 об.

⁴¹⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 537.

⁴¹⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 68. Л. 268.

позиции. Это стало возможным, в частности, потому, что заградительный огонь был открыт немедленно за началом артиллерийской подготовки. Вместо того, направить огонь против неприятельской артиллерии, бесцельно тратилось огромное количество снарядов на заградительный огонь задолго до наступления неприятельской пехоты. Неприятельская пехота, задолго до своего наступления, ознакомилась с планом заградительного огня и имела полную возможность учесть его при атаке⁴¹⁹.

Одной из причин потери Голдовичского плацдарма был обрыв телефонной связи сразу после начала артиллерийской подготовки⁴²⁰. Новые ревизии в декабре 1916 г. показали, что устройство телефонной сети на позициях, несмотря на целый ряд указаний фронтового командования, не было поставлено на должном уровне. Сеть почти нигде не имела надлежащего плана, провода прокладывались беспорядочно, скрещиваясь без надобности, скучиваясь к определенным пунктам, образуя узлы. Провода прокладывали в открытую (обычно на небольших колышках и ветках), не считаясь с местностью и тем уроном, который могла нанести неприятельская артиллерия. Специальных ходов сообщения для прокладки кабельных линий было очень мало. Обрыв линии в таких условиях был неизбежен, а восстановить такую сеть, особенно ночью, было крайне трудно. Кроме того, провода не имели отличительных знаков, что затрудняло починку. Как ни странно, особенно неудовлетворительно служба связи была поставлена в артиллерии. Командующим армиями было приказано немедленно командировать доверенных лиц для проверки организации связи, доложив результаты в штаб фронта не позже 15(28) января 1917 г.⁴²¹

Было принято и важное организационное решение. Приказом

⁴¹⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 515-515 об.

⁴²⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1392. Л. 217 об.

⁴²¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 557-557 об.

главнокомандующего Западным фронтом № 1007 от 29 декабря 1916 г. (11 января 1917 г.) была создана служба связи. В штабах фронта, армий, корпусов и дивизий назначалось особое лицо, заведующее связью. В обязанности заведующих связью, кроме непосредственного обеспечения связи своего штаба, входило и общее и техническое наблюдение за организацией связи, и руководство в этом отношении во всех частях, не исключая и артиллерийских, в районах, подчиненных соответствующему штабу. Заведующему связью подчинялись части и команды, приданные штабу для связи, а в случае со штабом фронта и армий также старшие механики, полевые телеграфные учреждения и телефонные станции, обслуживающие оперативную связь⁴²².

В приказе № 1021 от 12 января 1917 г. Эверт с сожалением заметил, что его требование – точно установить основную линию обороны и на ней сосредоточить главные усилия по инженерной подготовке привело к неожиданному результату. Во многих частях за основную линию обороны была принята первая линия, причем часто это не оправдывалось характером местности. Это объясняется тем, что первая линия строилась более активно и в инженерном отношении более развита, нежели последующие линии, позже начатые.

Алексей Ермолаевич в очередной раз подчеркнул, что опыт русской армии, ее союзников и противников показывает, что атака первой линии позиций почти всегда удается. Удержание первой линии, хорошо видимой и изученной противником, является делом очень трудным. Совсем иначе обстояло дело с борьбой за последующие линии укрепленной полосы, овладеть которыми было гораздо труднее, нежели первой, как в силу самой системы укреплений и более трудного достижения желательных результатов артиллерийского огня, так, главным образом, и потому, что прорвавшийся за

⁴²² Там же. Л. 558.

первую линию окопов тотчас создает себе два угрожаемых открытых фланга. Поэтому Эверт считал, что принятие первой линии окопов за основную может быть допущено лишь в частных случаях, но и в этих условиях надо стремиться прикрыть ее вынесенной вперед линией укреплений, хотя бы и более легких, для передовых частей⁴²³.

В войсках явно не хватало опытных специалистов, способных грамотно организовать работу над укреплениями. Для решения данной проблемы Эверт в своем приказе № 1331 от 14(27) февраля 1917 г. распорядился открыть в г. Минске «Временную школу подготовки производителей работ по укреплению позиций». Ученики набирались из обер-офицеров разных родов войск, имевших законченное высшее техническое образование и бывших студентов выпускных курсов высших технических учебных заведений. Предполагалось начать обучение с 30 младших производителей работ и их помощников, начиная с наименее опытных, особенно нуждающихся в теоретической подготовке. В состав следующих очередей предполагалось включить не только должностных лиц военно-инженерных управлений, но и младших обер-офицеров из частей, управлений и учреждений фронта, подходивших по образовательному цензу.

Начальником школы был назначен главный руководитель работ в тылу армий Западного фронта 2-го района генерал-майор Фельдт, подчинявшийся напрямую начальнику инженеров фронта. Продолжительность обучения в школе ограничивалась 8 неделями, по окончании коего выпускаемые офицеры должны были держать теоретический и практический экзамен. Результаты этих испытаний представлялись начальнику штаба фронта для доклада лично Алексею Ермолаевичу⁴²⁴.

Таким образом, Эверт с момента вступления в должность

⁴²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 76. Л. 254-254 об.

⁴²⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 12. Л. 123-124.

главнокомандующего армиями Западного фронта вынужден был думать о повышении устойчивости обороны фронта. Здравомысленно оценивая боевые возможности противника, Алексей Ермолаевич сумел вовремя вывести свои армии из-под его удара. Оказавшись в новых условиях позиционной войны, главнокомандующий строил систему обороны фронта в полном соответствии с опытом войны. Ее основой стали основательное инженерное оборудование позиций, контратаки значительных частных и общих резервов и заградительный огонь артиллерии.

С самого начала на Западном фронте строились не оборонительные линии, а укрепленные полосы. Уже в январе 1916 г. войска получили указания основную тяжесть обороны перенести на 2-ю или 3-ю линию укрепленной полосы. Несмотря на то внимание, которое уделял Эверт вопросу инженерного оборудования позиций, довести их до должной степени готовности не удалось даже за полтора года позиционной борьбы. Постоянные ревизии, инсценируемые начальниками разных уровней, в первую очередь фронтовым командованием, вскрывали многочисленные недостатки. Подобное положение сложилось по разного рода причинам. Порой не хватало ресурсов, в первую очередь рабочих рук, но главным образом недостатки крылись в сфере управления войсками. Это прекрасно иллюстрирует ситуация с организацией заградительного огня артиллерии. Будучи важнейшим элементом системы обороны, он был неизменно плохо налажен и регулярно давал сбои в ходе атак противника. По собственной нераспорядительности или неумению войсковые начальники часто не справлялись с теми задачами, которые ставило перед ними фронтовое командование. Эверт даже вынужден был «посадить за парту» младших военных инженеров фронта спустя 2,5 года после начала войны. В конечном итоге, Алексей Ермолаевич не мог не сомневаться в способности

обороны фронта выдержать решительный удар противника⁴²⁵.

§ 3. Организация защиты войск фронта от боевых отравляющих веществ и их применения в наступательных целях

Главнокомандующему армиями Западного фронта приходилось решать множество частных проблем: обеспечения войск интендантским имуществом, функционирования транспорта, борьбы с уклонением от службы и т.п. Формат диссертационного исследования не позволяет проанализировать их в совокупности. В связи с этим, целесообразно остановиться на одной из таких тем.

В годы Первой мировой войны впервые начали массово применяться боевые отравляющие вещества. Это стало серьезным вызовом для командования русской армии. Обширный пласт документов штаба Западного фронта позволяет проследить, насколько Эверт и его подчиненные смогли на него ответить.

Одной из главных забот штаба фронта было обеспечение войск средствами индивидуальной химической защиты. Первые отчеты об их наличии в войсках появляются в документации в конце марта 1916 г. В данном случае речь не идет о том, что до этого момента войска не снабжались ими вовсе. Вопрос стоит иначе: когда командование Западного фронта приняло решение взять под контроль снабжение противогазовыми средствами? По всей видимости, именно в этот временной промежуток главнокомандующий армиями фронта А. Е. Эверт и его подчиненные стали уделять данной сфере должное внимание. В пользу приведенной версии говорит тот факт, что в

⁴²⁵ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Сергушкин С.С.* Состояние оборонительных позиций русской армии на начальном этапе позиционного периода Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 3. С. 48-54.

последующие месяцы объем документации, посвященной этому вопросу, значительно вырос.

Кроме того, анализ документов подталкивает к тому же выводу. В телеграмме №12397 от 26 марта (8 апреля) 1916 г. начальник штаба 2-й армии генерал-лейтенант М. А. Соковнин доносил, что по результатам проведенной проверки только в IV Сибирском, I, XV, XXXIV армейских и VII кавалерийском корпусах все чины снабжены «противогазовыми и индивидуальными пакетами». Речь идет о так называемых масках Минского образца и образца №4, последняя была утверждена верховным начальником санитарной и эвакуационной части принцем А. П. Ольденбургским. В ходе войны они продемонстрировали недостаточную эффективность⁴²⁶. Так как маски не были универсальны, к ним прилагались вкладыши для защиты от различных газов, которые, вероятно, Соковнин и называет «противогазовым пакетом». В трех корпусах армии не хватало в среднем 7900 противогазовых и 8800 индивидуальных пакетов, еще в трех не хватало лишь индивидуальных, в среднем 5200 на корпус, а в одном только 2155 противогазовых. Начальник штаба 2-й армии доложил, что по мнению корпусных врачей нехватка средств химической защиты была обусловлена потерей их бойцами во время боя и прибытием пополнений⁴²⁷. Подобное объяснение выглядит сомнительным, так как тот же I армейский корпус принимал активное участие в Нарочской операции, но был полностью укомплектован индивидуальными средствами химической защиты. Сам факт обращения к корпусным врачам, а также неравномерность распределения материальных средств свидетельствует об отсутствии контроля за этой сферой со стороны армейского командования.

Однако отдельные шаги для обеспечения личного состава фронта

⁴²⁶ Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаза... С. 25, 29–30; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 66. Л. 157; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 325 об. – 326.

⁴²⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 66. Л. 157–158.

эффективными средствами индивидуальной химической защиты предпринимались начальствующими лицами Западного фронта и ранее. Так начальник санитарной части армий фронта в начале февраля 1916 г. командировал группу во главе с состоявшим при нем для поручений врачом Г. Н. Покровским в Петроград для участия в работе комиссии при Горном институте. В группе также состояли: корпусной врач III армейского корпуса Петров, дивизионный врач 3-й стрелковой дивизии Колосов, главный врач тылового эвакуационного пункта №28 Богодаров, находящийся в распоряжении Западного фронта прапорщик Писарев и старший врач санитарно-гигиенического отряда VI Сибирского армейского корпуса Беднарж. Изначально предполагалось, что эта пестрая группа примет участие в разработке противогаза, но по настоянию управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части (УВНСЧ), фронтовая делегация приняла участие в работе комиссии, которая тестировала уже существующие модели⁴²⁸.

В конечном итоге, борьба развернулась между противогазом Горного института и аппаратом Зелинского-Кумманта, в которой последний одержал уверенную победу. Он был стойким к большому количеству газов, имел более высокую поглотительную способность. Кроме того, противогаз не изменял обычного физиологического типа дыхания, оставлял возможность говорить, кашлять и глотать слюну. Простой по конструкции аппарат не требовал длительного обучения использованию, легко и быстро одевался, был удобен при носке и транспортировке, а также более защищен от внешних воздействий в чехле. В качестве недостатка комиссия в своем заключении выделяла лишь излишнее давление, которое оказывала маска Кумманта на шею, затрудняя дыхание и кровообращение, но он был устраним⁴²⁹.

Несмотря на вполне очевидные результаты испытаний, фронтовая

⁴²⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 189–192.

⁴²⁹ Там же. Л. 192–218 об.

делегация не могла повлиять на подковерную борьбу, развернувшуюся вокруг закупок противогазов⁴³⁰. Покровский располагал сведениями, что военно-промышленный комитет заказал 500 000 аппаратов Зелинского-Кумманта, а УВНСЧ еще 400 000. Отдельно управление решило закупить 300 000 одних лишь масок Кумманта, обсуждалась возможность заказа еще 3 000 000. В то же время ведомство принца Ольденбургского несмотря ни на что явно симпатизировало проекту Горного института, заказав две партии приборов по 3 000 000 каждая⁴³¹.

Прапорщик Писарев 25 марта (7 апреля) подал рапорт начальнику штаба Западного фронта с описанием деятельности комиссии. С этим документом ознакомился и Эверт, отдавший распоряжение повторно запросить УВНСЧ и Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) о том, признается ли респиратор Зелинского-Кумманта наилучшим по поглотительной способности и универсальности. В случае утвердительного ответа главнокомандующего интересовали сроки поставки в армию новых противогазов⁴³².

УВНСЧ продолжало вести свою игру и не высказалось определенно о преимуществе противогаза Зелинского-Кумманта перед аппаратом Горного института, якобы ввиду вносимых в последний по распоряжению принца Ольденбургского изменений. Было указано, что такие усовершенствованные противогазы уже заготавливаются в определенном количестве, но четко время высылки их на фронт обозначено не было. Что касается судьбы аппарата Зелинского-Кумманта, то вопрос о его производстве был явно пущен на самотек. УВНСЧ заявило, что заказ на него дан центральному военно-промышленному комитету (ЦВПК) и его московскому отделению, от которых пока не поступало извещений о сроках сдачи.

⁴³⁰ Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаза... С. 46–47.

⁴³¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 187.

⁴³² Там же. Л. 326.

ГУГШ безусловно признало противогаз Зелинского-Кумманта наилучшим из существующих. В марте управление сделало заказ на 3 000 000 аппаратов ЦВПК и 800 000 Земскому союзу с требованием дать к 15(28) апреля 200 000, к 1(14) мая 1 000 000 и 1(14) июня 2 000 000, зная с самого начала, что заказ будет выполнен с «некоторым опозданием». Кроме того, ГУГШ дало более точные данные о производстве респираторов образца Горного института: в начале апреля имелось всего лишь 50 000 готовых аппаратов. Это означало, что количество произведенных образцов не могло служить аргументом в пользу противогаза (из соображений унификации), так как в масштабах армии этот объем был ничтожным. При этом отмечалось, что, несмотря на внесенные улучшения, противогаз сохранял некоторые существенные недостатки: трудность дыхания, меньшую устойчивость к тряске и т.п.⁴³³ Писарев утверждал, что усовершенствованный противогаз Горного института (тип 5а) представлял собой прямое подражание своему конкуренту со многими техническими недостатками, происходившими из желания сохранить заказанные заранее жестяные коробки для поглотителя. Эта новая модель еще не была испытана, поэтому ее производство было безрассудным⁴³⁴.

ГУГШ, следуя указаниям из Ставки, планировало снабжать армию из расчета 80 противогазов Зелинского-Кумманта (1 ящик) на роту, батарею и специальную команду боевой линии и по столько же на командный состав каждого полка, а затем по мере изготовления ими должны были быть снабжены все. Впрочем, по состоянию на 21 апреля (4 мая) 1916 г. на Западный фронт не поступило ни аппаратов Зелинского-Кумманта, ни респираторов Горного института⁴³⁵.

Наглядно ситуацию со снабжением средствами индивидуальной

⁴³³ Там же. Л. 326–326 об., 344 об.

⁴³⁴ Там же. Л. 344–344 об.

⁴³⁵ Там же. Л. 326 об. – 327.

химической защиты демонстрируют материалы 2-й армии, о которой речь уже шла ранее. Спустя месяц после упомянутой ревизии происходила замена масок Минского образца, которые в результате опытов продемонстрировали свою полную непригодность, более совершенным образцом №4, для чего не хватало 15 132 комплектов. Кроме того, вообще не имели масок почти 40 000 человек, также не хватало 12 472 защитных очков. Вкладышей против фосгена корпуса имели всего по 8 000⁴³⁶. Таким образом, к концу апреля 1916 г. войска не только не были обеспечены эффективными противогазами, но отчасти были полностью беззащитны перед боевыми отравляющими веществами.

В виду крайнего запоздания с заготовкой противогазов был предложен паллиативный вариант усовершенствования масок путем добавления дополнительных 15 слоев марли с пропиткой уротропином и солями никеля. Но мера эта не могла исправить положения, так как аналогичные французский образцы плохо зарекомендовали себя еще в октябре 1915 г. Кроме того, Военное министерство заказало 1 000 000 британских шлемов «Р»⁴³⁷. Он имел весьма существенные недостатки, в частности абсолютно не защищал от фосгена, поэтому не мог рассматриваться как универсальное защитное средство. В августе 1916 г. среди всех защитных средств Западного фронта насчитывалось около 8% таких шлемов⁴³⁸. Петроградской комиссией тестировалась и немецкая противогазовая маска, которая абсолютно не защищала от некоторых газов, в том числе хлорпикрина⁴³⁹. Оставалось рассчитывать на скорое развертывание производства противогазов Зелинского-Кумманта, которое сталкивалось с различными трудностями. В частности, УВНСЧ прибегло к открытому саботажу⁴⁴⁰.

⁴³⁶ Там же. Л. 340–342, 262 об.

⁴³⁷ Там же. Л. 344 об.

⁴³⁸ Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаза.... С. 32-33, 67.

⁴³⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 201, 206 об.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 346.

Вскоре дело снабжения армии противогазами Зелинского-Кумманта было передано Химическому комитету Главного артиллерийского управления (ГАУ). По состоянию на 30 апреля было готово только 40 000 аппаратов, что резко расходилось с заявленной ГУГШ цифрой в 1 000 000 штук. Удалось достигнуть производительности в 5 000 противогазов в день, но этого было явно недостаточно⁴⁴¹.

Сложившаяся ситуация беспокоила Эверта, поэтому он лично обратился к Военному министру и начальнику штаба верховного главнокомандующего. В своей телеграмме №13388 от 24 апреля (7 мая) 1916 г. генерал отмечал, что войска фронта снабжены масками, эффективными только против хлора. Вкладыши для масок против фосгена только ожидалось, причем в недостаточном количестве (всего 300 000). Алексей Ермолаевич полагал, что маски нельзя считать удовлетворительным средством защиты, так как они не были универсальными. Главнокомандующий армиями Западного фронта выступал за самое скорое снабжение войск противогазами, которые бы обладали этим свойством. Ссылаясь на заключение комиссии, в работе которой принимали участие представители фронта, и ГУГШ Эверт целенаправленно добивался получения фронтом именно противогазов Зелинского-Кумманта. Генерал даже сделал оговорку о том, что желательно не смешивать противогазы разных типов, намекая на отсутствие необходимости в присылке респираторов Горного института⁴⁴².

К середине мая в целом удалось обеспечить фронт противогазовыми масками, однако вкладышей для них по-прежнему не хватало. Так, во 2-й армии не доставало 255 775 вкладышей против фосгена⁴⁴³. Противогазы также начали поступать в войска, но далеко не теми темпами, которые были

⁴⁴¹ Там же. Л. 482.

⁴⁴² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 264–266.

⁴⁴³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 589; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 43.

запланированы весной. По состоянию на 23 августа (5 сентября) 1916 г. в армиях Западного фронта насчитывалось 409 182 противогаза Зелинского-Кумманта (около 19% всех индивидуальных защитных средств) и 216 776 аппаратов Горного института (11%)⁴⁴⁴.

Недостаточность поставок противогазов в войска ухудшалась небрежным отношением нижних чинов к ним. Так, множество противогазов Зелинского-Кумманта поступало в брак после использования в качестве фильтра для очищения денатурированного спирта. Испорченный таким образом противогаз не имел внешних признаков повреждения, будучи совершенно непригоден для защиты от газов⁴⁴⁵. Недостача и порча противогазов во время даже небольших переходов с позиции в резерв и обратно достигала иногда несколько сот комплектов⁴⁴⁶. Главнокомандующий фронтом был вынужден прибегнуть к строгим мерам для того, чтобы искоренить это явление. Виновные в умышленной порче или оставлении без уважительной причины противогазов, причем как выданных им лично или другим нижним чинам, так и найденных на полях сражений, подвергались отдаче в исправительные арестантские отделения на срок от 4 до 6 лет⁴⁴⁷.

Вообще, внедрение противогаза в войсках встречалось со многими трудностями. Причем критике подвергся не только аппарат Горного института, крайне неудачный по своей конструкции⁴⁴⁸, но и прибор Зелинского-Кумманта. В частности, ученик Зелинского – профессор Н. А. Шилов, внесший огромный вклад в организацию химической защиты на Западном фронте, указывал на недостатки противогаза. Он отмечал, что полученных весной 1916 г. 25 тестовых экземпляров противогаза оказалось слишком мало, чтобы провести

⁴⁴⁴ Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаза... С. 67.

⁴⁴⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 212. Л. 169.

⁴⁴⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 6. Л. 911.

⁴⁴⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 10. Л. 548 об.

⁴⁴⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 413–414.

широкие испытания на фронте, поэтому некоторые проблемы вскрылись только в условиях боевой обстановки.

Шилов считал, что основными недостатками противогаза Зелинского-Кумманта являлись: затруднение дыхания вследствие угольной пыли, возникавшей при активном движении, сильное запотевание стекол, сложность надевания маски, передачи распоряжения по телефону и командования, сильное давление резинового шлема на голову, которое затрудняло длительное нахождение в противогазе. Несмотря на это, Шилов считал данный противогаз лучшим из имевшихся⁴⁴⁹. К похожим выводам пришел и профессор Д. М. Лавров, испытавший противогаз в полевых условиях на 120 офицерах и врачах: маска Кумманта была слабым местом противогаза, но все равно он подходил для командного состава лучше, чем аппарат Горного института⁴⁵⁰. Того же мнения придерживалось и командование Западного фронта.

12(25) октября 1916 г. приказом главнокомандующего фронтом был утвержден порядок распределения различных типов средств индивидуальной химической защиты. Противогазом Зелинского-Кумманта снабжались в первую очередь части, несущие службу на самых опасных направлениях с точки зрения возможности химического нападения, а также батареи, расположенные не дальше 1000 шагов от неприятельских окопов. Английскими шлемами и влажными противогазовыми масками образца №4А (35-слойные, без добавочных вкладышей) снабжалась остальная артиллерия. Причем предписывалось сразу же подгонять маски по размеру головы, чтобы избежать проволочек во время атаки. Предполагалось постепенно заменить их противогазом Зелинского-Кумманта, оставив и влажные маски, так как было не очевидно, смогут ли артиллерийские расчеты в них работать. Влажными масками образца №4 (с отдельными вкладышами против различных газов)

⁴⁴⁹ Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаза... С. 79, 82.

⁴⁵⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 60–60 об.

снабжались только тыловые части. По мере накопления запасов противогазов при пехотных и артиллерийских частях предполагалось создать 10% запас, а в каждой армии 15% и, наконец, фронтовой 25%⁴⁵¹.

К декабрю на фронт ежемесячно поступало в среднем до 300 000 противогазов Зелинского-Кумманта. Но запрос на противогазы от армий по-прежнему оставался высоким. Эверт объяснял это явление небрежным отношением войск к противогазам и неправильным распределением в частях различных типов индивидуальных средств химической защиты⁴⁵². То есть речь по-прежнему шла о выборочном, а не о сплошном снабжении войск этим типом противогаза. Но в целом можно констатировать, что к концу 1916 г. было налажено снабжение войск фронта эффективным универсальным противогазом Зелинского-Кумманта.

Следует понимать, что обеспечение защиты личного состава от химического нападения противника не сводится к задаче снабжения войск индивидуальными средствами защиты. Для этого необходим целый комплекс различных мероприятий.

Для организации системы противохимической обороны Западный фронт в первую очередь нуждался в квалифицированных кадрах. Генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта П. П. Лебедев 4(17) ноября 1915 г. инициировал поиск специалиста, который смог бы возглавить работу по химической части⁴⁵³. Таким специалистом стал выдающийся русский ученый-химик Н. А. Шилов, назначенный 14(27) декабря 1915 г. заведующим по технической части газового дела при генерал-квартирмейстере штаба Западного фронта.

Одной из первых его инициатив стало введение постоянного

⁴⁵¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 10. Л. 483–483 об.

⁴⁵² Там же. Л. 770.

⁴⁵³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 415.

метеорологического наблюдения. 8(21) января 1916 г. он обратился с рапортом к Лебедеву с просьбой разрешить устроить в непосредственной близости к штабу фронта метеорологическую станцию, которая должна была находиться в постоянном контакте с Главной Физической Обсерваторией в Петрограде. Причем оборудование предоставлялось лично им и Главным по снабжению армии комитетом Всероссийских земского и городского союзов (Земгор). Шилов просил лишь выделить небольшое теплое помещение за городской чертой Минска и обустроить метеорологическую будку с шестом для оборудования.

Кроме того, профессор предлагал развернуть сеть метеорологических наблюдательных пунктов, снабженных самыми необходимыми и простыми приборами, с которыми справлялись бы даже обученные грамоте нижние чины, в крайнем случае – под наблюдением офицера. Такие пункты предполагалось развернуть вблизи передовой, примерно на уровне штабов дивизий, в количестве примерно 12-15 на весь Западный фронт. Оборудование для наблюдательных пунктов также предоставлялось автором прошения и Земгором, однако не хватало точных барометров и термометров. Шилов предложил испросить их у ректора Московского императорского университета и вице-президента Императорского географического общества. Профессор к моменту написания рапорта успел заручиться согласием двух специалистов-метеорологов на работу на благо фронта (приват-доценты Московского императорского университета В. Ф. Бончковский и В. И. Пришлецов). Для обслуживания наблюдательных пунктов могли быть привлечены инструкторы Земгора, находившиеся в распоряжении Шилова, командированные в тот момент в Двинск в распоряжение начальника химической команды капитана Костевича для ознакомления с техникой подготовки газовых атак. Эверт

одобрил данный проект⁴⁵⁴.

Совместными усилиями фронта и Шилова удалось собрать недостающую аппаратуру: Московский университет предоставил гигрограф и термограф, отпустив, правда, лишь одного своего сотрудника – Пришлецова. Земгор внес самый значительный вклад в виде множества различных приборов, также откликнулся профессор Московского сельскохозяйственного института В. А. Михельсен, который помимо оборудования отправил специальную литературу по теме, в частности собственного сочинения⁴⁵⁵.

Постепенно планы по развитию метеорологических наблюдений в районе фронта становились все более и более масштабными. На заседании Химической секции Земгора 4(17) апреля речь шла уже о 40 наблюдательных пунктах. Была продумана и организационная составляющая. При каждой дивизии устраивались наблюдательные метеорологические пункты «Земгорметы», подчиненные заведующему Военно-метеорологическим отделением (Военмет) соответствующей армии. Земгорметы измеряли давление воздуха, температуру, силу и направление ветра, описывали состояние неба, вид, скорость и направление движение облаков 4 раза в день. Эти данные отправлялись в Военно-метеорологическое отделение, которое составляло прогноз погоды и указания об опасности газовой атаки со стороны противника. Уже готовая сводка затем передавалась в штабы дивизий⁴⁵⁶.

Главное военно-метеорологическое управление (Главмет) не препятствовало активности общественных организаций. Управление занималось обустройством Военно-метеорологических отделений при штабах армий, а также разработало и разослано 5(18) апреля «Общее метеорологическое руководство для предвидения газовых атак со стороны

⁴⁵⁴ Там же. Л. 597.

⁴⁵⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 40. Л. 77–79 об.

⁴⁵⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 400–402.

противника» в войска⁴⁵⁷. Что же касается проекта Земгора, то оно не возражало против развертывания сети наблюдательных метеорологических пунктов. По инициативе Земгора управление командировало своего инспектора Небольсина для выработки плана совместной работы на фронте. Разработанный план, по сути, полностью повторял программу, выработанную Земгором. Был лишь немного изменен порядок циркуляции бумаг, а также уточнены некоторые технические нюансы⁴⁵⁸.

В то же время, некоторые военные выступили решительно против подобной инициативы. Исполняющий должность начальника штаба 10-й армии И. И. Попов 16(29) мая 1916 г. отправил генерал-квартирмейстеру фронта Лебедеву телеграмму, в которой выражал обеспокоенность деятельностью Земгора. Он указывал на «замеченную неблагонадежность некоторых служащих этих организаций», не желая давать им возможность входить в непосредственное соприкосновение с войсками. Вести же наблюдение за обслуживающим персоналом метеорологических пунктов, разбросанных по всему фронту, было бы крайне трудно. Начальник штаба 10-й армии боялся распространения «нежелательных идей» среди войск. Попов предлагал действовать своими силами, а именно привлечь необходимый персонал и обеспечить оборудованием Военно-метеорологические отделения при штабах армий, чтобы последние имели возможность выделить свои наблюдательные пункты в корпуса. При этом генерал подчеркнул, что надобности в увеличении числа метеорологических станций совершенно не ощущается⁴⁵⁹.

Заведующий Военно-метеорологическим отделением при штабе 10-й армии надворный советник Захаров подтвердил его слова. Особенный акцент делался на том, что Земгорметры не могли составлять никаких прогнозов, так

⁴⁵⁷ Там же. Л. 235–235 об., 593.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 596–596 об.

⁴⁵⁹ Там же. Л. 180–181.

как не обладали нужными приборами и не могли пользоваться той информацией, которая была в распоряжении отделения. Следует заметить, что Земгорметы на эту роль и не претендовали, и задумывались как вспомогательный инструмент для работы Военно-метеорологических отделений, располагавшихся в десятках километров от линии фронта⁴⁶⁰.

По непонятной причине изменил свою позицию и инспектор Небольсин. По-видимому, после разговора с генерал-квартирмейстером 4-й армии, он разослал Военметам 2-й, 3-й и 10-й армий письмо, в котором просил размещать Земгорметы только с разрешения генерал-квартирмейстеров армий. Единственной обязательной функцией Земгорметов оставалось наблюдение за ветром. При наличии подходящего для газовой атаки противника ветра, им предписывалось сообщать в штабы дивизий. По желанию Военметы могли получать наблюдения Земгорметов⁴⁶¹.

Мне не удалось найти документа, окончательно разрешавшего эту конфликтную ситуацию. Вероятно, вопрос был отдан на откуп армейскому начальству. С уверенностью можно утверждать, что неопределенность в этом вопросе сохранялась долго. Так 24 июня (7 июля) 1916 г. Попов просил прямых указаний у Лебедева, как надлежит поступить с членами Земгора, уже прибывшими в штаб армии. В случае принятия его точки зрения, генерал интересовался, куда надлежит их откомандировать⁴⁶².

Еще одна сфера, в которую были активно вовлечены общественные организации – это обучение войск использованию средств индивидуальной защиты. Шилов организовал и снарядил в начале февраля 1916 г. подвижной отряд для наглядной демонстрации войскам средств химической защиты. Отряд состоял из 6 инструкторов-химиков Земгора и 5 нижних чинов 6-й Химической

⁴⁶⁰ Там же. Л. 321–322.

⁴⁶¹ Там же. Л. 323.

⁴⁶² Там же. Л. 347.

команды при унтер-офицере. 16(29) февраля он отправился из Минска и в тот же день прибыл в расположение Гренадерского корпуса.

После ряда проб и ошибок отрядом была выработана следующая техника обучения. Две специальные палатки-камеры, рассчитанные на одновременное окуливание до 50 человек, разбивались в расположении полковых резервов. Кроме того, в Гренадерском корпусе отряду удалось раздобыть переносной фанерный домик, вполне пригодный для целей обучения. Это нехитрое имущество позволило обучить за 7 рабочих дней 35 000 человек.

Полк подводился к месту окуливания по ротам, причем следовали они друг за другом с промежутком в 30 мин. Нижние чины приводились без винтовок и дополнительного снаряжения. Особое внимание уделялось обучению разведчиков и пулеметчиков. В окуливании также участвовали артиллерийские части.

После краткого объяснения цели опытов, перед фронтом роты выпускалось небольшое количество газа из баллона, вызывались желающие испытать его действие на себе. Первое знакомство с газом давало нижним чинам представление о его свойствах: тяжести, скорости движения, цвете и запахе. Затем по команде нижние чины одевали противогазовые маски, а сотрудники отряда при содействии полковых врачей их проверяли.

Опыт Гренадерского корпуса показал, что надевание масок совершается довольно быстро и в общем правильно, хотя завязки для них не подгонялись по размеру заранее. Некоторые затруднения встречались лишь при надевании защитных очков. Причем в большинстве полков комплект очков не соответствовал количеству масок, не хватало 20-30% очков, иногда даже больше.

Среди противогазов преобладали маски так называемого «Смоленского образца», которые по материалам опытов обеспечивали вполне удовлетворительную защиту против хлора при условии правильного использования. Однако в большинстве полков около 20–30% масок были

представлены «Минским образцом», который продемонстрировал свою полную неэффективность. У офицеров часто встречались маски, приобретенные в частных магазинах, обычно по весьма высокой цене. Несмотря на доверие, которым пользовались подобного рода аппараты на фронте, Шилову не удалось найти ни одного эффективного образца.

Далее, когда маски были надеты и проверены, нижних чинов партиями вводили в палатку-камеру, наполненную хлором в концентрации примерно 0,5%. Внутри камеры находился инструктор химик, другой стоял у закрытой двери. После 2–3 минут нижних чинов выпускали, но перед этим с каждого сдвигали маску, чтобы дать понять, насколько маска облегчает дыхание в камере⁴⁶³.

В последующем была введена была одна существенная новация – в случае потери маски или очков, а также их негодности сотрудниками отряда выдавались новые из запаса, пожертвованного общественным управлением г. Москвы (в том числе заменялись маски Минского образца)⁴⁶⁴.

Об эффективности этого обучения говорят восторженные отзывы командования Гренадерском корпусе⁴⁶⁵. По приказанию Лебедева от 7(20) марта с рапорта Шилова было сделано 100 копий, что говорит о живом интересе, который он вызвал в штабе Западного фронта⁴⁶⁶. Впоследствии количество экземпляров было увеличено с тем, чтобы штабы каждой из армий фронта получили по 2 штуки, а также штабы корпусов и дивизий, пехотные и кавалерийские полки, артиллерийские бригады, отдельные артиллерийские дивизионы и саперные батальоны по 1⁴⁶⁷.

Достигнутый успех давал надежду на возможность дальнейшего

⁴⁶³ Там же. Л. 81–85, 272 об.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 155, 272, 284.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 86–88.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 90.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 107–107 об.

развития этого важного дела. Кроме отряда Шилова, действовал еще один, под руководством заведующего Противогазовым отделом Российского общества красного креста при армиях Западного фронта профессора Лаврова, но этого было недостаточно. Шилов ходатайствовал об увеличении количества отрядов, которые были задействованы в обучении войск⁴⁶⁸.

Лавров начал свою деятельность чуть раньше Шилова – 27 января (9 февраля) 1916 г. в 10-й армии. Работа его отряда была организована иначе, чем у Шилова. Из присланного Лавровым в штаб Западного фронта рапорта видно, что отряд побывал в 39 полках, не посетив «совершенно случайно, по независимым от него обстоятельствам», только один из полков армии. Но, очевидно, далеко не весь личный состав полков прошел обучение. Лавров перечисляет 24 места, где проводились «опыты». Количество обкуриваемых за каждый опыт достигало в большинстве случаев 600–700 человек, то есть примерно 16 800 человек (в 2 раза меньше, чем в одном Гренадерском корпусе). Присутствовало 20–25 человек от каждой роты обкуриваемого полка, а также представители артиллерийских частей, парков и т.д.⁴⁶⁹

Подобный метод, безусловно, не мог быть настолько же эффективен, как сплошное обучение, которое использовал Шилов. Лавров прекрасно понимал это, поэтому 11(24) апреля он подал рапорт, в котором предлагал в каждой армии создать подобный отряд для обучения нижних чинов делу противохимической обороны⁴⁷⁰.

И Лавров, и Шилов отметили одно нежелательное явление, крайне распространенное в войсках. Командиры и начальники различного уровня создавали в частях запасы химических веществ, которые, по их мнению, могли помочь в защите от газов. Среди этих веществ большинство было просто

⁴⁶⁸ Там же. Л. 84 об.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 31–31 об.

⁴⁷⁰ Там же. Л. 260–262 об.

бесполезным, но встречались даже вредные для дела. Так, например, массовое применение аммиака приводило к тому, что при реакции с хлором образовывалось соединение с чрезвычайно едким запахом, сильно раздражающее слизистые оболочки⁴⁷¹.

Эверт одобрил инициативу Шилова по увеличению количества отрядов, задействованных в обучении нижних чинов. К началу мая на средства Всероссийского земского союза были сформированы еще 4 отряда в составе 8 инструкторов. Впоследствии их количество возросло до 7. Из переписки Шилова с руководством Западного фронта становится очевидно, что последнее не принимало практически никакого участия в этом процессе, лишь выдавая инструкторам соответствующие удостоверения для нахождения в районе фронта. Шилов не только руководил созданием отрядов, но и сам распределял их на основе личных договоренностей со штабами армий⁴⁷². Правда 8(21) июня 1916 г. Лебедев все же отправил Шилову письмо, в котором «предложил» последнему подходящие районы для деятельности его отрядов, тем самым немного ограничив его автономию⁴⁷³.

Лаврову также приходилось лично координировать перемещения своего отряда. В конце мая он попросил штаб фронта извещать армии о его намерениях, чтобы ускорить сношения с командирами различных частей⁴⁷⁴. Несмотря на признанную пользу от деятельности обучающих отрядов, не было налажено их снабжение хлором. Так, Лаврову приходилось обращаться даже за самым незначительным количеством газа лично к Лебедеву. Например, 25 мая (7 июня) он просил о предоставлении 80 баллонов⁴⁷⁵.

Несмотря на усилия Шилова, Лаврова и их подчиненных к началу

⁴⁷¹ Там же. Л. 262 об–263, 273–273 об.

⁴⁷² Там же. Л. 547–547 об.

⁴⁷³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 134.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 49.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 48.

сентября 1916 г. оставались целые корпуса, в которых обучение вообще не проводилось⁴⁷⁶. Кроме того, их работа отчасти сводилась на нет тем фактом, что они обучали войска в основном пользованию влажными масками, который постепенно заменялись противогазами. Необходимость же обучения обращению с новыми приборами была очевидна, особенно для командного состава и артиллерии. Трудности передвижения, длительной работы в надетом аппарате и передачи указаний по телефону при некоторой тренировке переставали быть непреодолимыми⁴⁷⁷.

Следует отметить, что никакой иной системы обучения войск химической защите фронтовое командование не создавало⁴⁷⁸. Очевидно, что даже под руководством таких талантливых организаторов как Шилов и Лавров добиться полного успеха при такой постановке дела было невозможно.

Еще одним направлением деятельности по организации системы химической обороны было издание различных наставлений. 1(14) октября 1915 г. Ставка передала в штаб фронта перевод германских приказов о мерах, принимаемых в случае атаки газами, предоставленных французами. Несмотря на то, что в приказах перемешивались как вполне разумные, так и абсолютно нелепые указания, главнокомандующий Западного фронта велел передать их в войска. В частности, один из пунктов рекомендовал отгонять облака газа с помощью вееров из палаточных полотнищ⁴⁷⁹. Вполне очевидно, что этот документ не мог удовлетворить нужду фронта в квалифицированном наставлении.

Такое было составлено и отправлено в штаб Западного фронта Лавровым и Шиловым 14(27) марта 1916 г. под названием «Памятка о том, как предохранить себя от вредного действия удушливых газов неприятеля». Эта

⁴⁷⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 116. Л. 160.

⁴⁷⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 212. Л. 212 об.

⁴⁷⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

⁴⁷⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 277–278 об.

брошюра, написанная простым и понятным языком, содержала краткую информацию о том, какими способами противник применял боевые отравляющие вещества, об их свойствах. В качестве единственного верного средства спасения от газов «Памятка» рассматривала противогазовую маску. Указывалось на необходимость ее сбережения, важность поддержания спокойствия и порядка во время газовой атаки, обращалось внимание на ряд распространенных ошибок⁴⁸⁰. Эверт приказал отпечатать ее таким тиражом, чтобы «Памятка» досталась каждому нижнему чину. В итоге, с учетом некоторого запаса для укомплектований, тираж составил 1 500 000 экземпляров. Пришлось даже прибегнуть к услугам частной типографии, что позволило сократить время печати в 2 раза, так как средствами фронта на нее пришлось бы потратить 65 дней⁴⁸¹.

Ставка продолжала активно опираться на опыт противника. В середине марта были получены 4500 экземпляров брошюры «Борьба с удушливыми газами», составленной на основе германских наставлений, и 750 экземпляров инструкции для употребления химических снарядов. Брошюру должна была получить каждая пехотная рота, а инструкцию в первую очередь артиллерийские части⁴⁸².

Помимо этого, отдельные армии и даже корпуса издавали свои указания по борьбе с газами. Это явление было вызвано желанием дополнить те пробелы, которые наметились в указаниях фронта по противохимической обороне. Нередко этой цели удавалось достичь. Так, приказ №126 от 23 июля (5 августа) по II Кавказскому корпусу о мерах для обеспечения раннего оповещения о химической атаке был разослан во все корпуса 10-й армии. Данное распоряжение предписывало назначать не менее двух наблюдателей в

⁴⁸⁰ Там же. Л. 126–127.

⁴⁸¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 153–153 об.

⁴⁸² Там же. Л. 139–139 об.

каждой роте и батарее, основной задачей которых являлось отслеживание газовых волн противника. Также была регламентирована система световой сигнализации для оповещения соседних участков позиции, частей резерва и тыловых учреждений о начале атаки, в том числе и посредством обстрела химическими снарядами. Командир корпуса предписывал внимательно относиться к сведениям от метеорологов о направлении и силе ветра. Более того, была запрещена смена частей на позициях при определенных ветрах. Этим распоряжением он, между прочим, подрывал позицию начальника штаба 10-й армии генерала Попова, который утверждал об отсутствии необходимости обустройства наблюдательных метеорологических пунктов. Строжайше запрещалось выводить части на позиции без масок, при этом врачам вменялось в обязанность производить обязательную проверку их состояния. Кроме того, при захвате пленных разведчики должны были обязательно отбирать у них противогазы, чтобы иметь возможность изучать опыт противника в области создания средств индивидуальной химической защиты⁴⁸³.

Вообще, штаб фронта испытывал трудности с получением достоверной информации о техническом оснащении противника. Существовала практика, согласно которой части по собственному почину занимались сбором образцов боевых отравляющих веществ, использованных германцами. Например, штаб XXXVI корпуса в январе 1916 г. не только произвел забор образцов земли из воронки немецкого химического снаряда, но и самостоятельно отправил их в Императорскую военно-медицинскую академию в Петроград. При содействии этого учебного заведения были выяснены отдельные элементы состава соединения, использовавшегося в снаряде. Уже готовые результаты этого исследования были сообщены в штаб фронта⁴⁸⁴.

⁴⁸³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 493–495.

⁴⁸⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 35.

Подобные исследования вел и штаб 4 армии, обращаясь в лаборатории Императорского технического училища в Москве и Юрьевского университета. Шилов также участвовал в поисках формулы вещества, использовавшегося в снарядах. Разрозненные усилия не всегда позволяли добиться результата. Тем более, для взятия проб газа требовалась специальная аппаратура, которой часто не хватало в войсках⁴⁸⁵.

Централизованный сбор сведений о боевых отравляющих веществах противника в масштабах всей русской армии был налажен Ставкой в марте 1916 г. Начальникам штабов армий было предписано сообщать «самые подробные сведения» о химических атаках противника в формируемый Военно-химический комитет ГУГШ⁴⁸⁶. Другие органы военного управления также собирали информацию о применении противником химического оружия. Так, Управление полевого генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем в своем циркуляре от 20 апреля (3 мая) 1916 г. предписало заведующим артиллерийской частью штабов армий оказывать необходимое содействие в незамедлительной пересылке всех приборов, неразорвавшихся химических снарядов противника и проб газа в военную научно-техническую лабораторию или само управление. Кроме того, войска должны были доносить инспекторам артиллерии армий, а те в свою очередь своему непосредственному начальнику – инспектору артиллерии армий фронта, о случаях применения газов или огнеметов, причем как собственных, так и противников, для последующей передачи этой информации в управление⁴⁸⁷. 11(24) мая 1916 г. ГАУ затребовало все приказы, наставления и любые другие полезные материалы о способах и действиях войск во время газовой атаки⁴⁸⁸.

Очевидно, что управление сферой химической обороны не было

⁴⁸⁵ Там же. Л. 41–42, 495 об.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 124–124 об.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 292.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 565.

централизовано. На руководство ею претендовали самые различные структуры – Военно-химический комитет ГУГШ, Управление полевого генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем, ГАУ, даже в масштабе фронта армии и корпуса обладали значительной долей самостоятельности.

Недостатки системы наиболее ярко проявлялись в ходе химических нападений противника. В ходе газобаллонной атаки, сопровождавшейся обстрелом химическими снарядами в конце июня 1916 г. на участке XXVI корпуса было отправлено 2076 нижних чинов и 40 офицеров. Львиная доля потерь пришлась на 254 пехотный Николаевский полк. Это происшествие побудило командование Западного фронта провести масштабное расследование.

В определенной степени высокая смертность стала результатом несовершенства противогазовых масок, которые использовали войска. Длительность воздействия газа и его высокая концентрация в воздухе приводила к тому, что маски очень быстро высыхали, становясь бесполезными. Характерно, что полк прошел через обучение и Шилова, и Лаврова, в ходе которого маски прекрасно защищали от газа в течении небольшого промежутка времени.

Но, очевидно, это было не единственной причиной трагедии. Корпус впервые за время войны подвергся газовому нападению. Отсутствие опыта и низкий уровень обучения личного состава незамедлительно привел к большим потерям. Атака началась с обстрела окопов химическими снарядами, что посеяло панику в рядах обороняющихся. Из-за воцарившегося хаоса и плохо налаженного наблюдения, выпуск газа из баллонов замечен не был⁴⁸⁹. Ситуацию усложнял тот факт, что в центре атакованного участка происходила

⁴⁸⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 400–402, 404 об.

смена батальона одного полка другим. Обычная в такой ситуации суэта в значительной степени увеличилась, что отразилось на времени надевания противогазов⁴⁹⁰.

Одна из рот 53-го саперного батальона, застигнутая артиллерийским обстрелом во время сна, спасаясь, оставила позицию, не взяв с собой масок. Нижние чины роты долгое время пробыли в сфере воздействия газового облака без средств защиты, что привело к большим потерям. Противник не жалел материальных средств, волна газа была настолько мощной, что поразила не только резервы, но и докатилась до ближайшей железнодорожной станции⁴⁹¹. Всего же было выпущено 6 волн газа⁴⁹².

Имевшиеся посреди окопов костры были зажжены назначенными заранее нижними чинами, но они отсырели после дождей и не дали большого пламени. Попытки нейтрализовать газ растворами соды и извести заведомо были обречены на провал и только вносили лишнюю суету в окопы. Примечательно, что химическая команда, предназначенная для борьбы с газами, во время атаки погибла целиком.

По заверению корпусного врача, все чины корпуса были снабжены противогазовыми масками. Более того, за два дня до атаки врачами Николаевского полка был произведен поголовный смотр с целью проверки исправности масок и умения ими пользоваться. В полку проводились газовые тревоги, причем не только во время нахождения в резерве, но и на передовой.

Так как выпуск газов сопровождался атаками противника, личному составу полка приходилось активно двигаться, маски переставали плотно прилегать к лицу, давая путь отравленному воздуху. Это было еще одним существенным конструктивным недостатком маски, который невозможно было

⁴⁹⁰ Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны... С. 99.

⁴⁹¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 405.

⁴⁹² Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны... С. 98.

вскрыть в ходе окуривания. Командному составу и телефонистам приходилось нередко приподнимать маску для передачи приказов, а некоторые нижние чины вообще срывали их, так как они мешали стрельбе. Газ выпускался волнами, поэтому после прохождения очередной волны личный состав нередко спешил снять средства индивидуальной защиты, что увеличивало количество отравленных. Во время атаки погибли все санитары, что замедлило вынос пострадавших. Отравленные долгое время лежали на дне окопов, что только усиливало поражение⁴⁹³.

Эверт ознакомился с расследованием, но не сделал каких-либо выводов из него. В своей резолюции он порекомендовал лишь внушить нижним чинам идею о безусловной необходимости пользования масками и «всеми рекомендованными средствами»⁴⁹⁴. Неудивительно, что потери от газовых атак противника продолжали оставаться высокими.

Новый удар немцы нанесли на участке Кавказкой гренадерской дивизии у Сморгони в ночь с 19 на 20 июля (1 на 2 августа) 1916 г. Потери были еще более значительными, пострадали 45 офицеров и 3705 нижних чинов. Продолжительность и мощность химической атаки, как и в прошлом случае, была весьма значительной. Газы выпускались шестью волнами в течении 5 часов. Согласно донесению корпусного врача II Кавказского армейского корпуса именно это предопределило большое количество отравленных. Автор отчета мельком упоминает также о том, что газовая атака снова застала войска во время смены на позиции. В момент тревоги в окопах скопился личный состав двух наиболее пострадавших полков – 14 Грузинского и 15 Тифлисского.

В тесноте и нервной обстановке люди спешили как можно скорее надеть маски, толкаясь и мешая друг другу, вследствие чего произошла

⁴⁹³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 202. Л. 400–401, 403–408 об.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 444 об.

заминка. Кроме того, уже успевшие произвести смену солдаты и офицеры были застигнуты газовым облаком на пути в тыл, поэтому не были своевременно предупреждены о газовой атаке⁴⁹⁵. Трагические события этой ночи послужили для командования корпуса важным уроком, результатом которого стал уже упоминавшийся приказ №126.

Даже в тех случаях, когда возможность химической атаки вполне отчетливо осознавалась командным составом и предпринимались меры для ее отражения, потери оставались ощутимыми. Оборонявшие плацдарм на р. Щара части 2-й армии еще за неделю до атаки, состоявшейся в ночь с 24 на 25 сентября (7 на 8 октября) 1916 г., по шуму из германских окопов узнали об установке баллонов с газом. Была проверена сноровка в надевании противогазов, подготовлены костры, налажена система сигнализации, разработан план действий на случай отказа связи или затруднения ее использования.

Однако наличие постоянной опасности атаки привело не к усилению бдительности, а, наоборот, притупило чувство опасности. К тому же в день атаки установилась ненастная погода (шел дождь средней силы, стоял туман), что снижало вероятность проведения газовой атаки. Поэтому, когда на участке некоторых рот разведчики слышали характерное шипение выпускаемого из баллонов газа, этому не придали значения. Когда запах фосгена почувствовался уже в окопах, была поднята тревога. Хотя предупреждение об атаке было передано в тыл по телефону, звуковое и световое оповещение опоздало, что отразилось на жертвах среди одиночных людей и команд в тылу, оторванных от связи. Из 4895 человек, находившихся на позиции на участке 2 гренадерской дивизии, подвергшемуся нападению, отравлены газами были 988 (20,6%)⁴⁹⁶.

Следующее крупное химическое нападение противник предпринял

⁴⁹⁵ Там же. Л. 503–504.

⁴⁹⁶ Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны... С. 101–103.

вечером 15(28) ноября 1916 г. на участке 42 пехотной дивизии IX армейского корпуса. Командование на данном участке располагало информацией о подготовке противником газовой атаки. Рабочие на выдвинутых вперед участках позиции, совершенствовавшие укрепления, были заранее сняты. Как только передовые наблюдатели услышали характерный свист и шипение, немедленно была поднята тревога, в небо взлетели сигнальные ракеты. В окопах с помощью дымовых шашек были зажжены костры, надеты маски. Артиллерия, бомбометы и минометы открыли огонь по очагам выпуска газов⁴⁹⁷. Результатом организованных действий по защите от химического нападения стали незначительные, по сравнению с предыдущими атаками, потери. Было отравлено 110 человек из которых умерло 9⁴⁹⁸.

Уменьшение потерь в целом отражало рост готовности фронта к отражению крупных химических атак противника. В первую очередь была должным образом налажена разведка и система сигнализации о начале газового нападения, что позволяло выиграть драгоценные минуты для подготовки личного состава к обороне. Примечательно, что фронтовое командование не занималось регулированием данной сферы, все необходимые нововведения внедрялись на уровне корпусного и армейского командования.

Таким образом, главной заботой штаба Западного фронта в области ПХО было снабжение личного состава индивидуальными средствами защиты. С самого начала Западный фронт оказался на передовой борьбы за выбор наилучшего универсального противогаса, поддерживая проект Зелинского-Кумманта. Причем действовало командование Западного фронта в обход установленной иерархии. Так, Эверт по личной инициативе обращался к Военному министру, отстаивая свой личный взгляд на проблему.

Несмотря на недостатки аппарата, выявленные в условиях боевой

⁴⁹⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 68. Л. 342–346.

⁴⁹⁸ Гордеев. Ю.Н. Построение и ведение обороны русскими армейскими корпусами... С. 198.

обстановки, он был по достоинству оценен командованием Западного фронта. Согласно установленным правилам, именно этим противогазом снабжались наиболее опасные участки. Особое внимание уделялось сохранности средств личной противогазовой защиты, были установлены строгие наказания за их утрату и порчу. Несмотря на это, решить эту проблему до конца не удалось, равно как и четко наладить систему распределения противогазов в войсках фронта.

Назначенный заведующим по технической части газового дела при генерал-квартирмейстере штаба Западного фронта Н. А. Шилов дополнил эту работу, в первую очередь благодаря развертыванию подвижных отрядов для обучения личного состава фронта пользованию защитными масками. Созданная система имела целый ряд недостатков, из которых следует выделить то, что обучение проводилось в обстановке, существенно отличавшейся от боевой. Это было одним из факторов, который способствовал росту потерь среди личного состава во время крупных химических нападений противника. Краткие наставления для солдат содержали лишь самую общую информацию и не могли решить эту проблему. Проект Шилова по развертыванию сети наблюдательных метеорологических пунктов, по всей видимости, не был реализован в полной мере из-за сопротивления армейского командования. В то же время, фронтовое командование упустило из вида вопросы химической разведки и создания системы оповещения о газовом нападении. Войскам приходилось восполнять эти пробелы на собственном опыте, который давался очень дорогой ценой.

Следует заметить, что фронтовое командование интересовалось не только защитными мерами, но также искало возможность использовать оружие противника против него самого. В конце декабря 1915 г. Шилова направили в штаб 5-й армии Северного фронта, где велась подготовка первой в истории русской армии газовой атаки.

Под руководством начальника химических команд гвардии капитана Костевича и при участии командного состава всех 11 сформированных

химических команд велась обширная работа. Был разработан обстоятельный план газовой атаки на участке 38 пехотной дивизии. В Двинской крепости была организована база химических команд и обустроена метеорологическая станция. Станция получала телеграфные сообщения от Главной физической обсерватории и имела целью дополнить эти метеорологические данные путем наблюдений на местности. Между Двинской базой и передовыми позициями был проложен прямой телефонный провод, также была налажена связь между передовым командным пунктом начальника химических команд и штабами дивизий и корпуса, а также с землянками командиров отдельных химических команд. На передовой также были обустроены склады, позволяющие скрытно разместить баллоны с газом. Была проведена детальная рекогносцировка местности и разработан способ размещения баллонов, который позволял добиться максимальной концентрации их количества.

В своем отчете по результатам поездки Шилов приходил к выводу, что: «Хотя газовая атака более чем какой-либо иной тактический прием зависит от условий местности, момента и частной задачи, тем не менее и для нее могут и должны существовать общие нормы, которыми придется пользоваться на практике»⁴⁹⁹. Работа, проделанная под Двинском, стала бесценным опытом и позволила существенно продвинуться вперед в деле выработки алгоритма подготовки газовой атаки. В то же время заведующий по технической части газового дела при генерал-квартирмейстере штаба Западного фронта не испытывал иллюзий по поводу тактических и стратегических выгод, которые мог принести новый вид оружия. Шилов уже в начале января 1916 г. докладывал Лебедеву, что при правильной и планомерной обороне против газовой атаки она несомненно будет ослаблена в своем действии и вряд ли приведет к массовому истреблению противника, как это было во время первых

⁴⁹⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 157-159 об.

германских атак. Тем более трудно было ожидать при газовой атаке против самих германцев ввиду тщательной постановки у них противохимической обороны. Профессор видел залог успеха в выработке новых приемов в проведении газовых атак, которые могли выразиться в самом выборе газа, в его концентрации и стремительности выпуска, а также в быстроте следующей за волнами газа пехотной атаки⁵⁰⁰.

Кроме того, именно во время своей командировки Шилов ознакомился с методом обучения нижних чинов защите от газов, основанном на выпуске небольших порций отравляющего вещества в присутствии нижних чинов, снабженных защитными масками⁵⁰¹.

По всей видимости, именно Шилов стал автором проекта «Инструкции для предварительных разведок по газовым атакам». Данный документ был призван, с одной стороны, транслировать имевшуюся информацию об организации газовой атаки в войска, с другой требовал немедленно приступить к организации разведки местности и погодных условий с целью поиска районов, пригодных для газовых атак⁵⁰².

Из опытов под Двинском стало ясно, что основной организационной силой для газовых атак призваны были служить химические команды. Число команд соответствовало количеству армий. По штату химическая команда состояла из 105 химиков, 16 метеорологов, 25 телефонистов, 1 фотографа, 8 шоферов и мотоциклистов и 9 офицеров. Команда должна была укомплектовываться исключительно грамотными нижними чинами, однако с этим порой возникали сложности⁵⁰³.

Однако самые существенные проблемы были связаны с материальной частью. В апреле 1916 г. начальник штаба Западного фронта запросил армии о

⁵⁰⁰ Там же. Л. 159-159 об.

⁵⁰¹ Там же. Л. 158 об.

⁵⁰² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 174-175 об.

⁵⁰³ Там же. Л. 131.

ходе подготовки к проведению газовых атак и состоянии приданных армиям химических команд. Мне удалось найти рапорт, поступивший из 3-й армии. Согласно нему, команда была почти полностью укомплектована баллонами с хлором – из положенных 5000 имелось 4936, однако остального имущества катастрофически не хватало. Распылителей имелось 1438 из 5000, гидропультов 60 из 500, улавливателей для газа 30 из 2000, шашек дымовой завесы 0 из 22000. Наибольшее значение имела нехватка распылителей, так как при организации газовой атаки можно было использовать лишь соответствующее числу распылителей количество баллонов. Таким образом, фронт атаки мог составить не более 3/4 версты (около 800 метров), чего было совершенно недостаточно для достижения серьезных результатов. Отсутствие дымовых шашек не позволяло добиться даже иллюзии его расширения. Также не хватало метеорологического имущества, что замедляло и затрудняло подготовку атаки⁵⁰⁴.

Следует отметить, что положение в деле снабжение специальным химическим имуществом в других армиях фронта было схожим. Костевич, заведовавший распределением ресурсов между химическими командами, восполнял недостаток ресурсов поровну между всеми. Это приводило к тому, что нигде химические команды не были готовы к производству мощных химических атак на широком фронте⁵⁰⁵. При это понятие «мощный» в данном случае является относительным, так как уже в мае 1915 г. немцы в районе Болимова использовали для своей газовой атаки 12000 баллонов⁵⁰⁶.

Несмотря на явную техническую неготовность, армейское командование выполняло распоряжение фронта по подготовке химической атаки или, скорее, демонстрировало активность. По состоянию на 28 апреля (11 мая) 1916 г. не

⁵⁰⁴ Там же. Л. 495–495 об.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 599–599 об.

⁵⁰⁶ Супотницкий М.В., Петров С.В., Ковтун В.А. Влияние химического оружия на тактику и оперативное искусство Первой мировой войны (исторический очерк) // Вестник войск РХБ защиты. 2017. Т. 1. № 1. С. 63.

было сделано фактически ничего. В качестве места для проведения атаки был выбран район Гренадерского корпуса как важнейший для 3-й армии в стратегическом отношении, однако к выбору подходящего участка так и не приступили. Штаб армии лишь намеревался командировать назначенного ответственным за проведение химической разведки и организацию газовой атаки подполковника Генерального штаба Лебедева с чинами химической команды на место⁵⁰⁷.

Командование Западного фронта явно не успевало организовать крупную газовую атаку, к началу наступления на Вильно. В штабе фронта отсутствовало лицо, ответственное за проведение газовых атак. О необходимости введения такой должности говорил Шилов в своем рапорте от 7(20) мая 1916 г., написанном в ответ на запрос генерал-квартирмейстера о недостатках системы управления химическим делом на фронте. Профессор подчеркивал, что газовая атака имеет смысл лишь при широких задачах, крупном масштабе и единстве действия. Это было возможно только при хорошо поставленном руководстве на уровне штаба фронта, так как только этот орган военного управления аккумулировал всю полноту информации о положении дел. Шилов полагал, что занимающий новую штабную должность должен быть освобожден от других обязанностей, сосредоточив в своих руках контроль над деятельностью всех химических команд фронта. При этом прикомандирование химических команд к отдельным армиям не должно было служить препятствием к возможности пользоваться ими там, где необходимо. Особенно важно, что по замыслу Шилова все средства и запасы, необходимые для газовых атак, сосредотачивались в распоряжении центрального управления при штабе фронта⁵⁰⁸.

По всей видимости, подобная должность была учреждена. В

⁵⁰⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 201. Л. 495 об. – 496.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 544–545 об.

делопроизводственной документации фронта в начале 1917 г. появляются доклады заведующими средствами химической борьбы. Возможно, организационные преобразования были проведены и раньше, но вполне определенно можно утверждать, что командование не смогло организовать крупную газовую атаку во время активных боевых действий весной – летом 1916 г.

Более широкое распространение получила стрельба химическими снарядами. Еще в ходе Нарочской операции они применялись в ходе артиллерийской подготовки, но сосредоточенного огня не велось и результативность оказалась низкой⁵⁰⁹. Тем не менее, командование Западного фронта верно оценило перспективы использования нового вида оружия. В докладе инспектора артиллерии армий Западного фронта от 16(29) ноября 1916 г. отмечалось, что химические снаряды представляют «действительнейшее средство» в борьбе с неприятельской артиллерией. Проблема заключалась в том, что фронт располагал лишь 3-х дюймовыми химическими снарядами, в то время как неприятельская тяжелая артиллерия зачастую находилась вне зоны поражения легких пушечных батарей. Шихлинский указывал на острую потребность в тяжелых химических снарядах для борьбы с неприятельской артиллерией⁵¹⁰.

Запросы фронта, очевидно, не удовлетворялись. 22 января (4 февраля) 1917 г. Шихлинский снова обратился к полевому генерал-инспектору артиллерии с просьбой об увеличении отпуска на фронт химических снарядов. При этом он подчеркнул, что нужда в тяжелых химических снарядах «ощущается с каждым днем все больше и больше»⁵¹¹.

Командование Западного фронта делало ставку на использование

⁵⁰⁹ Супотницкий М.В., Петров С.В., Ковтун В.А. Влияние химического оружия на тактику и оперативное искусство Первой мировой войны (исторический очерк) // Вестник войск РХБ защиты. 2017. Т. 1. № 2. С. 44.

⁵¹⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 212. Л. 83–83 об.

⁵¹¹ Там же. Л. 177.

химического оружия в качестве фактора, способного принести успех при прорыве укрепленного фронта противника. Интерес, проявленный к организации газобаллонных атак, не привел к конкретным результатам. В ходе самых ответственных операций кампании 1916 г. войска не смогли организовать ни одного крупного газового нападения. Это стало прямым следствием неустроенности фронтового аппарата управления делом газовой борьбы. Скудные ресурсы, кадровые и материальные, распределялись равномерно по всему фронту. Химические снаряды использовались эпизодически, снабжение тяжелой артиллерии фронта данным видом снарядов было недостаточным, что значительно снижало возможности артиллерии в борьбе с батареями противника⁵¹².

⁵¹² При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Сергушкин С.С.* Развертывание системы противохимической обороны на Западном фронте русской армии в годы Первой мировой войны // *Genesis: исторические исследования.* 2019. № 6. С. 1-18.

Глава 3. Планирование и проведение Нарочской операции. Анализ ее опыта командованием Западного фронта.

§ 1. Разработка плана наступления

После ликвидации Свенцянского прорыва противник отвел свои обходившие войска на линию Козяны – р. Мядзиолка – оз. Мядзиоль – оз. Нарочь – оз. Вишневокое – р. Спяглица – Войстом – Данюшево, оказывая упорное сопротивление. Несмотря на отступление противника, 2-я армия к 21 сентября (4 октября) еще не продвинулась в озерном районе и ее положение было невыгодно, а 1-я армия не вышла на линию Козяны – Поставы – оз. Мядзиоль, которой рассчитывал овладеть штаб Западного фронта⁵¹³.

А планы, тем не менее, были куда значительней. Еще 18 сентября (1 октября) в своей телеграмме Алексееву №6691 Эверт предложил перейти в наступление силами 1-й армии в общем направлении на Свенцяны, нанося удар в тыл немцам, действующим против Двинска, куда бросались и значительные конные массы. Он указал также на желательность при этом одновременного наступления 5-й армии со стороны Двинска. Вместе с наступлением 1-й армии, по плану переходил в атаку и правый фланг 2-й, отбрасывая противника за Вилию⁵¹⁴. Фактически этот план был утвержден директивой Ставки №4585⁵¹⁵.

Вскоре стало ясно, что это наступление развития не получило. 24 сентября (7 октября) Эверт сообщил Алексееву, что 1-я армия «выдохлась», кавалерия также не имела успеха и, что дальнейшие наступательные попытки повели бы только к напрасным потерям, в связи с чем он приказал прекратить дальнейшее наступление. В начале октября главнокомандующий Западным фронтом докладывал, что показания пленных сводятся к тому, что на занятых

⁵¹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 6, 8.

⁵¹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 50. Л. 322, 326 — 328.

⁵¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 8.

позициях немцы будут зимовать, а занятый ими фронт от Сморгони к Двинску был удобен для обороны. Алексей Ермолаевич предлагал не обескровливать себя частными атаками или наступлением в более широких размерах, так как на их успех при чрезмерно слабом составе корпусов и отсутствии значительных запасов снарядов рассчитывать было нельзя что и показало наступление 1-й и 2-й армий.

Русский этого мнения не разделял, активно ратуя за наступление 1-й армии, а именно группы генерала Жилинского в районе Демен – Дрисвяты, которое, по его мнению, при сложившейся обстановке могло бы как придать большей устойчивости и обеспеченности правому флангу 1-й армии, так и надежнее обеспечить Полоцкое направление⁵¹⁶. Командующий 1-й армией решил поддержать инициативу главнокомандующего Северного фронта и отдал соответствующий приказ группе Жилинского.

Эверт не препятствовал этому распоряжению, но высказал соображения по поводу успеха этого предприятия. Ведущие наступление на Двинск немцы были достаточно сильны, чтобы выдержать натиск ослабленных войск 5-й армии и группы Жилинского. При этом опыт, с точки зрения Эверта, показал, что частные переходы в наступление без должной подготовки и сбора превосходящих сил приводят лишь к бесплодным жертвам и трате снарядов. Если даже намеченная атака имела бы первоначальный успех, то на развитие его сил было недостаточно. Приобретенное небольшое пространства не улучшало положения настолько, чтобы окупить потраченные на него силы.

Если же положение 5-й армии требовало оттеснения противника во что бы то ни стало, Эверт предлагал собрать для удара свежие силы, например, подвести в район генерала Жилинского гвардию в составе 3,5 дивизий, а также 78 дивизию и 1 – 2 дивизии от 5-й армии, подтянуть туда сильную артиллерию,

⁵¹⁶ Там же. Л. 26, 105–109, 174–175.

и этой группой, почти армией, нанести удар. Алексеев этот проект отклонил, что дало возможность штабу Западного фронта отказать в содействии соседу⁵¹⁷. Уже во время данной дискуссии проявился подход Эверта к организации наступления. Главнокомандующий Западным фронтом считал, что для успешных действий нужно действовать подобно немцам: сосредотачивать мощный кулак на предполагаемом направлении удара.

28 октября (10 ноября) Эверт прислал Алексееву «Соображения по выработке плана предстоящих действий» в своей телеграмме №8173. Данный документ представлялся им якобы как материал для общих соображений начальника штаба Верховного главнокомандующего. Но при этом главнокомандующий Западным фронтом просил уведомить, будут ли эти соображения одобрены, при этом желал получить окончательное решение возможно скорее⁵¹⁸. Таким образом, Эверт составил готовый план и надеялся на его утверждение, особенно на фоне довольно успешных действий армий фронта в предыдущей операции.

Кроме тщательной подготовки к наступлению, для его успеха Алексей Ермолаевич считал безусловно необходимым, чтобы развитие этой операции находилось в полной согласованности с действиями союзников на всем Европейском театре войны. Помимо этого, Эверт предлагал выработать и план действий для русской армии. Идея наступления должна была быть установлена верховным командованием. Фронтами же должны быть разработаны соображения, которые могли бы послужить материалом для составления общего плана.

Главнокомандующий Западным фронтом считал, что наступление может быть начато лишь после того, как армии будут укомплектованы и вооружены и будут накоплены запасы артиллерийских снарядов. Поэтому он полагал, что

⁵¹⁷ Там же. Л. 221–223, 230, 296–299.

⁵¹⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 322.

переход в наступление не мог произойти ранее конца 1915 г., а скорее всего его придется отложить до февраля – марта 1916 г. Переход к действиям в крупном масштабе в более ранние сроки допускался им лишь как крайняя необходимость.

Анализируя имеющийся опыт, он приходил к выводу, что для такого прорыва необходимо сосредоточение на небольшом участке больших сил и артиллерийских средств. Для прорыва позиции, как считал Алексей Ермолаевич, необходимо было назначить не менее дивизии на каждые 2 – 3 версты фронта. Поэтому, если ограничится фронтом для удара в 30 верст, придется назначить для прорыва не менее 10 дивизий. Но этих сил может быть достаточно лишь для самого прорыва неприятельских позиций, для развития же этого тактического успеха до значения стратегического необходимо за этими передовыми войсками иметь ударную группу, чем сильнее, тем лучше, и вряд ли менее, чем в 10 дивизий.

В общем, главнокомандующий Западным фронтом сравнивал подготовку такого наступления с атакой крепости, а значит для него требовалась очень серьезная предварительная работа. Главный удар должен быть произведен лишь в одном месте всей линии от моря до Бессарабии, и для этого удара должны выделить часть своих сил каждый из трех европейских фронтов. В тесной связи с главным ударом по времени и идее необходимо развить второстепенные удары демонстративного характера, но достаточно сильные и в чувствительных для противника направлениях. Организация этих вспомогательных ударов выпадает на те фронты, которые будут свободны от нанесения главного удара. Сосредоточение сил для главного и вспомогательных ударов хотя и заставит обратиться к оборонительным действиям во всех прочих районах фронтов, но и на них необходимо такое расположение сил, которое обеспечивало бы возможность коротких частных атак для прочного приковывания находящегося на этих фронтах противника. Изложив теоретическую основу, Эверт переходил к конкретным

предложениям.

Эверт считал, что южное, австро-венгерское направление являлось вспомогательным, но все же вполне подходило для нанесения главного удара, особенно в самый первый период наступательной операции. Укрепленные позиции германцев могли оказаться столь трудно преодолимыми, а менее стойкие австрийцев могли быть удачной целью. Это заставило бы немецкую армию перебрасывать свои силы для помощи своему более слабому союзнику. К северу от Полесья Эвертом было намечено пять важнейших направлений для удара: Рига – Шавли, Двинск – Ковна или Вильна, Полоцк – Вильна, Молодечно – Вильна, Слуцк – Белосток и Гродно.

Направление Рига – Шавли было особенно выгодно, с точки зрения генерала, так как угрожало тылу всего немецкого фронта. Развитие здесь успеха скорее и легче заставило бы противника очистить Северо-Западный край и дало возможность выдвинуться на линию Неман – Брест, что являлось «первым условием упрочения нашего стратегического положения». Невыгодной стороной рассматриваемого направления являлось его нахождение на крайнем фланге. Сосредоточение здесь крупных сил уменьшало гибкость русской армии и могло создать крупные затруднения для обороны, тем более, что эти силы собирались не на важнейшем в оборонительном смысле направлении⁵¹⁹.

Направления Двинск – Ковна или Вильна и Полоцк – Вильна не обещали столь быстрых и решительных результатов, как предыдущее. Кроме того, условия местности – озерное пространство облегчало противнику оборону в этом районе, особенно на первом из названных направлений. С другой стороны, сосредоточение здесь сил весьма выгодно упрочило бы положение русской армии, создавая возможность легко противодействовать наступлению

⁵¹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 322–325 об.

противника в наиболее чувствительном, по мнению Эверта, направлении — Полоцком. Генерал считал, что значение Двинского и Полоцкого районов заставляло всегда иметь в них более или менее значительные силы.

Направление Молодечно – Вильна, при успехе наступления, выводило во фланг противника, занимающего Северо-Западный край и давало почти столь же решительные результаты, как и наступление со стороны Риги. Из-за своего центрального положения к нему сравнительно легко было сосредоточить силы и средства благодаря двум мощным железнодорожным линиям. Наконец, производство наступления в данном направлении отвечало условию безопасности операции. Здесь, во всяком случае, также придется иметь значительные силы, которые при наступлении дадут возможность развить вспомогательный удар, если это направление не будет избрано для нанесения главного удара. Невыгодной стороной этого направления являлось то, что противник сравнительно легко мог подтянуть сюда резервы для противодействия прорыву. Кроме того, наступление в этом направлении встретило бы особенно сильные укрепления района Вильны.

Нанесение главного удара в направлении Слуцк – Гродно, представлялось Эверту менее выгодным в сравнении с остальными по следующим причинам: во-первых, наступление встретило бы более трудные топографические условия, особенно, если оно проводилось бы весной. Затем, при развитии удара в этом направлении, сами наступающие войска могли быть подвержены ударам с запада, для обеспечения от которых потребовалась затрата сил. В этом районе было трудно и не выгодно сосредоточение крупных сил, по его фланговому положению по отношению к главным оборонительным направлениям на Петроград и Москву. Наконец, была опасность того, что крупные силы, собранные для удара, рисковали быть вогнанными в болота Полесья в случае прорыва противника со стороны Вильны на Минск. В равной мере наступление в рассматриваемом направлении могло быть легко скомпрометировано ударом противника в Полоцком направлении.

Эверт считал необходимым произвести оценку положения каждой армии и выяснить: какие силы необходимы армии для прочной обороны ее района, какие силы она может выделить в распоряжение верховного командования, а также какие частные задачи могут быть возложены на нее, как вспомогательные главному удару.

Далее главнокомандующий фронтом давал указанную информацию по каждой из подчиненных ему армий. Не приводя этих рассуждений полностью, суммируем их, так как они имеют большое значение. Генерал приходил к следующим выводам: армии Западного фронта, после их укомплектования и восстановления материальной части, могут выделить в распоряжение верховного командования для нанесения главного удара до 8 пехотных и 5,5 – 8,5 конных дивизий, сохранив в резерве главнокомандующего фронтом до 6 дивизий. При ведении главного наступления вне пределов Западного фронта, он будет иметь возможность, кроме частных атак в армиях, развить один или два сильных вспомогательных удара на чувствительных для противника направлениях и тем удержать перед собой находящиеся там силы неприятеля.

Если же речь шла о нанесении главного удара в пределах фронта, то от других фронтов потребовалось бы назначение 2 – 3 корпусов (если гвардия передавалась в распоряжении Западного фронта, то 1 корпуса), и организация вспомогательных атак, имеющих главной целью не позволить противнику сосредоточить все свои силы против главной атаки⁵²⁰.

К середине октября, по данным разведки, противник имел против армий Западного фронта от 35,5 до 37,5 пехотных и 7 кавалерийских дивизий (385 - 413 батальонов и 168 эскадронов)⁵²¹. Он значительно уступал запланированной группировке русских армий в числе дивизий и еще в большем размере в числе батальонов, причем даже при 12 батальонном составе. При 16 же батальонах в

⁵²⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 325 об. – 339.

⁵²¹ Там же. Л. 338.

дивизиях во всех армиях было бы двойное или почти двойное превосходство. Сверх того, фронт имел бы 6 дивизий в резерве главнокомандующего и 8 дивизий в распоряжении верховного командования. Эти подсчеты показывают, что противник мог предпринять серьезное наступление только при условии подвоза новых сил.

Между тем Эверт предполагал, что германской армии не удастся собрать больше сил, чем в августе, когда насчитывалось от 58 до 69 дивизий пехоты (от 642 до 753 батальонов). Если бы противнику удалось и в будущем довести свои силы до этих размеров, то по числу батальонов он имел бы почти равный состав, если считать в дивизиях по 12 батальонов, (753 батальона против 756). Если же довести дивизии до 16 батальонов, то фронт имел бы на 1008 батальонов 753 неприятельских. Алексею Ермолаевичу представлялось маловероятным, что противник будет в состоянии собрать против Западного фронта такие силы потому, что ему пришлось бы считаться и с оправившимися Северным и Юго-Западным фронтами⁵²².

Подобный документ являлся личной инициативой Эверта, свидетельством того, что он отнюдь не хотел играть пассивной роли в выработке решений и в планируемом наступлении и был готов брать на себя ответственность. Несложно заметить, что именно направление Молодечно — Вильна, которое принадлежало району Западного фронта, если следовать логике генерала, представляло наибольшие выгоды. Впечатляют сроки подготовки данного документа: два месяца назад Эверт был назначен на пост главнокомандующего Западным фронтом, около месяца прошло с момента окончания активных боевых действий, когда разрабатывать его не было возможности. С учетом того, что в качестве предлагаемого срока начала наступления намечался февраль — март 1916 г., становится очевидно, что штаб

⁵²² Там же. Л. 325 об. — 339.

Западного фронта явно торопился перехватить инициативу.

Внимание Алексева, однако, было сосредоточено в тот момент на Балканском полуострове. 4(17) ноября в своей директиве №5712 он сообщил, что общее положение требует поставить ближайшей задачей оказание содействия Сербии и союзным войскам, высадившимся на полуострове. Для этого Юго-Западному фронту и формируемой 7-й армии, при содействии части сил Западного фронта, предстояло выполнить одно из следующих предположений: либо, обеспечив себя с юго-запада путем энергичной атаки частью сил на фронте Коломые — Черновцы, главной массой развить решительное наступление на линию Красно — Львов, либо развить более сильный удар на Сигот — Быстрица, откуда вести наступление на фронте Сатма — Немети — Колошварь, прочими армиями атаковав неприятеля в направлении Брест — Ковель — Львов. В обоих случаях левофланговые армии Западного фронта принимали участие в операции, атакуя неприятеля в направлении на Брест и приковывая к себе его силы⁵²³. Кроме того, начальник штаба Верховного главнокомандующего вынашивал свой собственный план переноса центра боевых действий на Балканы⁵²⁴.

Но, по-видимому, вследствие того, что время для помощи Сербии было уже упущено, а план большого наступления на Балканах отвергнут союзниками, широко задуманное наступление свелось к более локальным действиям Юго-Западного фронта⁵²⁵. Важно отметить, что проект штаба

⁵²³ Там же. Л. 440 – 440 об.

⁵²⁴ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. II. С. 250.

⁵²⁵ Там же. С. 252.

Западного в связи с трагическими событиями на Балканах отошел на второй план и остался, по всей видимости, без внимания Алексеева. На межсоюзнической конференции в Шантильи 23 — 26 ноября (6 — 9 декабря) 1915 г. единого стратегического плана действий союзников не удалось⁵²⁶. Таким образом, русская армия вступала в 1916 г. не только не имея согласованного с союзниками плана действий, но и собственного.

4(17) января 1916 г. Эверт деликатно, но настойчиво напомнил Алексееву о вопросе подготовки наступления. В своей телеграмме №10147 он указал, что позиции противника перед армиями Западного фронта представляет собой ряд озер и болот с сильно укрепленными промежутками между ними. Развитие наступательных действий при таких условиях местности, когда озера и реки вскроются, а болота будут затоплены, потребует чрезвычайно больших усилий и больших потерь. Поэтому Алексей Ермолаевич «признавал крайне желательным наступление, если таковое будет решено, произвести до наступления весны, когда озера, реки и болота скованы льдом». Он сообщил Алексееву, что приказал принять все меры, чтобы быть готовыми к развитию наступательных действий к началу февраля⁵²⁷.

13(26) января, по всей видимости так и не получив ответа, главнокомандующий высказался уже более чем определенно. Он заметил, что агентурные сведения, опросы пленных, отсутствие каких-либо новых германских частей не только на Западном и Северном фронтах, но даже и на Юго-Западном, несмотря на предпринятое там недавно наступление, указывают, в связи с уводом значительной части германских войск с Балканского полуострова, на полную вероятность развития германцами в ближайшем будущем наступательных действий на западе.

Эверт подчеркнул, что оставаться пассивными русская армия ни в коем

⁵²⁶ Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. С. 281.

⁵²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 15 – 16.

случае не может, дабы не дать германцам возможности разбить союзников по частям. Генерал резюмировал эту мысль так: «отказ от наступления в это время может быть роковым и только в лучшем случае вредным». При этом даже если бы наступление германской армии и не состоялось в ближайшем времени, Алексей Ермолаевич все же считал необходимым провести зимнее наступление против значительно слабейшего по числу противника. Наконец, даже в том случае, если бы внимание противника было сосредоточено не западе, а на востоке, то и в этом случае наступление, по мнению Алексея Ермолаевича, обещало больше, чем выжидание удара противника, которому при огромном фронте русской армии не трудно было отыскать «больное место».

Эверт заявил, что принимает все меры, чтобы подготовить армии Западного фронта к наступлению в зимний период, но для того, чтобы перейти в наступление, ему необходимо будет произвести перегруппировку войск и оборудование тыла в соответствии с той задачей, которая будет дана фронту при переходе в наступление. В связи с этим он просил сообщить, какая задача будет поставлена перед подчиненными ему армиями⁵²⁸. Алексей Ермолаевич сумел верно определить перенос основных усилий германской армии на запад и сделал из этого правильные выводы⁵²⁹. При этом его мнение разделяли отнюдь не все, так 27 января (9 февраля) 1916 г. в телеграмме №2212 главнокомандующий Северным фронтом генерал Плеве заявил Алексееву, что «развитие крупных операций германцами на западном (французском) фронте едва ли возможно». Не удивительно, что с его точки зрения германский удар должен был быть нанесен именно на его фронте. То же самое, только о своем фронте, думал генерал Иванов⁵³⁰. Важно подчеркнуть, что главнокомандующий Западным фронтом считал недопустимым для русской армии выжидать удара противника и выступал за то, чтобы перехватить инициативу у неприятеля. В

⁵²⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 78 – 79.

⁵²⁹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г... С. 10.

⁵³⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 204 – 204 об.

совокупности с материалами предыдущей главы становится очевидным, чем продиктована подобная позиция.

Эверт настаивал, что подготовка наступления должна быть закончена в кратчайший срок, так как общая обстановка «повелевает решиться на наступление в близком времени». Данную телеграмму главнокомандующий закончил просьбой срочно уведомить его о принятом решении⁵³¹. Тем не менее, в материалах Ставки не сохранилось ответа и на эту телеграмму, вероятно потому, что его просто не было. Основная масса переписки начальника штаба Верховного главнокомандующего в январе 1916 г. была связана с Румынией. Вероятно, пристальное внимание к этому вопросу Алексева стало причиной подобной невнимательности по отношению к предложениям Западного фронта.

Это, однако, не остановило Эверта. 28 января (10 февраля) он прислал начальнику штаба Верховного главнокомандующего 4 по счету телеграмму (№10755), в которой констатировал, что зимняя операция не состоится, если только не будет начата противником. Алексей Ермолаевич изложил свои соображения по возможному наступлению ранней весной. С момента составления «Соображений по выработке плана предстоящих действий» Западный фронт был ослаблен отправкой 4 корпусов на юг, Алексей Ермолаевич просил о возвращении одного из них и придаче дополнительно не менее трех других.

Для главной атаки противника он наметил район Поставы – оз. Мядзиоль – оз. Вишневское, как наиболее отвечающий идее совместных действий с Северным фронтом, если таковой наносил бы удар в Двинском районе. В тактическом отношении данный участок фронта принадлежит к весьма трудным для наступления, почему Эверт и хотел произвести наступление зимой, когда замерзают озера и болота. Но на морозы более рассчитывать не

⁵³¹ Там же. Л. 79.

приходилось, потому указанный участок мог быть избран для наступления лишь при условии энергичного содействия Северного фронта, так как такое совместное наступление двух фронтов, по мнению генерала, могло обещать настолько существенные выгоды, что ради них можно было поставлены на второе место тактические неудобства.

При избрании названного района для главного удара главнокомандующий Западным фронтом предполагал сосредоточить в нем 20 дивизий, которых было бы, по его мнению, достаточно для нанесения первого удара и его начального развития. Для дальнейших же действий они могли быть усилены 3 корпусами резерва, которые Эверт считал необходимым при начале операции сохранить на других важных направлениях фронта, имея в виду, что в ответ на этот удар можно было ждать со стороны немцев не только сопротивления и контратак в районе наступления, но и попыток остановить его контрударом в других пунктах. Как связующее звено между проектируемым наступлением в общем направлении на Свенцяны и наступлением Северного фронта от Двинска был намечен вспомогательный удар войсками 1-й армии на Видзы.

Эверт подчеркивал, что если от наступления Северного фронта в районе Двинска будет признано необходимым отказаться, то более выгодным будет наступление в общем направлении Молодечно – Вильна, имевшем выдающееся стратегическое значение и на котором войска встретили бы более удачные тактические условия. Здесь Алексей Ермолаевич предполагал сосредоточить те в общей сложности 24 дивизии, сохранив 2 корпуса в резерве фронта. При этом главнокомандующий Западным фронтом снова указывал на важность фактора времени: «имея в виду совершенную необходимость быть готовыми к действиям к самой ранней весне, к началу марта, до которого остался один месяц, прошу не отказать сообщить окончательное решение и указания в

возможно ближайшем времени»⁵³².

Этот план сразу столкнулся с проблемой невозможности обеспечить запланированную главнокомандующим Западным фронтом концентрацию сил. 7(20) февраля генерал Иванов сообщил, что безболезненно для румынского вопроса можно выделить всего 1 корпус⁵³³.

Важнейшим для выработки плана наступления стало совещание, состоявшееся 14(27) февраля в Могилеве под председательством Верховного главнокомандующего, на котором присутствовали главнокомандующие фронтами с их начальниками штабов, а также генерал Плеве, главную же роль на нем играл Алексеев. В своем докладе он, среди прочего, признавал наступление выгодным, однако указывал на желательность его переноса на более позднее время, чтобы иметь возможность пополнить количество винтовок и доставить на фронт 2 тяжелые артиллерийские бригады из Московского округа. Само наступление предполагалось вести левым флангом Северного фронта и правым Западного, усилив их гвардией и 1 корпусом с Юго-Западного. Если наступление развивалось бы успешно, то Юго-Западный фронт должен был перейти к активным действиям, направляя главный удар на Ковель — Холм⁵³⁴.

Нельзя не увидеть в докладе Алексеева идейную связь с переложениями Эверта из телеграммы №№10755, однако перегруппировка сил, которая производилась на основании директивы Ставки №903, отданной в тот же день, противоречила замыслу главнокомандующего Западным фронтом. Он видел в качестве основной задачи концентрацию максимального количества сил и средств на направлении атаки: Северный фронт получил от Западного 2 корпуса, а он, в свою очередь, от Юго-Западного XXIV армейский и IV конный корпуса. Мало того, что конный корпус не мог способствовать прорыву

⁵³² Там же. Л. 210 – 211.

⁵³³ Там же. Л. 259.

⁵³⁴ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Часть 5. С. 16 – 17.

укрепленной линии противника, так еще и оба корпуса передавались вместе с занимавшимися ими участками⁵³⁵. Таким образом, если Западный фронт и был усилен, то незначительно, потеряв при этом 2 корпуса. В своем плане Эверт, наоборот, рассчитывал на усиление 4 корпусами. Гвардия же, состоявшая в резерве Верховного главнокомандующего, которая могла отчасти компенсировать эту потерю, была перемещена на Северный фронт из-за опасений возможного неприятельского десанта⁵³⁶.

В телеграмме №10755 Эверт подчеркивал, что совместное наступление двух фронтов, могло обещать настолько существенные выгоды, что ради них можно было поставлены на второе место тактические неудобства, оставалось только его обеспечить. К сожалению, для этого не было сделано ничего. Еще 19 февраля (3 марта) Алексей Ермолаевич обратил внимание начальника штаба Верховного главнокомандующего на тот факт, что перевозимые с Западного фронта на Северный 4 дивизии размещаются в районах железной дороги Вольмар – Райнаш и к северо-западу от Валка. Такое сосредоточение этих дивизий заставляло сомневаться, что совместный удар обоих фронтов состоится⁵³⁷. В конечном итоге Западный фронт оставался один на один со сложным в тактическом отношении участком, который терял все свои преимущества.

Сам же Эверт продолжал вести подготовку к наступлению. Нанесение главного удара в общем направлении на Свенцяны было возложено на 2-ю армию, сроком готовности которой поставлен конец февраля. Намечалось частное наступление 1-й армии в направлении на Видзы, а 10-й армии приказывалось быть в полной готовности наступать на Вильну⁵³⁸.

16(29) февраля Эверт сообщил в Ставку, что, исходя из предположений

⁵³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 293.

⁵³⁶ Там же. Л. 288.

⁵³⁷ Там же. Л. 347 – 347 об.

⁵³⁸ Там же. Л. 308, 331, 338.

обсерватории, а также по статистическим климатическим данным за прошлые годы, в середине марта, а может быть и несколько раньше, надо ожидать начало весенней распутицы. Из этого он делал вывод, что необходимо начать наступление не позже самых первых чисел марта, дабы до распутицы успеть закончить операцию «в главнейших чертах» и выдвинуться вперед настолько, чтобы болота и озера в тылу не создавали критического положения⁵³⁹. Эта выдержка из телеграммы, помещенная вне контекста, как это сделано, например, в монографии Подорожного⁵⁴⁰, кажется лишь природно-климатическим описанием региона, но, если обратить внимание на тот факт, что она помещена в телеграмме №11314 после просьбы главнокомандующего Западным фронтом о придаче ему тяжелой артиллерии с Юго-Западного фронта и снабжении фронта транспортными средствами, то становится очевидно, что это лишь завуалированное требование ускорения подготовки наступления.

25 февраля (9 марта) главнокомандующим Западным фронтом в телеграмме Алексееву №11646 доложил, что сосредоточение корпусов второй армии, участвующих в ударе, закончено. Два корпуса резерва главнокомандующего за этой армией должны были закончить сосредоточение один 1(14), другой 4(17) марта. Эверт подчеркнул, что лучшее время для развития наступления, а именно первая половина февраля, уже упущено, и надо ожидать оттепели не позже 10 марта, поэтому медлить нельзя ни одного дня. Фронт был готов наступать со 2(15) марта, почему просил категорического окончательного приказания, сведений относительно готовности и окончательно выбранного направления удара Северного фронта, которых он до сих пор не имел, скорейшего решения по возбужденным им вопросам о своевременном

⁵³⁹ Там же. Л. 309.

⁵⁴⁰ *Подорожный Н. Е.* Нарочская операция в марте 1916 г... С. 17.

подвозе артиллерийских снарядов и особенно ружейных патронов⁵⁴¹.

Алексеев после телеграммы №11646, наконец, заинтересовался подготовкой наступления на Северном фронте. Сразу по получении телеграммы, он запросил начальника штаба фронта об этом, причем начал он с того, что уточнил, ведется ли подготовка вообще⁵⁴². Соответственно, ранее эта информация была ему неизвестна, и согласованием действий фронтов, о важности чего говорил Эверт, начальник штаба Верховного главнокомандующего занят не был.

Только за неделю до готовности Западного фронта к наступлению, он потребовал у Куропаткина план операции. По всей видимости понимая, что такого плана не существует, он указал, что Северный фронт имеет «бесспорное превосходство [в] числе штыков над противником, поэтому, не выжидая даже полного сосредоточения направляемых подкрепления, он может выгодно скомбинировать удар, собрав для сего сильные ударные группы...» (подчеркнуто в тексте — С.С.)⁵⁴³. Данная фраза должна была, вероятно, дать Куропаткину и его штабу понять, что подобную операцию можно и нужно подготовить даже в столь короткие сроки. На следующий день после запроса от Алексеева, главнокомандующий Северным фронтом все же прислал Эверту план операции, составленный, скорее всего, за 1 день.

Согласно плану, наступление предполагалось произвести следующим образом: главный удар наносился войсками 5-й армии из Якобштадского района с общим направлением Якобштадт — Поневеж. Для этого предполагалось сосредоточить «до 10 дивизий», то есть точного понимания какие силы будут наносить «главный удар» в штабе Северного фронта еще не сложилось. Из Двинского же района, который прилегал к правому флангу Западного фронта, частями 5-й армии должно было быть произведено

⁵⁴¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 415 – 416.

⁵⁴² Там же. Л. 427.

⁵⁴³ Там же. Л. 431 – 433.

наступление в направлении на Новоалександровск. При этом фактически указывалось, что это вспомогательно наступление будет фиктивным: «направление главного удара из Якобштадского района хотя и является несколько удаленным от того направления, в котором будет развиваться главный удар со стороны Западного фронта, но удар из этого района обещает больший успех, нежели из соседнего района. Наступление из Двинского района не выгодно для нас как по местным условиям, так и по соотношению сил наших и германских, а также вследствие сильно укрепленных позиций противника. Целый ряд озер с прочно укрепленными промежутками могут легко задержать наше наступление в этом районе. Между тем, в Якобштадском районе местные условия более благоприятны, противник слабее и не столь прочно еще укрепился».

При этом Куропаткин подчеркивал, что возможность действий германского флота в Рижском заливе ранней весной заставляет принять особые меры по обеспечению прочного положения в Рижском районе. Для этого главнокомандующий Северным фронтом сосредоточивал за правым флангом 12 -й армии 3 дивизии. Что касается сроков, то, по его мнению, наступления не могло быть произведено ранее 10(23) марта, хотя в тот же день начальник штаба Северного фронта сообщил, что наступление перенесено на 5(18) ввиду того, что Западный фронт планировал приступить к активным действиям 2(15) марта. 27 февраля (11 марта) Куропаткин отдал армиям боевой приказ, распорядившись представить ему план действий к 2(15) марта⁵⁴⁴.

Любопытно, что Куропаткин в своем письме Эверту от 29 февраля (13 марта) сам признал, что для лучшего обеспечения связи в действиях армий фронтов предпочтительнее было 5-й армии наносить удар из Двинского района. Но «по местным условиям и условиям расположения противника» таковой удар

⁵⁴⁴ Там же. Л. 439 – 440, 447, 461 – 462.

все-таки предположено было произвести из Якобштадского района и, лишь после прорыва неприятельских линий и выставления заслонов к западу и северо-западу, главнокомандующий Северным фронтом рассчитывал направить значительную группу для действий совместно с войсками Двинского района⁵⁴⁵.

Подобная работа соседнего фронта не внушала Эверту доверия, и он отправил Алексееву короткую телеграмму: «крайним сроком начала наступления считаю пятое марта». Тот, в свою очередь, в своей телеграмме главнокомандующим распорядился «решительно и энергично закончить подготовку для атаки противника войскам Северного и Западного фронтов к пятому марта (подчеркнуто в тексте – С.С.)». При этом начальник штаба Верховного главнокомандующего сразу допустил оговорку о том, что опоздание атаки Северного фронта на один день не внесет неудобств [в] выполнении операции, как бы позволяя ему действовать менее «решительно и энергично»⁵⁴⁶. Только постфактум Эверт сообщил, что, в виду удаления направления удара Северного фронта, начало атаки на сутки позже не повлияет на ход дел у него⁵⁴⁷.

Таким образом, готовившееся русское наступление в начале марта не было объединено ни общей волей, ни общим замыслом. Первоначальный план Алексея Ермолаевича, представленный в телеграмме №10755, был рассчитан на эффективное взаимодействие фронтов. Он был принят за основу для будущих действий совещанием в Ставке, но, складывается ощущение, что реальный интерес к организации и подготовке наступления проявлял лишь Эверт. Главный вопрос в данном случае заключается в том, почему он сам не инициировал его отмену.

Свой ответ на этот вопрос предложил автор классического исследования, посвященного Нарочской операции, Н. Е. Подорожный: «наряду с командиром,

⁵⁴⁵ Там же. Л. 509.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 487.

⁵⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

полководцем в Эверте мирно уживался чиновник. Эверт был разумным и дельным командующим только до тех пор, пока ему лично не угрожало ничего сверху. Но как только его личному благополучию грозила опасность, Эверт мгновенно из командира превращался в Молчалина, "чего изволите"⁵⁴⁸. Подобное объяснение представляется абсолютно надуманным. Если Алексея Ермолаевича так тревожило его «личное благополучие», то зачем он постоянно добивался организации наступления в пределах вверенного ему фронта, ведь гарантировать успех подобной операции было невозможно. Скорее всего данное решение было связано с оценкой обстановки, которую Эверт высказал еще в середине января. «Отказ от наступления ... может быть роковым и только в лучшем случае вредным»⁵⁴⁹, эта мысль стала еще более актуальной после того, как 21 февраля 1916 г. немецкие орудия ударили по Вердену.

3(16) марта директивой Ставки № 1290 был закреплен, казалось бы, окончательный план наступления. Согласно ему, в качестве общей цели наступления ставилось достижение линии Митава – Бауск – Вилькомир – Вильна – Делятичи. Главные удары направлялись Северным фронтом из Якобштадского района в общем направлении на Поневеж, и войсками 2-й армии Западного фронта на Свенцяны – Вилькомир. Независимо от сего 12-я армия должна была атаковать на Бауск – Шенберг, Западный фронт, сообразуясь с развитием операции на главном направлении, наносил удар на Вильну. Начало наступления назначалось на 5(18) марта, Северному фронту разрешалось начать 6(19) числа.

Но даже за 2 дня до начала наступления планы продолжали меняться. В тот же день Алексеев сообщил главнокомандующему Северным фронтом, что 12-я армия может быть освобождена от производства удара ввиду незаконченности мероприятий по подготовке к атаке и того, что на нее

⁵⁴⁸ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г... С. 157.

⁵⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 78 об.

возлагаются вспомогательные задачи. Накануне наступлению Западного фронта начальник штаба Верховного главнокомандующего указал Эверту, что атака 5 -й армии могла начаться лишь 8(21) марта. При этом Алексеев прекрасно понимал последствия этой задержки, он высказал Куропаткину свои опасения по поводу того, что «войскам генерала Эверта придется без помощи выполнять трудную задачу, которой могут и не помочь запоздалые действия пятой армии (подчеркнуто в тексте — С.С.)». В 1.40 ночи 5(18) марта, то есть незадолго до начала артиллерийской подготовки, главнокомандующий Западным фронтом ответил, что ввиду удаленности удара Северного фронта, отсрочка его наступления на 2 — 3 дня не может оказать серьезного влияния на ход боя во 2-й армии, и просил лишь, чтобы операция под Двинском велась в связи с ходом действий 1-й армии»⁵⁵⁰.

Из последнего видно, что из-за постоянных противоречивых приказов Эверт утратил, что неудивительно, представление о действиях своего соседа и планах начальника штаба Верховного главнокомандующего. Алексей Ермолаевич просил содействия вспомогательному удару войск 1 армии на Видзы, который не упоминался в директиве Ставки № 1290, а значит главнокомандующий Северным фронтом не обязан был брать его в расчет при планировании действий своих войск. О подготовке данной атаки Эверт сообщал еще в конце января, затем этот вопрос не раз отражался в переписке со Ставкой, но Алексеев, по всей видимости, забыл о ней. Впрочем, Куропаткин был осведомлен о предприятии армии, правда, помогать ему он не планировал⁵⁵¹.

После просьбы Эверта Алексеев решил исправить положение, отдав распоряжение главнокомандующему Северным фронтом довольно курьезное распоряжение: «Государь Император предоставляет вашему усмотрению время

⁵⁵⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 40–42, 44.

⁵⁵¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 461, 509–509 об.; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 40–41.

начала главного удара пятой армии, отложив приступ операции, если признаете нужным, до восьмого марта. Но действия Двинской группы этой армии, то есть ее левого фланга, должны быть [в] полной мере согласованы [с] развитием действий первой армии, дабы атака последней (подчеркнуто в тексте — С.С.) не была изолированной»⁵⁵². Не совсем понятно, как предполагалось обеспечить это взаимодействие, так как Куропаткин не планировал активных действий в Двинском районе, а организовать их за несколько дней было крайне затруднительно. Судя по всему, главнокомандующий Западным фронтом предпочел благоразумно отказаться от удара в районе 1-й армии.

Таким образом, Эверт полагал, что для решительного наступления русской армии необходимо собраться с силами после Великого отступления, поэтому его следует отложить на начало 1916 г. Однако его планирование началась гораздо раньше. Его можно разделить на 3 этапа: первый – с конца октября 1915 г. по конец января 1916 г., когда главнокомандующий Западным фронтом призывал Алексеева к активным действиям, добиваясь организации наступления в направлении Молодечно – Вильна. Второй этап ознаменовался изменением плана наступления. На основе предложения Эверта из телеграммы №10755, на совещании в Ставке 14(27) февраля был разработан план нанесения удар из района Поставы – оз. Мядзиоль – оз. Вишневское

Началась непосредственная подготовка Нарочской операции, в ходе которой и Алексеев, и Куропаткин вели себя пассивно, не проявляя живого участия в организации задуманного наступления. Только в конце февраля, после телеграммы Эверта №11646, ситуация изменилась. На 3 этапе начальник штаба верховного главнокомандующего пытался наверстать упущенное время и обеспечить эффективное взаимодействие фронтов, чего добиться так и не удалось.

⁵⁵² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 56.

В итоге, два фронта должны были наступать изолированно друг от друга, фактически осуществляя две разные операции, которые лишь в перспективе, успешно развиваясь, могли объединиться в одну. На ранних этапах наступления взаимодействие не предусматривалось вовсе, а ведь именно оно было положено в основу плана Эвертом. Пассивная позиция, которую занял Алексеев, была основной причиной несогласованных действий его подчиненных, а запоздалые паллиативные решения не смогли исправить ситуации, став одной из причин провала Нарочской операции⁵⁵³.

§ 2. Проведение Нарочской операции.

Разведывательная сводка штаба Западного фронта от 23 февраля (7 марта) 1916 г. вполне ясно продемонстрировала, что планы русского командования уже тогда не являлись секретом для немцев, они ждали наступления в начале марта. 3(16) марта разведка отмечала «особую бдительность» противника на участке от озера Нарочь до озера Вишневого, там велись работы по расчистке от снега второй линии окопов и ходов сообщения, аналогичная активность была зафиксирована на Видзинском направлении двумя днями позднее⁵⁵⁴. Таким образом, неприятелю удалось не только предугадать время начала наступления, но и верно определить конкретные районы фронта, где оно было намечено.

Тем не менее, этот факт не изменил планов русского командования. Н. Е. Подорожный указывает, что в своей директиве 2-й армии №11244, отданной сразу же после совещания в Могилеве, Эверт сразу же предоставил командующему армией широкий простор для инициативы в подготовке наступления, впоследствии изменив линию своего поведения, «залезая» в его

⁵⁵³ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Сергушкин С.С.* План русского наступления весной 1916 года генерала А.Е. Эверта // Военно-исторический журнал. 2019. №2. С. 24-28.

⁵⁵⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 850. Л. 112–113, 194, 200.

полномочия и навязывая способ достижения поставленной цели⁵⁵⁵. По всей видимости, дело обстояло несколько иначе.

Аргументация исследователя опирается на то, что общий замысел операции был преподан Эвертом в директиве 2-й армии 29 февраля (13 марта), в которой содержалось указание «2-й армии, сосредоточив главные свои силы на своих флангах, перейти ими в решительное наступление с целью разбить противника, находящегося против фронта армии, и затем наступать далее на фронт Свенцяны, Михалишки, Гервяты»⁵⁵⁶. Непосредственно организовывать воплощение этого плана в жизнь выпало А. Ф. Рагозе, который временно сменил якобы заболевшего Смирнова на посту командующего 2 армией 27 февраля (11 марта)⁵⁵⁷. Источников, позволяющих ответить на вопрос, почему последний оставил свою должность в действительности, не сохранилось, но, не вызывает сомнений, что назначение Рагозы было связано с его успешными действиями в ходе контрудара под Вилколазом.

Для наступления удалось сосредоточить значительные силы, к началу операции 2-й армия насчитывала 355 989 штыков и 16 943 сабли, имея превосходство над противником в штыках почти в 5 раз, а в саблях — вдвое. При этом армия располагала тем же количеством легкой артиллерии, что и противник, опережая его в 2 раза по числу тяжелой. Командующий армией принял решение распределить эти значительные силы по трем армейским группам: северную возглавил генерал Плешков, центральную – генерал Сирелиус и южную – генерал Балуев⁵⁵⁸. Идея создания подобных групп возникла еще до смены командования 2-й армии, о них упоминается уже в середине февраля⁵⁵⁹. По-видимому, уже тогда созрела идея наступления на флангах армии, которую Эверт доверил воплощать уже Рагозе. Таким образом,

⁵⁵⁵ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г... С. 21.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 490.

⁵⁵⁸ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г... С. 25–26, 47, 58–61.

⁵⁵⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 64. Л. 52.

Алексей Ермолаевич лишь поручил новому командующему армией довести до конца начинания предшественника, что подтверждает и датировка директивы.

Смирнов приказал из штабов корпусов особых штабов армейских групп не выделять, а начальникам групп продолжать командовать и своими корпусами. Для усиления же штабов корпусов было отправлено по 2 офицера Генерального штаба⁵⁶⁰. Нагрузка на штабы I Сибирского и V корпусов выросла, с точки зрения управления пехотными и кавалерийскими частями, не менее чем в два раза, а в отношении организации боевой работы артиллерии и более⁵⁶¹. Представляется сомнительным, чтобы 2 офицера Генерального штаба, приданные на усиление командного состава группы, смогли компенсировать возросшую нагрузку.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что центральная группа, выполнявшая второстепенные задачи, практически не отставала от фланговых по количеству живой силы, незначительно уступала по количеству легкой артиллерии. В историографии представлена позиция, что требование главнокомандующего бить флангами выполнено не было, а ударное назначение фланговых групп при этой группировке превратилось в пустой звук⁵⁶². Можно согласиться с ним лишь отчасти.

По данным разведывательного отдела штаба армии о распределение сил противника против группы генерала Плешкова на 1 км. фронта неприятель имел около 600 штыков, против Сирелиуса – 400 и Балужева – 500⁵⁶³. Эти данные, по всей видимости, не учитывали возможных подкреплений, но превосходство в живой силе, в любом случае, выглядело подавляющим, из расчетов русского командования следовало, что удалось добиться практически десятикратного преимущества на левом и восьмикратного на правом фланге

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ *Подорожный Н. Е.* Нарочская операция в марте 1916 г... С. 62.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Там же. С. 47.

армии.

Если брать данные об артиллерии, показатели оказываются уже не столь значительными, группа Плешкова имела около 7 легких и практически 6 тяжелых на 1 км. фронта, в группе Балужева эти значения равнялись соответственно 7 и 3. Германские же части имели против правого фланга 2 армии 6 легких и 1,5 тяжелых орудия на 1 км. фронта, а против левого 5,5 и около 2⁵⁶⁴. Фланговым ударным группам не хватало не живой силы, а именно артиллерийских средств, которых не могло дать в должном размере ослабление группы генерала Сирелиуса. Даже если полностью распределить артиллерию группы между ударными группами, то дополнительные 25 легких и 6 тяжелых орудий для каждой из них существенно не меняли общей картины.

Таким образом, ударные группы на флангах были созданы, особенно сильными в сравнении с другими в артиллерийском отношении выглядели подчиненные Плешкову войска, но все же артиллерийских средств, очевидно, было недостаточно. По подсчетам Подорожного артиллерия армии была слабее на 30 – 40% минимальной потребности для проведения такого рода операции ⁵⁶⁵. Проблема, однако, заключалась не только в недостатке артиллерии. Так, например, на всю армию имелись только две радиотелеграфные станции для корректирования артиллерийской стрельбы с воздуха⁵⁶⁶.

Активная работа штаба 2-й армии по подготовке наступления началась, судя по всему, в конце февраля. 22 февраля (6 марта) командирам групп было приказано «изучить позиции противника в совершенстве, пользуясь для этого всеми средствами, особенно фотографиями с аэропланов» для того, чтобы составить план артиллерийской подготовки, всецело основанный на указанных данных. Данным вопросом Эверт интересовался лично. Он пожелал

⁵⁶⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 64. Л. 122–126.

⁵⁶⁵ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г... С. 48.

⁵⁶⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 64. Л. 63.

ознакомиться с предположениями командиров групп. Также он указал на нежелательность многодневной артиллерийской подготовки, отметив, что ее продолжительность должна зависеть от результатов. При этом главнокомандующий Западным фронтом считал, что атака второй укрепленной полосы потребует такой же артиллерийской подготовки, так как преодоление не уничтоженных проволочных заграждений потребовало бы значительных жертв, если не удастся в исключительном случае овладеть ею «на плечах бегущего противника»⁵⁶⁷.

С одной стороны, вызывает удивление, почему к подготовке операции приступили так поздно, так как группе Плешкова, например, было приказано закончить все приготовления к 1(14) марта⁵⁶⁸, имея, казалось бы, достаточный запас времени для ее планирования. С другой, если учесть опыт маневренного этапа войны, когда многодневная подготовка не практиковалась вовсе, становится понятным, чем был обусловлен подобный стиль работы, как штаба фронта, так и штаба армии. Перед русской армией встала задача проведения операции нового типа, для этого требовались новые методы работы, в частности штабной, к которым органы военного управления оказались не готовы.

Поэтому обширные указания, отправленные во 2-ю армию из штаба Западного фронта за день до атаки, не были чем-то необычным. Они являлись вполне логичным продолжением всей системы штабной работы, и, на наш взгляд, не нуждаются в дополнительном объяснении, которое попытался предложить Подорожный: «в целом указания Эверта – типичный документ старой царской армии – отписки и страховки. Все было, мол, организовано и предусмотрено. Не получилось успеха – значит, войска не выполнили того, что

⁵⁶⁷ Там же. Л. 67, 70–71.

⁵⁶⁸ Там же. Л. 79.

от них требовалось, не сделали так, как это им указывалось»⁵⁶⁹. О подготовке подобного рода документа Эверт сообщал командующему 2 армией в конце февраля⁵⁷⁰, при этом, кстати, не упоминая об этом в переписке с Алексеевым, перед которым он и должен был по этой логике «страховаться» на случай поражения. Указания давались на перспективу, в расчете на успешное развитие операции, как будто оно являлось непреложной данностью.

3(16) марта Рагоза описывал ситуацию с подготовкой армии к наступлению в самых радужных тонах: «почитаю долгом донести об отличном состоянии войск, бодром настроении и полном обеспечении их в пределах того, что нам подали. Штабы работают прекрасно, офицеры генерального штаба вне упрека, тыловые учреждения армии и войск не покладая рук творят свою невидную работу, а все от генерала до рядового проникнуты одной мыслью, одним желанием, чтобы их работа не за страх, а за совесть привела бы к давно желанной победе»⁵⁷¹.

Поводов для опасения, тем не менее, было предостаточно. В данном исследовании не стоит задачи подробного рассмотрения всего сложного комплекса проблем, связанного с подготовкой и проведением Нарочской операции, однако, полностью обойти вниманием этот важнейший в истории Первой мировой войны и карьере генерала Эверта сюжет невозможно. В этой связи целесообразно раскрыть один из эпизодов весеннего наступления русской армии, а именно действия группы генерала Плешкова, на примере которых возможно рассмотреть множество вопросов, напрямую связанных с тематикой данного исследования. Именно такое сужение темы обусловлено, во-первых, тем, что на правый фланг армии возлагало основные надежды русское командование, что видно по группировки тяжелой артиллерии, а, во-вторых, с состоянием источниковой базы, так как большая часть материалов о Нарочской

⁵⁶⁹ Подорожный Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г... С. 38.

⁵⁷⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 64. Л. 70 об. – 71.

⁵⁷¹ Там же. Л. 116–117.

операции посвящено именно действиям Плешкова и его подчиненных.

Выбранный для прорыва группы участок Микулишки — Лапинский лес был довольно серьезно укреплен. Противнику удалось обосноваться здесь, когда позиция находилась у него в тылу, почему работы велись без всяких помех со стороны частей Западного фронта. Кроме того, тяжелые почвенные условия и бездорожье создавали возможность для свободных действий здесь только во время морозов или в сухое время года. Главный удар группы должен был осуществляться на стыке I армейского и I Сибирского корпусов, что дополнительно осложняло координацию действий обоих войсковых соединений. Участок прорыва, с артиллерийской точки зрения, также был выбран неудачно⁵⁷².

При подготовке наступления армейское командование вмешивалось в планирование. Так Смирнов 24 февраля (8 марта) приказал сузить фронт атаки, так как «в направлении главного удара наступающие войска должны явиться неудержимой, все сметающей лавиной». В результате с 9 верст фронт прорыва был уменьшен до 6⁵⁷³. Главнокомандующий фронтом также вносил свои коррективы в разработанные планы командующих группами. Известно, что Рагоза лично доложил эти соображения Эверту, в ответ на что он в своей директиве №11791 приказал внести в них некие поправки⁵⁷⁴. Данный документ обнаружить не удалось, поэтому об их конкретном содержании остается только догадываться. Так как остальные рекомендации фронтового командования свелись к указанию на нежелательность многодневной артиллерийской подготовки и сравнительно подробной инструкции, преподанной за день до начала атаки, о которой шла речь ранее, можно предположить, что Эверт и его штаб все же не вмешивались значительно в работу подчиненных.

При этом все инициативы штаба 2-й армии, даже самые неожиданные,

⁵⁷² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 9–9 об, 44–45, 77 об. – 78.

⁵⁷³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 64. Л. 79; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 77 об. - 78.

⁵⁷⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 131.

имели поддержку со стороны Алексея Ермолаевича. Так 2(15) марта начальник штаба 2-й армии сообщил, что желательнее в первый же день операции путем массовой бомбардировки разрушить участок железной дороги, сосредоточив наибольшее усилие на узле Ново-Вилейск. Для этого он ходатайствовал о привлечении к выполнению этой задачи самолетов "Илья Муромец". При этом он явно не знал, выполнима ли эта задача технически, поэтому оговорился, что если по дальности расстояния разрушение узла невозможно, то необходимо теми же аппаратами разрушить Ново-Свенцянский узел⁵⁷⁵. Опять же за день до начала операции Эверт запросил у Алексеева подобного рода содействия, указав, что его необходимо оказать «в первый же день»⁵⁷⁶. Все сложности организации подобного рода налета, видимо, в расчет не брались.

Такая свобода для действия командования армии обеспечивалась, отчасти, чрезвычайно оптимистичными рапортами генерала Рагозы. Один из них была процитирована выше, остановимся подробнее на еще одном – №1340 от 4(17) марта 1916 г. В ней Александр Францевич описывал состояние готовности артиллерии армии к наступлению: «В группах генералов Плешкова, Сирелиуса и Балуюева все артиллеристы имеют свои соответствующие задачи, которые расписаны по батареям... связь между батареями, дивизионами, начальствующими лицами, а также и пехотными частями вполне налажена, при выборе позиций для батарей было обращено особое внимание на взаимодействие артиллерии, как в корпусах, так и на стыках таковых. Также имеются запасные и ложные батареи. Приняты все меры к своевременному питанию батарей. Все необходимые соображения для стрельбы химическими снарядами подготовлены в группе генерала Балуюева. Не считая большого числа вполне оборудованных наблюдательных пунктов и самодельных вышек, группы используют для наблюдения и корректирования артиллерийской

⁵⁷⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 64. Л. 111.

⁵⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 39.

стрельбы воздушные шары и аэропланы. ... взаимное понимание между батареями и аэропланами, при корректировании стрельбы, по донесению групп, установлено»⁵⁷⁷. Между тем, на примере этого аспекта подготовки видно, что, на самом деле, ситуация была отнюдь не столь радужной.

Подготовительные работы по расстановке артиллерии были начаты в середине февраля, но задачи ей были поставлены только 22 февраля (6 марта). При этом инспектор артиллерии I Сибирского корпуса генерал Закутовский, под начальством которого была объединена около половины легкой и вся тяжелая артиллерия группы, не был привлечен для разработки задач артиллерии, которая уже занимала позиции. Состоявший для поручений по артиллерийской части при главнокомандующем Западным фронтом генерал-майор Беляев, прибывший в район группы генерала Плешкова 21 февраля (5 марта), был крайне удивлен, что Закутовский о предстоящих действиях тогда осведомлен еще не был. Следовательно, выбор позиции для артиллерии был сделан не в соответствии с теми задачами, которые были ей поставлены. Впрочем, приказом по войсковой группе от 28 февраля №732/2 эти задачи вновь были изменены.

В результате, как следствие такой постановки дела, из группы Закутовского к подготовке атаки на участке главного удара I Сибирского корпуса было привлечено: легкой артиллерии 0%, 107 мм. пушек две батареи или 66%, 122 мм. гаубиц семь батарей или 46%, 152 мм. гаубиц и пушек в 120 пуд. две батареи или только 18% от всей тяжелой артиллерии. Это привело к тому, что проволоку разрушали исключительно из 122 и 152 мм. гаубиц, расходуя дефицитные тяжелые боеприпасы. Эта ситуация существенно осложнялась тем, что не удалось наладить нормальный подвоз боеприпасов⁵⁷⁸. Таким образом, недостаток артиллерии усугублялся абсолютно

⁵⁷⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 64. Л. 125–127.

⁵⁷⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 9–9 об., 78 об. – 79 об.

некомпетентным ее использованием.

В отчете, составленном по результатам операции ведомством полевого генерал-инспектора артиллерии, содержится неутешительный вывод. Атакуемый участок заграждений и окопов в 2,5 версты не мог быть достаточно разрушен за время артиллерийской подготовки, не мог он и обстреливаться интенсивно в период атаки, тем более, что легкая артиллерия, в силу особенности ее расположения, участвовать в главном ударе не могла. Если же принять во внимание, что разрушение проволоки и окопов велось с дистанций около 5 верст, то результаты подобной подготовки становились еще более сомнительными. Кроме того, воздушной фотографии атакуемого участка не было, поэтому более или менее известна была только первая линия, прочие "предполагались". За неимением фотографий позиции, фланкирующие участки не могли быть выяснены и назначены к разрушению, вторая линия первой полосы обороны не могла быть обстреляна, ходы сообщения и пути движения неприятельских резервов оставались также нетронутыми. Видимость окопов с наблюдательных пунктов, как основных, так и передовых была не удовлетворительна. Пристрелка батарей в артиллерийской группе генерал-лейтенанта Закутовского была начата за три дня до начала операции, причем на избранном для прорыва участке было пристреляно около 200 целей, что четко давало противнику понять, где состоится наступление⁵⁷⁹. Причем еще 24 февраля (8 марта) начальник штаба 2-й армии передал Плешкову требование пристрелку вести «ежедневно, постепенно по мере постановки батарей на позицию отдельными орудиями и для каждой батареи в определенное инспектором артиллерии группы время, дабы отнюдь не увеличивать обычного повседневного характера огня, и чтобы батареи не мешали во время пристрелки друг другу». Вообще армейское командование требовало планомерной

⁵⁷⁹ Там же. Л. 80.

организации боевой работы артиллерии, однако, эти требования так и остались благими пожеланиями⁵⁸⁰.

В целом же штаб армии не предпринимал никаких иных шагов по направлению боевой деятельности подчиненных ему артиллерийских частей, в следствие чего приказы оказывались лишь благими пожеланиями. Генерал-майор Беляев, командированный Эвертом в группу, отвел себе лишь роль наблюдателя, заявив, что не он должен был исправлять распоряжения генерала от артиллерии князя Массальского⁵⁸¹ или генерал-лейтенанта Закутовского, а они его, как старшие в чине. Сам же Беляев мог быть, по его личному убеждению, лишь дополнительным докладчиком при главнокомандующем фронтом, если бы тому было угодно пожаловать на артиллерийские позиции и выслушать доклады непосредственных участников перед подготовкой атаки⁵⁸². Не совсем понятно, была ли его позиция продиктована инструкциями, которые он получил в штабе фронте, или же лишь его личными убеждениями, но, в любом случае, очевидно, что Плешков, возглавлявший группу, получил в своих действиях широчайшую независимость.

Не описывая подробно ход операции, обратим пристальное внимание лишь на руководство ею. 8(21) марта Алексеев высказал Эверту недовольству по поводу хода операции: «Государь Император, не почитая возможным давать какие-либо частные указания [по] поводу выполнения плана операции, повелел, однако, сообщить, что результаты войсковой деятельности первых трех дней являются всецело следствием руководства боем начальников-исполнителей, которым были предоставлены более чем достаточные средства»⁵⁸³. В рамках данного исследования не ставится задачи описания всего того сложного комплекса причин, которые привели к провалу наступления 2-й армии, но все

⁵⁸⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 64. Л. 39, 95.

⁵⁸¹ Инспектор артиллерии 1 армейского корпуса.

⁵⁸² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 46.

⁵⁸³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 120.

же оценка начальника штаба Верховного главнокомандующего, хотя и чрезмерно акцентировала внимание лишь на одном аспекте, имела под собой определенную основу, так как командующим группами, как показано выше, давались весьма широкие полномочия.

В тот же день Рагоза прислал Эверту очередную обнадеживающую телеграмму, в которой обобщил неудачи первых дней следующей фразой: «выяснилось, что для овладения укреплениями противника, благодаря их прочности, мерзлomu грунту, наличию фланкирующих уступов, сильно блиндированных блокгаузов и искусному расположению многочисленных заграждений, иногда укрытых за обратными скатами, приходится прилагать огромные усилия». Командующий 2-й армией был доволен и боевой работой артиллерии: «о действиях нашей артиллерии войска и пленные отзываются с похвалой; несмотря на устарелость орудий наших последних тяжелых бригад, непрочность их лафетов и колес ... и на ограниченность, по сравнению с современными требованиями, тяжелых снарядов, артиллерия делает свое дело добросовестно и жалоб не вызывает ни с чьей стороны». Как было показано выше, отнюдь не только износ лафетов давал поводы для беспокойства. Единственное, чего не хватало для достижения успеха, если исходить из текста телеграммы – увеличения числа тяжелых снарядов⁵⁸⁴.

Тем не менее, главнокомандующий Западным фронтом понимал, что ситуация отнюдь не столь однозначна. Еще накануне он просил Рагозу с полной откровенностью донести ему о действиях всех начальствующих лиц до начальников дивизий включительно в группах Плешкова и Балужева. Впрочем, вердикт содержался уже в самом запросе: «вновь, к сожалению, должен обратить ваше (Рагозы – С. С.) внимание на отсутствие должного управления действиями в группах: производя атаку, не подводят своевременно резервов,

⁵⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 64. Л. 39, 95.

вследствие чего не только не в состоянии развить достигнутого успеха, но не в состоянии даже дать возможность удержаться на захваченных позициях, связи нет, контратаки противника на фланги не парируются, а в результате молодецкие стрелковые полки, прорвавшие фронт противника с несомненно большими потерями, вынуждены были отойти, и дело приходится начинать вновь в еще более трудных условиях». Эверт заметил, что, судя по тому, с каким трудом войска овладевают даже передовыми окопами, результаты артиллерийской подготовки неудовлетворительны, артиллерия работает слабо, руководство ее огнем поставлено плохо и снаряды затрачиваются непроизводительно⁵⁸⁵.

Менее чем через сутки, 9(22) марта, в свое следующей телеграмме Рагоза сообщил, что «из переговоров с генералом Плешковым выяснилось, что успех развития операции его группы на фронте Микулишки – Можейки весьма сомнителен, так как благодаря оттепели ... указанный район заболачивается и ныне уже крайне тяжел, а скоро станет и совсем непригодным для действий войск»⁵⁸⁶. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, генерал Плешков предлагал заменить одну организационную импровизацию другой, перенаправив удар на участок Можейки – Дуки, так как он был более сухим и, к тому же, хорошо знаком ему. Рагоза выступал против данного плана, подчеркивая, что указанный участок представлял из себя ряд узких озерных дефиле. При этом решение проблемы командующий 2-й армией видел также в спешной подготовке нового наступления, правда, на участке Черняты – Лотва. Он не верил в успех Плешкова, подчеркивая, что противник подтягивает резервы и артиллерию, а продолжающаяся оттепель делает район действий крайне тяжелым для пребывания войск. Задуманное предприятие казалось Рагозе выгодным, так как было возможно скрытно сосредоточить на данном

⁵⁸⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 75. Л. 64, 70.

⁵⁸⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 64. Л. 237.

участке, пользуясь лесом и местностью, назначенные для атаки части и резервы. При этом прорыв на данном участке мог иметь решительные последствия для противника, угрожая сообщениям части его сил. Всю подготовку генерал планировал закончить за 3 дня⁵⁸⁷.

Подобный подход ярко отражает отношение к подготовке операции, которая, с точки зрения представителей высшего командного состава 2-й армии, могла быть организована за несколько дней. Неудачи же объяснялись внешними факторами, такими, как погода, особенности местности, умелая оборона противника, недостаточное снабжение армии снарядами, изъяны же подготовки не обсуждались, а значит имели весьма высокий шанс повториться вновь. Более того, ставка на внезапность, которой в значительной степени обосновывались оба плана⁵⁸⁸, по сути, означала отказ от планомерной подготовки.

В разговоре с Рагозой в этот же день Эверт высказался против смены направления удара, понимая, вероятно, что это не улучшит положения дел: «крайне не люблю отказываться от начатого дела». Алексей Ермолаевич указал, что Плешков вместо того, чтобы основательно подготовить атаку артиллерией, а затем нанести решительный удар, немедленно развивая успех резервами, начал атаку без надлежащей подготовки, атаковал недостаточно мощным кулаком, несмотря на значительные силы, собранные в его группе.

Главнокомандующий Западным фронтом предлагал дать войскам время для перегруппировки и отдыха, а затем, после основательной артиллерийской подготовки, атаковать. Эверт подчеркнул, что не верит в успех неожиданных атак и более доверяет основательно подготовленным. Но, в то же время, Алексей Ермолаевич не отверг проект командующего 2-й армией полностью,

⁵⁸⁷ Там же. Л. 237–243.

⁵⁸⁸ Там же. Л. 241, 245.

разрешив ему разработать подробно план задуманного им удара⁵⁸⁹.

Пессимистично настроенный по отношению к перспективам развития наступления на фронте группы генерала Плешкова, Алексеев высказал свое «личное мнение» о необходимости вообще отказаться от групповых начальников там, где решается участь операции, и взять командующему армией управление в свои руки. Причем объяснял это пожелание начальник штаба Верховного главнокомандующего не недостатками подобной системы управления вообще, а неимением таких лиц, которые успешно справились бы с задачей. С подобной оценкой был вполне согласен и Эверт, заявив в разговоре с Рагозой, что многих должностных лиц следовало заменить, но раньше их по боевому опыту он не знал, а во время операции назначать новых, незнакомых с составом и в которых тоже не было уверенности – невозможно. Рагоза, казалось бы, также связывал провал наступления группы генерала Плешкова с ошибками командования «как с его личной стороны, так в особенности со стороны его ближайших помощников», но при этом находил невозможным отказаться от установившейся организации боевого управления.

В своей телеграмме Эверту он написал следующее: «со взглядом генерала Алексеева и Вашим относительно групповых начальников, особенно там, где решается участь операции, согласится не могу, как принципиально, так равно по сложившейся обстановке. Нас учили, что мастера военного дела более пяти единицами управлять не могут. Я простой смертный. И имею под своим начальством таковых тринадцать». Рагоза подчеркивал, что образование групп было продумано в период подготовки операции, а отказаться от них в период выполнения операции невозможно, в первую очередь по условиям чисто техническим: чтобы взять на себя управление группой генерала Плешкова, командующий армией должен переехать в район его войск. Это, в свою

⁵⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 75. Л. 81–88.

очередь, нарушит управление армией. Если бы проблемы возникли в группе Балугева, то пришлось бы переехать к нему. Кроме того, Рагоза указывал, что в группе он не будет иметь ни каких органов для управления не только тылового, но даже боевого. Управлять же всеми корпусами из штаба армии было невозможно так как не было достаточных средств связи, возможности общения с войсками и рабочих рук. Даже при организации групп через телеграф в штаб армии приходило до трех тысяч депеш ежедневно. Командующий армией сетовал: «Если мне только треть таких читать, то при семнадцатичасовой непрерывной работе можно на каждую депешу уделить только по одной минуте»⁵⁹⁰.

10(23) марта Эверт, обдумав предложения Плешкова, Рагозы и Алексеева, принял решение вопреки им всем: еще раз попытаться прорваться северной группой 2-й армии. Начальник штаба верховного главнокомандующего одобрил соображения Алексея Ермолаевича, не став настаивать на своем «личном мнении». Решение это не было результатом веры главнокомандующего Западным фронтом в успех группы Плешкова, а принималось из соображения, что отказ от действий на правом фланге армии будет значить и отречение от широкой задачи операции вообще⁵⁹¹. Рагоза направил Плешкову несколько очередных инструкций⁵⁹², надеяться на аккуратное выполнение которых, было сложно. Новая атака, в успех которой не верил никто, даже сам Плешков, ожидаемо не стала успешнее предыдущей. 15(28) марта, по предложению Алексеева и при согласии Эверта, было принято решение свернуть операцию 2-й армии⁵⁹³.

Таким образом, главную роль при подготовке Нарочской операции играло командование 2-й армии. Эверт был убежден, что наступление может быть

⁵⁹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 132; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 75. Л. 124–127.

⁵⁹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 136; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 75. Л. 116–119.

⁵⁹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 64. Л. 280–282, 357–360.

⁵⁹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 179–186.

успешным только при условии планомерной, основательной подготовке. Главнокомандующий Западным фронтом не считал фактор внезапности ключевым. Но при этом он фактически не имел возможности наблюдать за реальным ходом подготовки, доверяя рапортам генерала Рагозы. Деятельность командированного в 4-ю армию генерала Беляева наглядно демонстрирует, что у штаба Западного фронта не было эффективных органов управления на местах.

Для Западного фронта эта операция стала первым опытом штурма серьезно укрепленной полосы противника в условиях позиционной войны. Эта задача требовала выработки новых методов и решений, в том числе управленческих. Командующий 4-й армией, признавая недостатки управления, построенного на организации групп, не видел способа отказаться от них. Генерал Плешков, в свою очередь, вынужден был решать совершенно новую для него задачу – организовывать боевую работу значительной массы компактно сосредоточенной артиллерии. Нарочская операция подтолкнула командование Западного фронта провести значительную работу по систематизации опыта войны.

§ 3. Уроки Нарочи

Еще 5(18) апреля 1915 г. Эверт в приказе войскам 4-й армии высказал, как ему казалось на тот момент, неоспоримую истину: «Война есть экзамен уже сделанному, переучивать поздно, а потому надлежит требовать точного приведения в жизнь действующих уставов и из них особенно полевого. Не подлежит сомнению, что кадровые и боевые офицеры не нуждаются ни в каких указаниях...»⁵⁹⁴. Тогда будущее войны еще виделось не столь туманным, русская армия не пережила Горлицкого прорыва, Великого отступления 1915 г.,

⁵⁹⁴ Цит. по: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии... Т. 4. С. 126.

не развернулась еще на берегах озера Нарочь кровавая трагедия мартовского наступления.

Учиться на чужих ошибках лучше, чем на своих, но при этом важно осознать саму необходимость обучения. К генералу Эверту это понимание пришло только после полного провала операции 2-й армии. Главнокомандующий Западным фронтом телеграфировал своим подчиненным: «Наступление нашей 2-й армии, начавшееся 5(18) марта, не увенчалось успехом, расположение противника нам не удалось прорвать. Между тем, для нанесения решительного удара немцам на фронте группы генералов Плешкова и Балужева нами были сосредоточены значительные превосходные силы с могучей артиллерией, причем войска как огнестрельными, так и прочими запасами были обеспечены в мере возможности широко. Дабы дорого стоящий нам опыт послужил хорошим уроком на будущее время, ... для всестороннего изучения этой операции и составления руководящих указаний, спешно просить всех высших начальников, до начальников дивизий и командиров артиллерийских бригад включительно, сообщить их откровенное мнение о причинах неудачи. При этом желательно преимущественное внимание уделить управлению боем, состоянию войск, артиллерийской подготовке наступления, взаимодействию в разные периоды боя артиллерии и пехоты и отдельных боевых участков между собой, участию резервов в развитии боя и т. д. Считаю долгом обратить особое Ваше внимание на то, что полезность намеченных указаний будет находиться в полной зависимости от того, насколько окажутся верными положенные в основу их Ваши заключения о происшедших событиях...»⁵⁹⁵.

Необходимо помнить, что собственного опыта операций по прорыву вражеского фронта, после перехода войны к ее позиционным формам, русская

⁵⁹⁵ Там же. С. 320.

армия до наступления в районе озера Нарочь имела немного. И все же, многие проблемы должны были обратить на себя внимание еще в ходе наступления Юго-Западного фронта в период с 16(29) по 27 декабря 1915 г. (9 января 1916 г.). Вся подготовка и ход операции свидетельствуют о том, что русская армия к этому времени была мало осведомлена о методах и способах прорыва укрепленных позиций и вообще не знала тех новых приемов борьбы, которые выявились в течение войны.

Следует заметить, однако, что особенностью этой операции являлась предельная ставка на внезапность, которая фактически заменила собой систему необходимых мероприятий, связанных с подготовкой прорыва укрепленной полосы⁵⁹⁶. Таким образом, этот опыт скорее выявлял не дефекты подготовки, а ее отсутствие. Кроме того, многочисленные приказы, директивы, указания и инструкции, подводящие итоги боев, не являлись результатом стремления осознать свои ошибки, а в большинстве своем имели характер сваливания вины «на стрелочника». Разногласия их ярко бросается в глаза, но общей характерной чертой являлось отсутствие вопроса о необходимости переобучить войска и офицерский состав, что, естественно, превращало все эти указания в канцелярские документы: они не были собраны в едином месте, не были изучены и сведены в единый документ. Армия в целом на всех фронтах не знала об этих выводах⁵⁹⁷. Тем не менее, в материалах фронта мне удалось найти упоминание о документе под названием «Краткие выводы из опыта действий артиллерии по австрийским окопам и проволочным заграждениям в декабре 1915 года». Неясно, кем и когда он был составлен, но можно утверждать точно, что командование Западного фронта использовало его при расчете необходимого количества снарядов при подготовке нового наступления⁵⁹⁸. В любом случае, этот документ проливал свет только на ряд технических

⁵⁹⁶ Вольпе А. М. Фронтальный удар... С. 226–227.

⁵⁹⁷ Там же. С. 239, 242.

⁵⁹⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 54. Л. 353–355.

вопросов. Масштабный процесс осмысления проблемы прорыва начался позднее.

Ставка сделала первую серьезную попытку подвести итоги неудавшихся наступательных операций лишь в апреле 1916 года⁵⁹⁹. Так или иначе, можно констатировать, что именно после неудачного наступления русской армии в районе оз. Нарочь запустился масштабный процесс систематизации ошибок, допущенных при организации атак, и выработки соответствующих тактических и стратегических решений на этой основе. При этом немаловажную роль предстояло сыграть в нем Алексею Ермолаевичу и его штабу как непосредственным организаторам наступления 2-й армии в районе оз. Нарочь. Весьма характерно, что параллельно с этим пришло осознание того, что потери могут исчерпать даже русские человеческие ресурсы⁶⁰⁰.

Перейдем к более подробному рассмотрению основных направлений этого процесса и вернемся к телеграмме генерала Эверта, вернее к отклику на нее в войсках. Барсуков привел в своем исследовании заключения нескольких войсковых начальников, которые показались ему наиболее интересными и вдумчивыми⁶⁰¹. Нет никаких оснований не соглашаться с оценками данного автора и повторять те данные, которые были рассмотрены в его работе. Заметим лишь, что большинство выделенных недостатков относилось именно к артиллерийской части, исследованием которой и занимался автор, и, кроме того, из конкретных имен он упоминает только два – генералов Гудима и Ивашенцова. Поэтому данный обзор следует признать неполным, так как он не дает представления о комплексе выводов, сделанных после операции. В данном случае нас интересуют не столько практически полезные указания, сколько развитие теории прорыва укрепленной полосы в целом. Большой интерес в этой связи представляет, например, анализ причин неудачи, составленный самим

⁵⁹⁹ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 270.

⁶⁰⁰ *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. III. С. 79.

⁶⁰¹ *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии... Т. 4. С. 320–322.

генералом Плешковым, к деталям которого стоит обратиться.

Михаил Михайлович высказал мнение, что желательно заблаговременно и детально изучать и подготавливать районы, в которых могут проводиться наступательные операции. Из-за сжатости сроков подготовки Нарочской операции, рекогносцировки проводились спешные, и в результате полной картины получить не удалось. Так, в ходе наступления внутри леса, обнаружилась вторая линия проволочных заграждений и пулеметный блокгауз, откуда обстреливали все подступы.

Далее Плешков указывал на недостатки по артиллерийской части. Отсутствие удобных мест для размещения артиллерии вынудило ее скучить. Сосредоточение значительного количества артиллерии, сложность установки ее на зыбком грунте, отсутствие достаточного числа удобных наблюдательных пунктов, их скученность, огромное число телефонных проводов, идущих по разным направлениям в лесу, очень усложняло управление артиллерией и не давало ей возможности эффективно выполнять поставленные задачи. Из этого Плешков делает вывод, что выбирать место для активной операции необходимо так, чтобы вполне использовать силу артиллерии. Местность впереди должна давать хотя бы некоторые укрытые подступы, где войска могли бы закрепиться и подвести резерв.

Кроме того, не удалось подавить артиллерию противника, затушить его пулеметную, преимущественно фланговую оборону, как по невозможности корректировать стрельбу с наблюдательных пунктов, так и по отдаленности ее для 122 и 152 мм. орудий. 107 мм. орудия же молчали по неимению снарядов с 7(20) по 14(27) марта. Захват первых неприятельских окопов на перешейке исполнен был быстро, но сосредоточенный огонь неприятельской артиллерии задержал подход резервов, которые несли большие потери и не могли продвинуться вперед. Корректирование стрельбы с самолетов также невозможно было осуществить вследствие непрерывной туманной погоды. За все время был лишь один ясный день, когда и вылетали все самолеты. Тяжелая

артиллерия прибывала разновременно, некоторые дивизионы к концу операции, без артиллерийских парков. Не удалось в полной мере наладить взаимодействие пехоты и артиллерии: были случаи преждевременных атак до завершения артиллерийской подготовки.

Касательно тактики действий пехоты генерал указывал, что наступление нельзя ограничивать узким коридором в 3 – 4 версты, так как такая полоса всегда будет пристреливаться перекрестным огнем противника, а вести его в полосе не менее 8 верст или организовать демонстративную атаку фланговых участков. При этом отмечалось, что во время операции резервов было вполне достаточно, даже наличествовал определенный избыток, они были притянуты на близкие дистанции и своевременно передавались соответствующим участковым начальникам, но использовать их, как толчок к развитию наступления, не удавалось.

Войска вступали в бой с высоким нравственным подъемом, но убыль офицеров нарушала управление выдвинувшимися вперед частями, и они теряли свой наступательный импульс. При этом молодой состав войск нуждается в такой артиллерийской подготовке, чтобы они могли продвигаться до намеченных рубежей почти беспрепятственно, почему ограничивать эту подготовку часами является нежелательным, а определять ее действительными результатами⁶⁰².

Таким образом, генерал Плешков акцентирует внимание на нескольких основных аспектах: грамотном выборе и методичной подготовке района операции, тщательной разведке, протяженности фронта атаки, моральном аспекте действий войск, на недостатках организации тыла. В основном же речь идет о несовершенстве боевой работы артиллерии и ее подготовки к операции. Ту же самую тенденцию мы видим и в данных, приведенных Барсуковым.

⁶⁰² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 15–18.

Весьма характерно, что на западном театре войны военная мысль разрывалась в том же направлении. Известный принцип «артиллерия разрушает, пехота наводняет», высказанный в инструкции ген. Жоффра от 16 января 1916 г.⁶⁰³ исходил из той же логики, в рамках которой пехота выполняет подсобные функции.

Для обсуждения вопросов, касающихся действий артиллерии в ходе наступления в районе озера Нарочь, 23 марта (5 апреля) 1916 года в Минске Эвертом было созвано совещание. Его ход можно проследить благодаря отчету полковника генерального штаба Н. А. Кудрявцева, который присутствовал на совещании. Не вдаваясь в детали, остановимся на самых существенных проблемах, которые обсуждались в Минске.

Кудрявцев обратил внимание, что «...у большинства артиллерийских начальников не существует критерия, позволяющего им сказать, какие данные, какие условия должны были быть им предоставлены для того, чтобы сделать возможным продвижение пехоты для занятия неприятельской укрепленной полосы, как в отдельных ее частях, так и для полного прорыва». Это наблюдение наглядно демонстрирует, насколько усложнились задачи, которые ставились перед артиллерией.

Больше всего у пехоты было нареканий в связи с работой тяжелой артиллерии, нормального взаимодействия с которой наладить не удалось, а, между тем, большинство препятствий, встречаемых пехотой – особенно пулеметные блокгаузы, могли быть устранены с пути только при помощи тяжелых снарядов. Не были выработаны способы рациональной организации тяжелой артиллерии, сводимой в группы случайным образом, без возможности общего руководства и без ответственности прямого начальника. Кудрявцев резюмирует свой отчет такими словами: «в общем, полное равнодушие, а

⁶⁰³ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 87.

принимая во внимание большие потери в пехоте – общее бездушие, после 20 месяцев войны».

При подготовке операции офицеры генерального штаба не посещали артиллерийские позиции. Таким образом, общее управление не желало даже наиболее младшими своими представителями лично убедиться, насколько достижима поставленная боевая цель в первом артиллерийском натиске, наиболее важном.

Следует заметить, что уже в этом отчете была высказана идея создания артиллерийского резерва главного командования – прообраза ТАОН, причем даже в более широком масштабе, чем это было осуществлено впоследствии⁶⁰⁴. Полковник предлагал назначить некоторые армейские корпуса и соответствующую массу тяжелой артиллерии разных калибров специально для производства прорывов неприятельских укрепленных полос. Назначение этих частей должно было быть постоянным. При этом предполагалось снабдить их в изобилии необходимым для штурма снаряжением всякого рода, а также провести усиленный курс обучения⁶⁰⁵.

В итоге совещание выявило не только недостатки в подготовке и проведении операции в артиллерийском отношении, но и то, что артиллерия еще не выработала способов и приемов борьбы, требуемых для успешного прорыва укрепленной полосы. Результатом работы штаба Западного фронта над данной проблемой стали «Указания для подготовки действий артиллерии при атаке укрепленных позиций». Их содержание обусловлено теми проблемами, которые были вскрыты в телеграммах старших войсковых и на совещании в Минске. «Указания» глубоко проникнуты идеей необходимости тщательной подготовки прорыва в артиллерийском отношении, последовательной, планомерной боевой работы артиллерии, основанной на

⁶⁰⁴ Создание резерва тяжелой артиллерии — ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения) в русской армии предпринято было в октябре 1916 г.

⁶⁰⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 44–50.

четком управлении артиллерийских начальников. Неслучайно прилагательное «методичный» довольно часто встречается в тексте «Указаний»⁶⁰⁶.

Неверно будет утверждать, что штаб Западного фронта и лично генерал Эверт вдохновлялись исключительно опытом западного театра войны при анализе провала мартовского наступления. Как видно из проведенного выше материала, после мартовской операции шел активный процесс осмысления проблем на собственном примере, но все же очень характерно, что именно методизм стал ответом на проблему прорыва укрепленного фронта противника в позиционной войне. В докладе командующего 2-й французской армией — А. Ф. Петена, поданном после провала атак в Шампани и Артуа, рекомендовалось производить прорыв «методически», несмотря на признание того, что постепенное овладение укрепленными позициями противника влечет за собой огромные потери и позволяет противнику подвести резервы и строить новые укрепления⁶⁰⁷. Считалось возможным без перемены артиллерийских позиций овладеть только первой полосой обороны противника, затем следовала остановка и новая подготовка атаки следующего рубежа. Такой метод прорыва вражеского фронта был официально закреплен во французской армии уже упоминавшейся выше инструкцией ген. Жоффра от 16 января 1916 года⁶⁰⁸. Представляется, что схожесть идей в данном вопросе объясняется не столько опорой на французский опыт, сколько схожими проблемами, которые поставили перед армиями союзников новые реалии позиционной войны. Стремление переложить на артиллерию основную работу при атаке было естественной реакцией на чудовищные безрезультатные потери.

Важно отметить, что опыт не остался лишь достоянием войск Западного фронта. 3(16) апреля 1916 года Эверт докладывал Алексееву о том, что прежде чем утвердить и объявить «Указания» к руководству войсками фронта, проект

⁶⁰⁶ Там же. Л. 165–172.

⁶⁰⁷ Операции 2-й армии в Шампани // Военный зарубежник. 1922, №10-11. С. 575–584.

⁶⁰⁸ *Волье А. М.* Фронтальный удар... С. 87.

был представлен полковому генерал-инспектору артиллерии великому князю Сергею Михайловичу. Он сделал некоторые замечания и высказано пожелание, чтобы его объявление к руководству было отложено до выхода общего наставления, разрабатываемого под его руководством. Вместе с тем, великий князь пожелал иметь «Указания» в качестве материала при разработке общего наставления⁶⁰⁹. В мае 1916 года была издана вторая часть «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы» – «Действия артиллерии», которая и являлась этим общим наставлением по артиллерийской части⁶¹⁰. «Общие указания», как «Указания» Западного фронта, глубоко проникнуты идеей необходимости методичной подготовки прорыва, и в целом трудно найти какие-либо значимые противоречия данных наставлений. Разумеется, «Общие указания» значительнее по объёму, тем не менее их содержание подтверждает, что «Указания» Западного фронта, определенно, послужили материалом для их составления.

Готовясь к новому наступлению, армии Западного фронта, как и русская армия в целом, получили столь необходимые рекомендации для подготовки прорыва по артиллерийской части, аккумулировавшие опыт войны. Следует отметить, что в целом существенных нареканий у такого видного специалиста и исследователя истории русской артиллерии как Барсуков они не вызывали⁶¹¹. При этом важную роль в этом процессе сыграл штаб Западного фронта.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в отношении создания такого же наставления для пехоты. Участие штаба Западного фронта в разработке 1-й части «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы», посвященной взаимодействию всех родов войск, свелось лишь к критике проекта такового, хотя полезность создания подобного рода документа признавалась. Примечательно, что проект наставления был получен фронтом до наступления

⁶⁰⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 165.

⁶¹⁰ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии... Т. 3. С. 197.

⁶¹¹ Там же. С. 281.

в районе озера Нарочь, еще 5(18) февраля он был разослан в войска для ознакомления. Как указывает в телеграмме Алексееву от 30 апреля (13 мая) начальник штаба Западного фронта, после проверки на практике мартовской операцией содержащихся в нем указаний, он преподан к руководству и исполнению⁶¹². Правда, не совсем понятно, как документ, переданный для ознакомления, мог быть проверен на практике.

Критика в основном свелась к недостаткам формы наставления. Указывалось, что оно написано трудным языком с употреблением необычных в практике наших военных сочинений и уставов выражений и слов. При этом проект был составлен без достаточной сортировки материала, отчего указания общего характера были перемешаны с мелкими практическими указаниями. Последних вместе с тем недостаточно и на многие вопросы ответа не было. Одна и та же тема иногда рассматривалась по несколько раз. Отмечались и другие недостатки компоновки материала, на которых нет смысла останавливаться подробнее. Гораздо более важны замечания по сути изложенного, которые позволяют раскрыть взгляд Эверта и его штаба на способы действия пехоты при прорыве укрепленной полосы.

Ими указывалось на необходимость ввести понятие об окончательной цели углубления в неприятельскую позицию и о целях для первых волн (частей, назначенных в голову атаки)⁶¹³. В уже отредактированном варианте «Общих указаний» говорится, что атакующим частям указываются целью какие-либо предметы (рубежи) для последовательного захвата. При этом пространство с окопами и батареями противника, отграничиваемое каждым из таких рубежей, должно быть доступно действию артиллерии, как при подготовке, так и при выполнении атаки, без перемещения большинства батарей⁶¹⁴. То есть фактически наступающий не задается целью прорыва всей глубины обороны с

⁶¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 173, 176 об.

⁶¹³ Там же. Л. 174–174 об.

⁶¹⁴ Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Ч. I. С. 27.

налета.

Что касается боевого порядка, то Эверт выступил против постановки полков в затылок один другому в связи со сложностями управления и снабжения в таком случае⁶¹⁵. Построение полков дивизии в линию использовали, например, французы во время контратак под Верденом 24 октября и 16 декабря 1916 года. По всей видимости оно действительно обладало определенными преимуществами, так французы до конца войны придерживались именно его⁶¹⁶. 2-е издание «Общих указаний» обходит вопрос боевого порядка дивизии, лишь указывая ей фронт наступления в 1 – 2 версты по фронту⁶¹⁷.

При этом штаб Западного фронта подчеркивал, что для атаки надо сразу же назначать максимум сил и лишь минимум держать в резерве⁶¹⁸. При этом не определялся четко необходимый перевес сил, как, например, в упоминавшемся докладе Петена – 3 к 1⁶¹⁹. Залегать пехоте во время атаки не рекомендовалось. В итоге из «Общих указаний» этот пункт исчез. При этом отмечалось, что при успехе части, находящиеся под впечатлением от него, устраиваются очень скоро, а потому отводить их в тыл не следует. Прибегать к смене частей рекомендовалось при действительной необходимости⁶²⁰.

Было использовано и новаторское предложение штаба Западного фронта вести разведку боем для проверки эффективности артиллерийской подготовки⁶²¹. В телеграмме штаба Западного фронта указывалось, что дозоры разведчиков для этой цели неэффективны, поэтому нужна более сильная разведка, т.е. движение в атаку, но редкими цепями и без поддержек. При этом ход такой разведки должен наблюдаться лично командирами полков и

⁶¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 174 об. – 175.

⁶¹⁶ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 87, 180.

⁶¹⁷ Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Ч. I. С. 43.

⁶¹⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 175.

⁶¹⁹ Операции 2-й армии в Шампани // Военный зарубежник. 1922, №10-11. С. 583.

⁶²⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 175–176.

⁶²¹ Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Ч. I. С. 43.

предусматриваться заблаговременно распоряжениями старших начальников.

Особое внимание Эверта, как и в случае разработки наставления для артиллерии, привлекал вопрос взаимодействия родов войск. Рекомендовалось включить требование о том, чтобы в период подготовки начальники общевойсковые и артиллерийские, начиная от командиров полков и дивизионов и выше, располагались совместно, однако сделано этого не было⁶²². Предложения же штаба Западного фронта яснее провести мысль, что легкая артиллерия, соответственно установленная и управляемая, может и должна вести огонь по окопам противника почти до перехода в штыковую атаку, и переносить огонь планомерно, сосредотачиваясь на подступах, были реализованы⁶²³. Вопрос о передовом наблюдении не был разработан в «Общих указаниях» так подробно, как рекомендовалось штабом Западного фронта. Указывалось на необходимость, кроме батарейного наблюдения (т.е. для каждой батареи), иметь еще участковое (т.е. для всех батарей, стреляющих по данному участку). А затем для стрельбы по целям, указываемым пехотой, надо иметь при полках, может быть батальонах, передовых наблюдателей, связанных с начальниками участков войсковой артиллерии⁶²⁴.

В конечном счете критика «Общих указаний» свелась к отдельным техническим вопросам, пусть и весьма значимым. Наставлением утверждалась идея методичной подготовки прорыва, но этот методизм был односторонним и относился в первую очередь к артиллерийской подготовке и сопровождению атаки, в то время как действиям пехоты уделялось гораздо меньше внимания. Неслучайно «Общие указания» даже в первой части, посвященной взаимодействию разных родов войск, дают больше чисто практических указаний именно для артиллерии и это с учетом того, что 2-я часть наставления посвящена исключительно этим вопросам.

⁶²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 175. – 175 об.

⁶²³ Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Ч. I. С. 35.

⁶²⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 175 об. – 176.

Штабы армий, входивших в состав Западного фронта, в большинстве своем выступили за коренную переработку проекта. 1-я армия высказалась наиболее резко, указывая, что наставление непригодно для войск, которым нужны не мысли, а ясно изложенные практические указания⁶²⁵. Действительно, первая часть «Общих указаний» явно не годились на роль подробной инструкции, создается впечатление, что они составлялась скорее для старших начальников, которым не всегда необходимо вникать в технические детали исполнения их приказов.

В немецкой инструкции «Из опыта войны по укреплению полевых позиций 1915г.», изданной в июне 1915 г., требовалось строить не менее двух укрепленных позиций. Расстояние между позициями устанавливалось в зависимости от местных условий и обстановки с тем, чтобы одновременная атака обеих позиций была невозможна, а для атаки второй позиции потребовалась бы организация совершенно новой атаки и переезд артиллерии на новые позиции⁶²⁶. Соответственно для прорыва требовалось преодолеть обе полосы, но вопрос о том, как это сделать технически, не разрабатывался подробно ни штабом фронта, ни штабами армий, ни полковником Кудрявцевым, который стал автором «Общих указаний». Последние упоминают об этой проблеме, но все рекомендации в этом отношении сводятся к предварительному выбору артиллерийских наблюдательных пунктов и путей подвоза артиллерии, сокращенному порядку подготовки (правда в чем именно – не уточняется) и подвода глубоких резервов, организации перемешанных и смене утомленных частей⁶²⁷. Проблемы неизбежной потери внезапности, подвода резервов противника к атакованному участку и возможных работ по дополнительному его укреплению вставляли при подобном способе действий в полный рост.

⁶²⁵ Там же. Л. 244.

⁶²⁶ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 312.

⁶²⁷ Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Ч. I. С. 3, 60–61.

Таким образом, после провала Нарочской операции высшее военное командование русской армии осознало необходимость анализа опыта войны с целью выработки эффективных способов прорыва укрепленных полос противника. Этот процесс шел на уровне Ставки и Западного фронта параллельно, а результаты этой работы оказались идентичными. Во многом это связано с тем, что Эверт принял самое активное участие в разработке «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы».

Командование Западного фронта пришло к заключению, что артиллерия играет в наступлении ключевую роль. Мера подготовки артиллерии в общем определяла собой меру возможностей для пехоты. При таком подходе наступательные операции понимались как ряд последовательных действий, имеющих целью захват части пространства, занимаемого неприятелем, на котором артиллерия может уничтожить препятствия для движения пехоты. Поэтому в принципе при наступлении каждый маневр должен иметь целью захват одной укрепленной полосы неприятельских позиций. Данная мысль была высказана Эвертом еще в период подготовки Нарочской операции в феврале 1916 г., но оформилась в целостную систему и получила формальное воплощение виде инструкции лишь после ее окончания. Весьма слабо с теоретической точки зрения был проработан вопрос штурма второй и последующих укрепленных полос противника. Порядок ускоренной подготовки наступления не разработан был. С учетом того, что ключевым фактором успеха авторами концепции считалась основательная, планомерная организация наступления, этот факт представляется крайне важным.

При этом представление о методе прорыва обороны противника перед новым наступлением на Западном фронте совпадало с таковым у французов. Впрочем, по другую сторону фронта в 1916 году действовали тем же

способом⁶²⁸.

Такое наступление не могло быть стремительным, требовало значительных материальных средств и при наличии у противника свободных резервов вырождалось в борьбу на истощение, как это случилось под Верденом и на Сомме. Главный вопрос состоит в том, насколько русская армия была готова к подобному способу действий. Для того, чтобы дать на него ответ, рассмотрим, насколько полно Западный фронт был обеспечен пополнениями, винтовками, артиллерией и снарядами. Эти важнейшие параметры вполне отражают боевые возможности фронта в материальном измерении.

§ 4. Вопросы снабжения

Автор не стремится описать колоссальный механизм взаимоотношений тыла и фронта. Цель данного параграфа выяснить, насколько Эверт был реально вовлечен в управление огромным хозяйственным аппаратом фронта, а также обозначить ключевые решения в этой сфере, принятые им или при его непосредственном участии.

Полевое управление главнокомандующего армиями фронта состояло из штаба, ведавшего вопросами оперативного характера, и управлений, подчиненных главному начальнику снабжений армий фронта, через которые осуществлялись намерения и распоряжения главнокомандующего административно-хозяйственного характера. «Положение о полевом управлении войск в военное время» устанавливало, что главный начальник снабжений армий фронта подчинялся непосредственно начальнику штаба фронта, как бы оберегая главнокомандующего от излишнего бюрократического бремени⁶²⁹.

⁶²⁸ Строчков А.А. Вооруженные силы и военное искусство... С. 363.

⁶²⁹ Положение о полевом управлении войск в военное время. С. 11–13, 18.

Эверт принял командование фронтом в тяжелое время. В августе 1915 г. Великое отступление русской армии продолжалось, ресурсы, которыми обладал фронт, были весьма ограничены. Некомплект нижних чинов пехоты в частях Западного фронта к 7(20) сентября 1915 г. составлял 604 317 человек, практически вдвое превышая наличное число штыков – 369 812⁶³⁰. Главным препятствием для восполнения убыли в армиях фронта был не недостаток пополнений, а острый дефицит винтовок. К 19 октября (1 ноября) 1915 г. некомплект нижних чинов практически сравнялся с недостачей винтовок, равнясь 480 595 и 478 993 соответственно. Более того, в армиях фронта появился определенный переизбыток безоружных нижних чинов, так в 10-й армии таковых было 22 582, а в 4-й – 11 526⁶³¹.

Заметим, что войска в значительной степени вооружались винтовками разных систем и устаревшими образцами. По состоянию на 28 ноября (11 декабря) 1915 г. числилось 63 929 японских, 58 866 австрийских, 4 406 германских, 8 035 американских и 68 383 берданки⁶³². Подобного рода оружием были вооружены около четверти всего личного состава фронта.

К 30 ноября (13 декабря) 1915 г. некомплект нижних чинов снизился на 323 652 чел. Но при этом в строй встало всего лишь 90 784 чел., число безоружных достигло колоссальной цифры – 233 967 человек⁶³³. В начале декабря фронту была обещана поставка трехлинейных винтовок в размере 255 000 штук, а также 100 000 винтовок Гра. По состоянию на 4(17) января было получено или находилось в дороге 130 000 винтовок, а также 50 000 французских. Эверт в личном письме просил Алексеева ускорить поставки, рассчитывая получить винтовки в полном объеме не позже конца января⁶³⁴. В

⁶³⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 32. Л. 364–367.

⁶³¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 10–14 об.

⁶³² Там же. Л. 119–123 об.

⁶³³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 37. Л. 196–199 об.

⁶³⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 75–75 об.

общей сложности к 14(27) января на фронте не хватало 166 000 тысяч ружей для боевых частей. Кроме того, чтобы заменить все берданки, японские, австрийские и германские ружья, вооружить ополчение и снабдить запасные батальоны не хватало 167 000 стволов. Для этой цели планировалось использовать винтовки Гра. 72 млн. винтовочных патронов не хватало до штата⁶³⁵. Если сравнить это число с предполагаемыми поставками боеприпасов в армии фронта, а именно 29 млн. патронов в январе и 34 млн. феврале, то следует признать подобный комплект весьма значительным⁶³⁶.

Одной из мер для скорого восстановления боеспособности армий фронта в условиях дефицита винтовок было создание так называемых «гренадерских» взводов в каждой строевой роте стрелковых полков. Личный состав этих взводов снабжали ручными гранатами и имеющимся в наличии холодным оружием – шашками, тесаками или топорами. Мера эта была разработана Ставкой и доведена до командования фронтом 9(22) октября 1915 г.⁶³⁷

Эверт активно участвовал в разработке данного распоряжения, внося в первоначальный проект существенные коррективы⁶³⁸. В делопроизводственных бумагах штаба фронта сохранился неотправленный в армии приказ, в котором разъяснялось, что формирование гренадерских взводов есть временная мера. Резолюция на нем позволяет понять, что уже в ноябре 1915 года появилась идея, которая, по-видимому, принадлежала именно Эверту: оставить гренадерские взводы в ротах на постоянной основе. Тем более, эти наспех создаваемые формирования постепенно стали обретать упорядоченную форму.

Главнокомандующий Западным фронтом предлагал смотреть на гренадер, как «на ближайшее обученное и воински воспитанное

⁶³⁵ Там же. Л. 242.

⁶³⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 40. Л. 103.

⁶³⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 33. Л. 108.

⁶³⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 21–23.

укомплектование, находящееся под рукой даже во время боя, и лишь в особых случаях они могут найти применение бою [а] именно когда они будут скрытно подведены к сблизившимся с противником боевым частям, примут участие в последней атаке»⁶³⁹. Эверт не верил, что русская армия в ближайшее время сможет окончательно побороть недостаток в винтовках, а значит, как он полагал, и не отпадет надобность в гренадерах, вооруженных холодным оружием и гранатами⁶⁴⁰.

Данная проблема остро ощущалась Эвертом, в конце февраля он приказал войска проявить «особенно тщательную заботливость» в сборе ружей и ружейных патронов от убитых и раненых. Корпусным командиром надлежало проверить состояние этого дела и принять меры к улучшению его организации. В последствии эти приказания не раз повторялись. В ходе Нарочской операции Эверт несколько раз требовал отчет у своих подчиненных о состоянии дела сбора винтовок, подчеркнув, что это имеет особенное значение для пополнения корпусов, понесших потери. Генерал Рагоза даже был довольно жестко раскритикован главнокомандующим Западным фронтом за нерадивость в этом вопросе. Алексей Ермолаевич потребовал виновных в небрежном отношении к делу сбора винтовок подвергать строжайшим взысканиям вплоть до отрешения от должностей⁶⁴¹.

В феврале ситуация с пополнением живой силой была настолько хороша, что Эверт требовал до конца месяца, чтобы запас нижних чинов в армиях доводился до четверти сверх положенных в армии по штату (строевых частей), независимо от числа имевшихся винтовок. Этот сверхкомплект предназначался для немедленного пополнения убыли во время боя⁶⁴².

⁶³⁹ Там же. Л. 309–309 об.

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 23, 76; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 264.

⁶⁴² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 20–21.

Перед началом Нарочской операции Эверт затребовал дополнительно 140 000 000 винтовочных патронов для доведения их до 254 на ствол, учитывая возможный расход⁶⁴³. Реалии мартовского наступления показали, что этот расчет оказался преувеличенным⁶⁴⁴. Но при этом из запланированного фронт получил с 1(14) по 10(23) марта – 15 000 000 винтовочных патронов, а с 10(23) по 15(28) марта еще 12 000 000⁶⁴⁵, то есть около 18% от намеченного.

После окончания Нарочской операции, потрепанные боем корпуса приказано было спешно укомплектовать, создав сверхштатный запас нижних чинов до 25% при частях. В рамках подготовки наступления на Вильно такой новой мерой стало создание запасов укомплектований на армейском уровне в 4-й и 10-й. Эверт распорядился в армейских запасах поддерживать строгую дисциплину и вести обучение личного состава⁶⁴⁶.

Привести эти меры в жизнь не удалось. По состоянию на 3(16) июня в корпусных запасных батальонах было не более 60 000 человек на всем Западном фронте. С точки зрения Эверта, это количество не могло обеспечить потребности даже одних ударных армий. ГУГШ находило исчисленные фронтом нормы «нескромными и неэкономными», но Алексей Ермолаевич указывал, что они определены в зависимости от интенсивности ожидаемых боев и на основе опыта войны. Актуальность 25% запаса укомплектований при частях подтверждалась еще и тем фактом, что во время боя сведения о потерях не всегда вовремя сообщались в штаб фронта⁶⁴⁷.

В общей сложности на 26 корпусов фронта по состоянию на 1(14) ноября 1915 г. приходилось 50 батарей тяжелой полевой и крепостной артиллерии, не считая скромного фронтового резерва. Причем 7 из них находились в починке.

⁶⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 390.

⁶⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 73.

⁶⁴⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 850. Л. 73–73 об.

⁶⁴⁶ Там же. Л. 198–199.

⁶⁴⁷ Там же. Л. 338–340, 432–433.

На ведомости тяжелой артиллерии, выдвинутой на позиции, рукой Эверта нанесены краткие комментарии: «слабо», «можно исправить»⁶⁴⁸.

Алексей Ермолаевич проявлял повышенное внимание к этому вопросу. Это было вполне объяснимо, особенно учитывая тот факт, что в том же месяце Эверт получил новую, более детальную сводку количества артиллерийских орудий, которая перечеркнула данные прошлой. Многие батареи состояли только из одного орудия, некоторые не имели таковых вовсе, хотя учитывались в ведомости от 1(14) ноября. Всего на позициях Западного фронта, который выделялся среди других самой большой протяженностью – около 500 верст, имелось всего лишь 17 107 мм. скорострельных орудий, 58 152 мм. полевых гаубиц, 81 152 мм. крепостная гаубица, 10 122 мм. скорострельных пушек и 2 105 мм. японские пушки. Всего 168 тяжелых орудий, среди которых не было калибров, превышающих 152 мм.⁶⁴⁹ Для сравнения сходное количество артиллерии – 159 тяжелых орудий было собрано германо-австрийским командованием для прорыва под Горлице – Тарновым 18 апреля (1 мая) 1915 г.⁶⁵⁰ Ключевое различие кроется в том, что для Западного фронта не мыслимо было сосредоточение всей его тяжелой артиллерии в одной точке. Кроме того, противник располагал и более внушительной огневой мощью – 210 и 305 мм. гаубицами⁶⁵¹.

Поставки легких орудий также были не столь интенсивными, как это планировалось. 20 ноября (3 декабря) 1915 г. дежурный генерал при верховном главнокомандующем П. К. Кондзеровский отправил начальнику Г.А.У. А. А. Маниковскому телеграмму, в которой отметил, что за истекший период ноября армией было получено всего 34 новых 76 мм. орудия вместо 200 – 240 запланированных. Западному фронту полагалось выделить две трети поставок,

⁶⁴⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 35. Л. 117–118.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 506–508.

⁶⁵⁰ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 295.

⁶⁵¹ *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. II. С. 68.

то есть около 135 – 160 орудий. Ремонт орудий также шел не теми темпами, на которые указывал сам Маниковский в начале ноября. За первые 2 недели ноября Западный фронт получил 34 отремонтированных орудия вместо 120 – 150 ожидаемых. Кондзеровский подчеркнул, что после активных боевых действий фронт находился в особенно тяжелом положении в отношении числа неисправных орудий⁶⁵².

Западный фронт подходил к началу кампании 1916 г. фактически с теми же силами в отношении тяжелой артиллерии, с какими закончил прошлый, весьма изнурительный для русской армии год. При этом выросло количество орудий, находящихся в ремонте⁶⁵³. Засчет этого и дальнейшего увеличения артиллерийского резерва фронта плотность тяжелых орудий в обороне составляла 1 орудие на 4 километра.

Для усиления артиллерийского могущества перед наступлением в районе оз. Нарочь фронту была обещана бригада тяжелой артиллерии⁶⁵⁴. Но Эверт считал это недостаточным, прося у Ставки вернуть с Юго-Западного два дивизиона тяжелой артиллерии, а также рассчитывал получить что-либо из вновь формируемых артиллерийских частей⁶⁵⁵.

Фронт получил 7-ю тяжелую артиллерийскую бригаду, вооруженную, однако, орудиями устаревших образцов, а также 16-й отдельный тяжелый дивизион. Благодаря этому, тяжелых орудий на фронте возросло до 141 (124 гаубицы и 17 пушек). Но на направлении главного удара к 18 февраля (2 марта) Алексей Ермолаевич считал возможным сосредоточить лишь 40 гаубиц и 8 пушек⁶⁵⁶.

⁶⁵² РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 36. Л. 43–44.

⁶⁵³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 45–47.

⁶⁵⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 38. Л. 75 об.

⁶⁵⁵ Там же. Л. 242.

⁶⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 338.

Разумеется, главнокомандующий Западным фронтом считал недостаточным количество тяжелой артиллерии, сосредоточенной для прорыва. Он заявил о настоятельной необходимости высылки дополнительных тяжелых батарей, особенно 107 мм. орудий, и вновь ходатайствовал о возвращении артиллерийских частей с Юго-Западного фронта. Эверт просил соседний фронт временно предоставить одну тяжелую артиллерийскую бригаду, сверх 10-й, которая уже была обещана, но еще не выслана. Также главнокомандующий Западным фронтом обратил внимание на то, что в тяжелых дивизионах значительное количество орудий находилось починке и просил ускорить этот процесс⁶⁵⁷. Усилия главнокомандующего возымели эффект, так как к началу Нарочской операции мощь тяжелой артиллерии фронта существенно возросла.

Согласно отчету о действиях артиллерии во время Нарочской операции, составленном полевым генерал-инспектором артиллерии великим князем Сергей Михайловичем, во 2-й армии во время операции состояло: 122 мм. гаубиц – 132, 152 мм. гаубиц – 71, 152 мм. пушек в 120 пд. – 36, 107 мм. пушек обр. 77 г. – 24, 107 мм. скорострельных пушек – 8⁶⁵⁸.

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что штаб Западного фронта иначе подходил к подсчету тяжелой артиллерии. В сводки тяжелой артиллерии, выдвинутой на позиции, не включались 122 мм. гаубицы, также и Эверт, запрашивая дополнительные орудия для наступления в середине февраля, очевидно, не учитывал данный калибр. Вероятно, фронтовое командование считало их могущество недостаточным для того, чтобы сыграть решающую роль в деле прорыва позиций противника.

Если же сравнить количество тяжелых орудий (без 122 мм. гаубиц) с тем, которое фронт имел возможность задействовать в середине февраля, то оно выросло по гаубицам в 1,8 раза, а по пушкам в 7 раз. Следует заметить, однако,

⁶⁵⁷ Там же.

⁶⁵⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 72 об.

что некоторые артиллерийские части прибыли с запозданием, что помешало подготовке операции. Так 10 артиллерийская тяжелая бригада прибыла частично вечером 3(16) марта, окончательно же на следующий день. Это привело к тому, что телефонная связь была закончена только утром в первый день боя, личный состав не успел ознакомиться с местностью и окопами. Одна 152 мм. батарея осталась не пристрелянной совершенно и стреляла "по тылам", а другая батарея пристреливалась спешно на рассвете, когда подготовка удара уже началась⁶⁵⁹. Кроме того, артиллерийские системы устаревших образцов, которыми была вооружена бригада, отличались низкой степенью надежности. За 3 дня операции сломалось 6 лафетов⁶⁶⁰.

23 февраля (7 марта) Эверт представил в Ставку расчет количества боеприпасов, необходимых для наступления. Для выполнения предполагаемой операции, сверх имеющегося запаса снарядов в армиях, при ежедневном расходе по 200 выстрелов на 76 мм. скорострельную, 7 мм. горную и легкую японскую пушки, по 100 снарядов на 122 мм. полевую гаубицу и 50 снарядов на 152 мм. крепостные и полевые гаубицы и 107 мм. скорострельную пушку, по подсчетам Эверта фронту требовалось артиллерийских парков: 76 легких, 18 мортирных, 10 – 152 мм. полевых и крепостных гаубичных, по 2 – 107 мм. для легких японских и горных орудий. Учитывая то, что в конце операции необходимо было иметь хотя бы только возимый запас снарядов в батареях и парковых частях, то всего фронт хотел получить 107 легких, 27 мортирных, 18 гаубичных 152 мм. дюймовых крепостных и полевых, 5 – 107 мм. и по 3 для японских и горных орудий⁶⁶¹. Расчет этот производился не исходя из количества снарядов, требуемого для разрушения искусственных препятствий атакуемых участков неприятельской позиции и опорных пунктов, а

⁶⁵⁹ Там же. Л. 75.

⁶⁶⁰ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 52–53.

⁶⁶¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 53. Л. 388–390.

механически, основываясь на том предположении, что бои будут продолжаться на одних участках 10 дней, а в других от 2 до 5 дней⁶⁶².

По итогам самой операции оказалось, что расчет этот оказался преувеличенным по отношению к 76 мм. легким снарядам и ошибочным в меньшую сторону по числу выстрелов к тяжелым гаубицам 152 мм. и 107 мм. орудиям. При этом именно от работы тяжелой артиллерии по наблюдениям войск зависел успех атаки. Норма выдачи тяжелых снарядов была настолько низкой по сравнению с требованиями войск, что командование одной из групп донесло о недоставке своевременно снарядов в склад боеприпасов. На самом деле снаряды были доставлены в срок, но были расстреляны настолько быстро, что создалась иллюзия их отсутствия⁶⁶³.

Учитывал ли штаб Западного фронта возможности тыла при составлении этих расчетов? В архиве мне удалось обнаружить документ, подписанный начальника артиллерийских снабжений армий Западного фронта. Очевидно, что он составлен в ноябре 1915 г. или немного раньше. Он содержит данные о перспективах снабжения русской армии техническими средствами, в частности орудиями и снарядами. Подобного рода информацию штаб фронта мог получить лишь в Ставке.

Предполагалось дойти до высылки на фронты ежемесячно 80 легких парков, при численности каждого парка в 30 000 снарядов. Учитывая все орудия, это давало по 500 выстрелов на ствол. Та же пропорция для горных орудий составляла 10 / 20 000 / 600, для мортирных 20 / 10 000 / 400, для 107 мм. орудий 10 / 5 000 / 500, для 152 мм. полевых 15 / 5 000 / 375, для 152 мм. крепостных 7 / 5 000 / 375. Документ содержал приписку, что момент начала высылки указанного количества парков будет определен в самом

⁶⁶² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 72 об.

⁶⁶³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 73–73 об.; РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 52–53, 269–270.

непродолжительном времени⁶⁶⁴. Не исключено, что именно эти цифры давали штабу Западного фронта представление о возможностях военной промышленности империи. Ведь при составлении расчета не было проведено предварительных совещаний по этому поводу⁶⁶⁵.

Таким образом, мы можем получить отношение количества затребованных артиллерийских парков к запланированным объемам производства. Для легких эта пропорция равна 1,33, горных 0,3, мортирных 1,35, для 107 мм. 0,5, для тяжелых гаубиц 0,78. Из этого следует, что главнокомандующий Западным фронтом, несмотря на значительность количества запрашиваемых снарядов в абсолютном отношении, рассчитывал получить не более чем производящиеся примерно за 40 дней количество легких снарядов и снарядов для 107 мм. орудий. По остальным категориям требования были существенно меньше. С учетом того, что фронт наносил главный удар, который предполагал дальнейшее развитие операции, эти цифры не выглядят фантастическими.

Но все же вызывает удивление, что расчет боевых припасов, представленный Эвертом, не был сообразован с имевшимися средствами. Да, штаб фронта мог опираться на ранее полученные сведения, но, во-первых, они были получены давно, и ситуация могла измениться, а во-вторых, Нарочская операция подготавливалась продолжительное время, что позволяло решить этот вопрос наверняка.

Так как подсчет был выполнен за две недели до начала выступления, по всей видимости, Эверт рассчитывал получить накопленные Ставкой запасы. Но состояние запасов в резерве Верховного главнокомандующего позволило удовлетворить эти требования далеко не в полной мере, и Западному фронту вместо просимого было назначено лишь: с 1(14) по 10(23) марта – легких

⁶⁶⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 40. Л. 102–102 об.

⁶⁶⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 509. Л. 72 об.

парков 45, мортирных 2, 152 мм. крепостной гаубичный 1, 152 мм. полевой гаубичный 1, японских 2, горных 2, а с 10(23) по 15(28) марта еще 8 – 10 легких парков⁶⁶⁶. Таким образом, на Западный фронт, который планировал получить указанное количество снарядов до начала наступления, уже в ходе операции было доставлено от затребованного количества, 76 мм. снарядов – 51%, мортирных – 7%, 152 мм. гаубичных крепостных и полевых – 11%, 107 мм. – 0%, для японских и горных орудий на 67%. Впоследствии, уже во время наступления на Барановичи, Эверт охарактеризует количество отпускаемых Ставкой тяжелых снарядов как «ничтожное»⁶⁶⁷.

В ходе Нарочской операции Эверт принимал меры для экономии снарядов. 8(21) марта он предупредил командующего 2-ой армией, что пока начальник артиллерийских снабжений армий Западного фронта не получит сведений о расходе снарядов, он не будет отпускать новых артиллерийских парков⁶⁶⁸. Подобные меры, однако, не могли решительно изменить ситуацию.

Проблема обеспечения артиллерии снарядами нового наступления встала остро уже на совещании 1(14) апреля в Могилеве. Алексей Ермолаевич представил на нем приблизительные цифры потребности снарядов, исходя из того, что операция потребует около 20 дней, а в день средний расход составит по 200 – 76 мм., 100 – 122 мм. и 50 тяжелых снарядов на орудие⁶⁶⁹. Он полностью повторяли нормы, выработанные «на глазок» в ходе подготовки Нарочской операции. Эверт запросил 106 легких парков, 29 гаубичных, 7 – 152 мм. полевых, 8 – 152 мм. крепостных, 10 – 152 мм. в 120 пудов и 6 – 42 линейных крепостных, то есть в общей сложности 31 тяжелый парк. Если сравнить эти расчеты с цифрами, представленными в феврале, то главнокомандующий Западным просил практически столько же легких

⁶⁶⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 850. Л. 73–73 об.

⁶⁶⁷ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 41. Л. 462.

⁶⁶⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 850. Л. 70.

⁶⁶⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 54. Л. 354.

снарядов, но на 62% больше снарядов для 122 мм. гаубиц и на 54% больше тяжелых.

При этом Генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович заявил, что требования Западного фронта в отношении тяжелых и гаубичных удовлетворить не удастся, и можно рассчитывать на крайне ограниченное их число⁶⁷⁰.

Рост количества запрошенных снарядов в абсолютном отношении связан с ростом огневой мощи фронта. В общей сложности для наступления на Вильно к началу лета было сосредоточено легких орудий – 784, горных – 48, гаубичных – 127, тяжелых – 277⁶⁷¹. По сравнению с Нарочской операцией количество 122 мм. гаубиц незначительно уменьшилось, а тяжелых выросло практически в 2 раза. Коррекция пропорции запрошенных 122 мм. снарядов относительно общего количества орудий, связано, по всей видимости, с анализом опыта Нарочской операции.

Весьма примечательно, что высшее военное командование русской армии при подготовке нового наступления вопрос о качестве артиллерийского кулака, собираемого для удара, не волновал. Во всяком случае, в переписке между Ставкой и Западным фронтом этот вопрос не поднимается. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что для наступления на Вильно планировалось использовать всего лишь 2 орудия калибром более 152 мм. (280-мм.) и 15 легких орудий сопровождения пехоты (37-мм. пушек Гочкиса)⁶⁷². К примеру, на Сомме в составе английской артиллерии было 117 орудий большой мощности⁶⁷³, а французы к началу операции успели придать каждому

⁶⁷⁰ Там же. Л. 353–354.

⁶⁷¹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 152. Л. 139, 150

⁶⁷² Там же. Л. 160.

⁶⁷³ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 371.

пехотному полку одну 4-х орудийную батарею 37 мм. орудий сопровождения⁶⁷⁴.

Таким образом, Эверт хотел иметь в своем распоряжении примерно 3 328 000 легких снарядов, 254 000 гаубичных и 277 000 тяжелых. Для сравнения, для операции на Сомме французы заготовили снарядов только для 75 мм. орудий до 6 млн., то есть столько, сколько было их у всей французской армии перед началом войны⁶⁷⁵. Речь, безусловно, шла об огромном количестве снарядов, но все же аппетиты были значительно умереннее, чем на западном театре. Другой вопрос заключается в том, сколько снарядов могла дать фронту военная промышленность Российской империи.

Так как расчет снарядов, представленный Эвертом на совещании, был только приблизительным, главнокомандующий Западным фронтом по возвращении в Минск приказал определить количество снарядов, основываясь на "Кратких выводах из опыта действий артиллерии по австрийским окопам и проволочным заграждениям в декабре 1915 года", причем было указано проволочные заграждения разрушать исключительно легкими снарядами, образуя 8 проходов на дивизию по 20 сажень каждый. Расчет, составленный на этих основаниях, не только не оказался меньше доложенного в Могилеве, но даже значительно его превосходил, в особенности в отношении 122 и 152 мм. бомб.

В связи с этим Эверт просил Алексеева о принятии самых энергичных мер к увеличению притока снарядов вообще и 152 мм. в особенности, доведении гранат до 50% общего состава всех просимых легких снарядов. Он располагал информацией, что планировалось подать в войска 23 парка 122 мм. и 25 парков 152 мм. дюймовых полевых снарядов и он просил полностью

⁶⁷⁴ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 96.

⁶⁷⁵ *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 371.

отправить их на Западный фронт, как наносящий главный удар⁶⁷⁶. Не совсем понятно, откуда были взяты эти цифры, но в целом они давали надежду практически полностью удовлетворить потребность в тяжелых снарядах и частично в гаубичных.

Сообщая расчеты главнокомандующего Западным фронтом Д.С. Шуваеву, Алексеев подчеркивал, что не считает их преувеличенными. Для сравнения он приводил данные, что французы «считают возможным начать наступление только тогда, когда количество выстрелов будет ими доведено»: для полевой пушки по 4200 на орудие, 90 мм. – 1700, 105 мм. – 2000, 95 мм – 2000, 120 мм. – 1700, 155-мм. – 1700, 220-мм. – 1100, для более крупных калибров – 600, при этом в этот расчет не входят снаряды, которые усиленно будут изготавливаться в период самой операции⁶⁷⁷.

В начале мая Эверт в приказе №13803 докладывал, что согласно полученного из управления полевого генерал-инспектора артиллерии расчета, количество снарядов, на которое можно было рассчитывать до 1(14) июня, было значительно меньше запланированного и, в отношении тяжелых снарядов, составляло всего около 1/10 испрашиваемого количества, а в отношении легких не многим более половины. Алексей Ермолаевич апеллировал к опыту, указывая, что в группе генерала Балужева, где артиллерия имела в самом начале Нарочской операции определенные цели и задачи, в течение 5(18) марта было израсходовано в среднем почти в 3 раза больше снарядов, чем было взято в расчет. Хотя в течение первого дня операции снарядов был потрачено особенно много, 7(20) и 9(22) расход 152 мм. полевых снарядов также превышал норму⁶⁷⁸. То есть не удавалось достигнуть даже планируемых цифр, которые,

⁶⁷⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 54. Л. 353–355.

⁶⁷⁷ Там же. Л. 517–517 об.

⁶⁷⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 55. Л. 174 об. – 175.

как показывает опыт мартовского наступления, могли оказаться в ходе операции недостаточными.

Еще 17(30) апреля Алексеев отправил генералу П. По – представителю Франции при Ставке верховного главнокомандующего телеграмму, в которой указывал, что время выполнения намеченного наступления придется отсрочить, по сравнению с предшествовавшими соображениями, до конца мая, а, может быть, и до конца июня старого стиля, в виду ряда причин, в частности, одной из них выступала необходимость накопления мортирных и тяжелых снарядов⁶⁷⁹. Но отсрочить наступление и накопить достаточное количество боеприпасов не позволили стратегические соображения.

Таким образом, в период подготовки планы русского командования решительно разошлись с возможностями тыла. Главный удар, наносившейся Западным фронтом, не был обеспечен в материальном отношении. Это вступало в непримиримое противоречие с концепцией прорыва, которая была разработана после провала Нарочской операции.

Критической была ситуация со снабжением тяжелыми артиллерийскими снарядами. Алексеев, обращаясь к военному министру, высказал мысль, что если сопоставить «жалкую» норму изготовления тяжелых снарядов в России и крайне скромные наличные их запасы с реалиями французского фронта, то следует откровенно признать, что артиллерийская подготовка для прорыва может явиться «покушением с негодными средствами»⁶⁸⁰.

§ 5. Обучение войск

Несмотря на появление «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы», войска не получили подробного наставления, наподобие устава, аккумулировавшего бы весь опыт войны. Соответственно они слабо

⁶⁷⁹ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 54. Л. 563

⁶⁸⁰ Там же. Л. 517–517 об.

способствовали решению важнейшей задачи трансляции этого опыта в войска. Необходимо было научить солдат и офицеров действовать согласно букве этих указаний, особенно с учетом того, что после колоссальных потерь кампании 1915 г. армии пришлось интегрировать значительное количество укомплектований. Опыт войны показал, что достичь этого можно только одним способом – широким практическим переобучением⁶⁸¹.

Генерал-лейтенант немецкой армии В. Балк в своей книге «Развитие тактики в мировую войну» утверждал, что «война подтвердила верность основных положений нашей (то есть германской – С.С.) прежней подготовки и боевой муштры», в то же время он признавал, что многие довоенные указания потребовали значительной доработки и расширения. Важно было донести эти изменения до войск, особенно пополнений, не имевших боевого опыта.

В германской армии новая программа обучения войск появилась довольно поздно – в январе 1917 г. в «Наставлении для обучения пехотных отрядов»⁶⁸². Французская армия пришла к идее необходимости гораздо раньше – еще осенью 1915 г., когда было издано «Наставление для обучения начальствующих лиц (кадров) и войск»⁶⁸³. Причем обучение и переобучение во французской армии было поставлено на широкую ногу. Весной 1916 года было создано 7 учебных лагерей в тылу, куда поочередно перевозились французские дивизии. Срок обучения был установлен в две недели. В лагерях были воссозданы целые участки укрепленного фронта, что позволяло создавать действительную «боевую» обстановку. Пехота детально обучалась приемам продвижения в атаку по разрушенным неприятельским линиям, бою ручными гранатами в окопах, искусству приспособлять захваченные неприятельские окопы к обороне, тесному взаимодействию с артиллерией и авиацией, умению

⁶⁸¹ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 92–93.

⁶⁸² *Балк В.* Развитие тактики в мировую войну. С. 60–61.

⁶⁸³ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 323.

двигаться вслед за заградительным огнем, приемам установления и поддержания связи⁶⁸⁴.

В армии Российской империи этот вопрос не был решен Ставкой и фактически был переложен на плечи фронтов. В связи с этим, еще 31 января (13 февраля) 1916 года, Эверт своим приказом №610 утвердил 8-ми недельную программу обучения нижних чинов пехотных запасных батальонов фронта⁶⁸⁵. В первую очередь следует отметить, что при работе с материалами РГВИА не удалось обнаружить распоряжения, менявшего или уточнявшего ее, а значит данный приказ, по всей видимости, регламентировал обучение пехотных пополнений, по крайней мере, до марта 1917 г.

Характерной особенностью программы занятий является опора на уставы, разработанные еще в довоенное время и, соответственно, не учитывавшие новые реалии позиционной войны. Так, например, пехота совсем не обучалась бою ручными гранатами, ставшими к 1916 году неотъемлемым атрибутом окопной войны. При этом пехота обучалась отдельно от других родов войск, не получая самого общего представления о взаимодействии с артиллерией, в том числе с бомбометами и минометами. По всей видимости, в обучении не использовались даже пулеметы. Особую роль играла в таких условиях компетенция обучающихся лиц, призванных транслировать пополнениям накопленный за годы войны опыт, а значит, несмотря на единую программу, невозможно было добиться единства взглядов, как, впрочем, и должного качества обучения в целом.

В общей сложности программа была рассчитана на 406 часов занятий. Обучение начиналось с самых азов, причем многие необходимые для мирного времени аспекты обучения, но, в то же время, малополезные в условиях позиционной войны элементы, занимали довольно значительное время при

⁶⁸⁴ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 92–93.

⁶⁸⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

подготовке⁶⁸⁶. Так, ружейные приемы, учения в сомкнутых строях, равно как и огонь в них, которые в немецкой армии выпали из программы обучения⁶⁸⁷, по-прежнему преподавались в рамках Западного фронта. Кроме того, вызывает большие вопросы распределение времени обучения, так за 7 часов предполагалась ознакомить пополнения с постройкой окопа на взвод с блиндажами, козырьками, устройством ходов сообщения, бойниц и маскировкой, устройством землянок, а также проволочными заграждениями и способами их преодоления. Учитывая всю важность обозначенных вопросов, им уделялось всего лишь на час больше времени, чем приучению солдат к должной выправке и отдаванию чести на месте⁶⁸⁸.

Окончательно запутывала положение с обучением пополнений возможность армий давать свои собственные указания по этому вопросу. Так, в 4-й армии, на долю которой выпало летом 1916 года осуществлять наступление на Барановичи, имелись собственные предписания на этот счет. «Указания для подготовки людей ратному делу» были объявлены в приказе войскам 4-й армии №2583 28 апреля (11 мая) 1916, то есть уже после появления приказа №610 Западного фронта⁶⁸⁹. Впрочем, «Указания для подготовки людей ратному делу» это не совсем программа обучения, а бесформенный набор принципов, который разнится с распоряжением фронта не только по форме, но и по сути.

Занятия рекомендуется вести 35 часов в неделю, причем срок обучения не устанавливается. При этом принцип, который кладется в основу обучения – это устранение всего лишнего, а он в программе фронта реализован не был. Что можно считать лишним не объяснялось, выдвигался лишь абстрактный принцип «устав для нас, а не мы для устава» и предлагалось поступать согласно «здравому смыслу». Единственное исключение можно увидеть лишь в указании

⁶⁸⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

⁶⁸⁷ Балк. В. Развитие тактики в мировую войну. С. 61-62.

⁶⁸⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

⁶⁸⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 112. Л. 30–33 об.

обучать Уставу гарнизонной службы исключительно практически.

В целом же, если «Указания» и регламентируют процесс обучения, то только с точки зрения его организации. В разделе «Тактическая подготовка», в частности, советуется «решать не мудрствуя лукаво, попросту задачи на оборону и атаку высоты, оврага, леса, отдельного строения, селения, скопа, укрепления и теснины, не забывая при этом разведывания, отдыха и его охранения».

Обозначенная мною проблема отсутствия подходящего практического руководства, регламентировавшего способы решения подобных задач, встает в данном случае в полный рост. Проиллюстрировать это можно на примере вопроса о боевых порядках пехоты. Волнообразное построение было найдено в боях 1915 г. на западном театре. По сравнению с цепями и поддержками, которые неизбежно влекли за собой запаздывание резервов, волнообразное построение являлось шагом вперед, отвечая требованиям единовременного удара крупных сил⁶⁹⁰.

Строевой пехотный устав 1908 г., даже с исправлениями и дополнениями до 15(28) июля 1916 г., закреплял боевой порядок роты в виде цепей и поддержек⁶⁹¹. «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы» уже предписывали боевое построение в виде «глубоких перекатов». Описание нового порядка было кратким: «Эти перекаты образуются из батальонов первой линии, в которых роты, построенные также в глубину, дают обыкновенно каждая два переката»⁶⁹². Такое определение оставляет множество вопросов: где находятся в таком строю места начальствующих лиц и пулеметов, каковы интервалы между отдельными людьми, между «перекатами» и др.

Судя по всему, войска 4-й армии начали обучать атаковать волнами лишь в ходе подготовки наступления на Вильно. Несмотря на то, что именно такое

⁶⁹⁰ Вольпе А. М. Фронтальный удар... С. 229.

⁶⁹¹ Строевой пехотный устав. Петроград, 1916. С. 89–92.

⁶⁹² Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Ч. I. С. 43.

построение было рекомендовано использовать «Общими указаниями», обучение этому приему неохотно внедрялось армейским командованием. В своем приказе № 2767 Рагоза подчеркнул, что данное построение не следует рассматривать как единственное и эффективное при любой обстановке⁶⁹³.

Первая мировая война продемонстрировала важную роль младших командиров. Немецкая армия, которой, в конечном счете, удалось подобрать ключ к вражеской обороне в позиционной войне, строила его на следующих основаниях: широкий фронт атаки, могучие артиллерийские средства, оперативная и тактическая внезапность, быстрота и непрерывность наступления, достигаемая непрерывным вводом резервов и групповая тактика⁶⁹⁴. Суть последней заключалась в том, что боевой порядок пехоты был разряженным, атака производилась стрелковыми отделениями (стрелки и легкий пулемет) при поддержке станковых пулеметов⁶⁹⁵. Инструкция «Наступление в позиционной войне» от 1 января 1918 года в частности указывала, что наступление на большую глубину не может быть полностью поддержано артиллерией, поэтому бой расчленяется на 2 периода: бой в позиционной зоне под прикрытием подвижного артиллерийского вала, расчищающего путь пехоте, и бой за пределами досягаемости огневого вала. При этом подчеркивалось, что во втором периоде боя управление децентрализуется и ведется на основе инициативы частных начальников и «гибких методов атаки»⁶⁹⁶. Важно подчеркнуть, что такой способ действий был выработан лишь к началу 1918 г.

В «Руководящих указаниях для ускоренной подготовки унтер-офицеров в учебных командах» Александр Францевич Рагоза фактически также предоставлял решать все вопросы, связанные с обучением унтер-офицеров

⁶⁹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 112. Л. 44.

⁶⁹⁴ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 147.

⁶⁹⁵ *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 527.

⁶⁹⁶ *Варфоломеев Н. Е.* Ударная армия... С. 25.

учебным командам. «Руководящие указания» подчеркивали, что продуманная выработка плана занятий и целесообразно составленное расписание таковых – залог успеха подготовки будущих унтер-офицеров, то есть младших командиров, потенциальных кандидатов на занятие младших офицерских должностей. Все рекомендации штаба 4-й армии можно свести к двум моментам: учить просто и понятно, причем только на практике⁶⁹⁷.

Приказ войскам 4-й армии № 3068 от 22 июля (4 августа) 1916 г. демонстрирует определенные позитивные изменения в вопросе подготовки кадров. В нем даются указания об организации при штабе армии особого повторительного курса для прапорщиков пехоты для ознакомления «со всеми приемами боевых действий в условиях современной войны» в рамках должности ротного командира.

Во-первых, курсы получили ответственного руководителя – генерал-майора Болдырева, также был определен их постоянный состав (по одному штаб- или старшему обер-офицеру от каждой дивизии). При этом указывалось, что для проверки знаний будут командироваться особо назначенные лица. Во-вторых, были четко указаны продолжительность курса, его организационная структура, представлялись требования к материальной базе, например, иметь карты 1, 2, 3 и 10 верстного масштаба района расположения, а укрепление позиций и преодоление препятствий должны были демонстрироваться на особых заранее сооруженных городках с участками типа русских и немецких укреплений и заграждений. В-третьих, была составлена сравнительно конкретная программа обучения. Причем на генерала Болдырева было возложена забота об обеспечении однообразия передаваемых обучаемым сведений и приемов, а также унификацию ведения занятий руководителями⁶⁹⁸.

При подготовке наступления на Вильно с войсками проводились занятия

⁶⁹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 112. Л. 34–35 об.

⁶⁹⁸ Там же. Л. 49–50 об.

по обороне и атаке укрепленной позиции. В течение 4 и 5 мая (17 и 18 мая) Эверт объезжал позиции 4-й армии, где лично ознакомился с тем, как было налажено обучение. В своей телеграмме Алексееву главнокомандующий Западным фронтом отмечал, что занятия хотя и производятся, но дело это «еще не вполне налажено» и лучше поставлено в III Сибирском корпусе, а более слабо в XXVI армейском⁶⁹⁹. В середине мая Алексей Ермолаевич побывал и в 10-й армии. Там обучение велось во всех находящихся в резерве частях. «Впечатление более слабой подготовки» произвела на него только 69-я дивизия⁷⁰⁰.

С инспекцией в начале июня объезжал части вверенной ему армии и генерал Рагоза, по итогам которой в приказе №2767 высказал, что внешние приемы атаки укрепленной позиции большинством частей усвоены. «Несколько слабее» это дело обстояло во 2-й и 84-й пехотных дивизиях, где еще не возвели подходящих для обучения городков. Правда в том же документе генерал противоречил своим словам о достигнутых успехах, сожалея, что «дух или вернее идея этих атак далеко еще не всеми усвоена»⁷⁰¹.

Можно заключить, что перед новым наступлением была предпринята попытка ликвидировать пробелы в обучении войск. При этом, как и в случаях с обучением нижних чинов и унтер-офицерских кадров, оно было предельно авторизировано. По всей видимости, обучение организовывалось на уровне дивизий, что объясняет разницу в качестве. И Эверт и Рагоза признавали, что далеко не везде удалось поставить его на должной высоте. При наличии эффективной системы обучения, функционирующей на постоянной основе, эти недостатки можно было бы исправить. Но у командования Западного фронта не осталось времени для подобной работы над ошибками и переобучения войск.

Исход сражения на истощение неизбежно зависит от состояния живых и

⁶⁹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 173 об. – 174.

⁷⁰⁰ Там же. Л. 267.

⁷⁰¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 112. Л. 44.

материальных ресурсов страны и действующей армии⁷⁰². При этом, в случае с людскими ресурсами, их недостаточно просто мобилизовать, но необходимо должным образом обучить, чтобы интегрировать в организм армии.

Следует признать, что этот вопрос в армиях Западного фронта в целом был поставлен неудовлетворительно, хотя и возможно разглядеть определенную положительную динамику в данном процессе. Отсутствовала единая для всего Западного фронта четко организованная система обучения, призванная передавать пополнениям накопленный войной опыт.

Попытка Эверта своим приказом утвердить единую программу обучения нижних чинов пехотных запасных батальонов была неудовлетворительна как по форме, так как не были назначены ответственные лица для внедрения ее в армиях фронта, так и по сути, в связи с тем, что она явно не соответствовала реалиям 1916 г. Организация обучения кадров и войск в отдельных армиях фронта, как видно из примера 4-й, не была централизована. Заметно явное стремление переложить ответственность на плечи непосредственных исполнителей. Это привело к тому, что перед началом нового наступления не все дивизии были в достаточной готовности к выполнению сложнейшей задачи по прорыву укрепленной позиции противника.

Помимо этого, вливающиеся в состав армий фронта пополнения, не были достаточно хорошо обучены, снижая тем самым боеспособность частей, заменяя своих сравнительно более опытных товарищей, выбывших из строя.

⁷⁰² *Вольпе А. М. Фронтальный удар... С. 90.*

Глава 4. А.Е. Эверт от Брусиловского прорыва до 1918 г.

§ 1. Выработка плана нового наступления

В телеграмме генерала Алексеева № 1514 от 16(29) марта 1916 года главнокомандующим фронтами содержался не только приказ приостановить выполнение операция в районе 2-й и 5-й армий, но и, среди прочих указаний, всем фронтам предписывалось вести деятельную подготовку к возобновлению наступательных действий⁷⁰³.

Выработать и предметно обсудить план нового наступления было призвано совещание 1 апреля 1916 года, состоявшееся в Могилеве. На совещании присутствовали император Николай II, Алексеев, Пустовойтенко, трое главнокомандующих фронтами со своими начальниками штабов, генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, генерал Н. И. Иванов, военный министр генерал Д. С. Шуваев и адмирал А. И. Русин⁷⁰⁴.

Ход совещания был довольно детально рассмотрен В. Н. Клембовским⁷⁰⁵, и его трактовка событий, фактически, остается единственной и общепринятой в историографии. Между тем, на мой взгляд, она нуждается в определенной корректировке и дополнении. Клембовский, в частности, анализирует доклад генерала Алексеева Николаю II,⁷⁰⁶ который был разослан в копии главнокомандующим фронтами накануне совещания 22 марта (4 апреля), но совершенно не затрагивает предысторию составления этого документа, весьма важную для его правильного толкования.

20 марта (2 апреля) генерал Эверт послал начальнику штаба верховного главнокомандующего телеграмму № 12452, в которой высказывал свои

⁷⁰³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 201.

⁷⁰⁴ Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. III. С. 124.

⁷⁰⁵ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. С. 26–29.

⁷⁰⁶ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. №19. С. 68–72.

соображения по поводу возобновления боевых действий, прерванных наступлением весенней распутицы. Его инициатива в этом вопросе была связана с отмеченным выше указанием телеграммы № 1514 генерала Алексеева вести подготовку к наступлению. На Западном фронте было сосредоточены значительные силы в связи с проведением наступления в районе озера Нарочь, что заставляло рассматривать это распоряжение, как адресованное к нему в первую очередь.

Алексей Ермолаевич отмечал, что продолжительный перерыв в операции вносит столь существенные изменения в общее положение дел на Западном фронте, что необходимо пересмотреть выгоды и недостатки возможных операционных направлений для нового наступления. Эверт приходил к заключению, что, несмотря на сильное сопротивление, которое встретят наступающие войска, следует выбрать для главного удара в ходе весеннего наступления направление на Вильно с участка фронта между Березинской пущей и р. Вилией⁷⁰⁷.

Виленское направление в оперативном отношении являлось особо выгодным, ибо успех на нем русских создавал угрозу для тыла всего австро-германского фронта в северо-западном крае. Развитие здесь дальнейшего успеха вынуждало германцев к очищению захваченных областей Российской империи, а с выдвиганием русской армии на линию Неман – Брест приближало ее к Восточной Пруссии и к сердцу Польши. Как центральное направление всего фронта, оно обеспечивалось двумя мощными железнодорожными артериями (Смоленск, Минск, Барановичи, Брест-Литовск и Гомель, Минск, Вильна), позволявшими сосредоточивать надлежащие силы и средства. В тактическом отношении, если понимать под этим исключительно удобство проведения операции, это направление было также выгодно, ибо оно позволяло

⁷⁰⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 231–232.

организовать наступление на широком фронте, имело укрытия для маневра войск, при отсутствии значительных естественных преград. Крупным недостатком было то, что хорошо развитая сеть путей допускала широкий маневр германских резервов по железнодорожным и другим путям, а укрепленные полосы германцев были здесь весьма сильны⁷⁰⁸.

Французский дивизионный генерал Эжен-Мари Дебени, критикуя действия Людендорфа в 1918 году за отсутствие яркого стратегического замысла, признавался: «нам (т. е. французской армии – С.С.) потребовалось долгое время, чтобы приспособить наши стратегические концепции к возможностям тактики...»⁷⁰⁹. Главнокомандующий Западного фронта при разработке плана операции также столкнулся с данной проблемой. Удар наносился в самую укрепленную часть фронта противника. Такой подход вызывал бурю негодования у такого исследователя, как Антон Антонович Керсновский, который называл его «едва ли не самым большим стратегическим абсурдом Мировой войны»⁷¹⁰. Стоит отметить, что как раз в стратегическом отношении этот план был хорош, вопрос же состоит в том, что превосходство тактических соображений при разработке плана операции в позиционной войне является безусловно обязательным⁷¹¹.

Примечательно, что Алексеев в своем докладе также указывает на предпочтительность именно этого направления⁷¹². Следует отметить, что генерал совершенно определенно успел ознакомиться с предложениями Эверта еще до завершения работы над ним⁷¹³. В связи с этим представляется возможным утверждать, что именно инициатива главнокомандующего Западным фронтом лежала в основе проекта Михаила Васильевича.

⁷⁰⁸ *Оберюхтин В. И.* Барановичи... С. 25–26.

⁷⁰⁹ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 156.

⁷¹⁰ *Керсновский А. А.* История Русской армии. С. 96.

⁷¹¹ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 155.

⁷¹² Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. №19. С. 71

⁷¹³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 259.

Что дает исследователю установление факта наличия подобной связи? Проблема заключается в том, что до сих пор не удалось обнаружить протокол совещания, если он вообще велся. Хотя Н. Н. Головин и указывает на существование такого документа и, более того, основывает свое изложение якобы на его изучении⁷¹⁴, тем не менее, его сведения в этом вопросе вызывают определенные сомнения. Во-первых, Головин не цитирует данный источник, хотя и тяготеет к довольно пространным цитатам в своем изложении, во-вторых, механизм того, как этот документ оказался в руках исследователя при написании его работы в эмиграции во Франции, остается не до конца понятным.

Можно совершенно точно судить о существовании двух источников о ходе совещания в Могилеве и тех вопросах, которые на нем обсуждались. В первую очередь, это воспоминания А.А. Брусилова. Генерал начинает свое изложение с описания выступления М.В. Алексеева, в котором подчеркивает идею, что главную роль в предстоящих наступательных действиях предполагалось отвести Западному и, отчасти, Северному фронтам, а Юго-Западному – пассивную, согласно которой он должен был перейти в наступление, когда оба его северных соседа твердо обозначат свой успех. Затем слово было предоставлено генералу Куропаткину, который заявил, что на успех его фронта рассчитывать очень трудно и из предыдущих неудачных попыток к наступлению видно, что прорыв фронта немцев совершенно невероятен, так как их укрепленные полосы настолько развиты и сильно укреплены.

Когда настала очередь Эверта говорить, он всецело присоединяется к мнению Куропаткина, в успех планируемого наступления не верил, предпочитал придерживаться оборонительного образа действий до тех пор, пока русская армия не будет обладать, по крайней мере, таким же количеством

⁷¹⁴ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. С. 422

тяжелой артиллерией, как и противник, и получать тяжелых снарядов в изобилии⁷¹⁵.

Иными словами, главная идея, которую проводит Брусилов, заключается в том, что будущим исполнителям плана начальника штаба верховного главнокомандующего навязывались наступательный образ действий, которого они не желали.

Следует заметить, что воспоминания Брусилова оказали весьма значительное влияние на историографию Первой мировой войны, при этом критический подход, столь необходимый при работе с источниками личного происхождения, не всегда применялся исследователями в должной мере. Используя мемуары Брусилова, нужно помнить, что между главнокомандующими Западным и Юго-Западным фронтами, по всей видимости, установились довольно напряженные личные отношения.

Клембовский также присутствовал на совещании как начальник штаба Юго-Западного фронта, поэтому его работа может рассматриваться также и как исторический источник. Владислав Наполеонович описывает выступление главнокомандующего Западным фронтом иначе. Он указывает, что генерал Эверт, разобрав возможные направления для наступления Западного фронта, признал единственно выгодным направление на Вильно, но на 20 верстном фронте атаки он считал нужным иметь в первой линии 3 корпуса и столько же во второй. Наступательную операцию он признавал возможным начать лишь через 2 месяца, притом решительно высказывался за нанесение удара одним каким-нибудь фронтом, а не двумя. После же выступления генерала Брусилова, он поддержал его мнение о необходимости наступления всеми тремя фронтами, а срок подготовки сократил до одного месяца⁷¹⁶.

Возвращаясь к телеграмме генерала Эверта №12452, следует отметить,

⁷¹⁵ Брусилов А.А. Мои воспоминания... С. 166.

⁷¹⁶ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. С. 28.

что весьма сложно себе представить причины, по которым Алексей Ермолаевич стал бы изначально выступать на совещании против предложенного им самим проекта. Гораздо убедительней выглядит в этом плане версия Клембовского, который указывает, что главнокомандующий Западным фронтом выделил ряд условий, без соблюдения которых задача прорыва вражеского фронта представлялась ему затруднительной. Во второй части упомянутой телеграммы, Эверт также останавливается на них. Резонно предположить, что генерал высказал на совещании те же соображения, поэтому рассмотрим их подробнее.

Алексей Ермолаевич, опираясь на опыт французского и русского театров военных действий, подчеркивал, что прорыв представляет собой крайне трудную операцию, даже при обильных средствах нападения, и явно невыполнимую при средствах ограниченных. Исходя из этого опыта, он пришел к заключению, что прорыв возможен лишь при наличии следующий двух факторов: во-первых, при создании такого превосходства сил, которое давало бы возможность настойчивыми повторными атаками свежими сменяющимися войсками «изломать» противника и преодолеть его сопротивление, и, во-вторых, при наличии такого количества тяжелой артиллерии и снарядов к ней, которое давало бы возможность уничтожить средства защиты атакованного участка⁷¹⁷.

А. А. Керсновский высказал мысль, что генерал Эверт не умел мыслить иначе, чем по трафарету Французского фронта, стремясь при подготовке наступления вверенного ему фронта с совершенно негодными средствами воспроизвести и так не выдающиеся, по мнению автора, образцы военного искусства, продемонстрированные союзными армиями в Шампани и Артуа осенью 1915 года⁷¹⁸. С этим нельзя согласиться. Нами уже доказывалось, что осмысление провала наступления в районе озера Нарочь и в Шампани и Артуа

⁷¹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 232.

⁷¹⁸ Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 4. С. 33.

шло в целом по одной идейной линии, что не отрицает само по себе возможности опоры на иностранный опыт.

Если же исследователь имел в виду сам принцип концентрации максимального количества сил и средств, в первую очередь артиллерийских, на направлении главного удара, то принцип этот являлся непреложным в военном искусстве Первой мировой войны, отличались лишь формы его реализации на практике. Ударная 8-я армия Юго-Западного фронта, совершившая прорыв под Луцком, на 20-ти верстном фронте главного удара сосредоточила в первой линии 9,5 пехотных дивизий, имея в резерве 3⁷¹⁹, что при общем составе фронта в 40 дивизий пехоты и 15 кавалерии представляло собой довольно значительные силы. Следует заметить, что самобытность Брусиловского прорыва, подчеркиваемая в историографии⁷²⁰, заключалась отнюдь не в отказе от этого принципа.

Сходство с операциями в Шампани и Артуа, конечно, можно увидеть в отдельных технических вопросах. Так, для упорных атак укрепленной позиции, с точки зрения Эверта, корпусу нельзя было давать участка более трех верст по фронту⁷²¹. Этот расчет совпадал с мнением французского командования, изложенной в инструкциях, изданных в июле и августе 1915 года, согласно которой дивизии следовало занимать фронт для атаки в 1,5 километра⁷²², а, по существу, превосходил его, хотя бы потому, что французская схема относилась к 12 батальонной дивизии, а в русской армии того периода дивизия насчитывала 16 батальонов.

Нельзя сказать, что такая плотность атакующего порядка была отличительной чертой наступления англо-французов осенью 1915 года. Например, во время французского наступления на р. Эн в апреле 1917 года

⁷¹⁹ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. №110. С. 192.

⁷²⁰ Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 4. С. 34; Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство... С. 408.

⁷²¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 232.

⁷²² Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство... С. 312.

дивизии первой линии также наступали на фронте примерно 1,5 км⁷²³. В то же время такая протяженность фронта атаки соответствовал рекомендациям «Общих указаний для борьбы за укрепленные полосы», составленным управлением генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего 1-2 версты на дивизию⁷²⁴.

Если проанализировать другие аспекты предложений генерала Эверта, то становится еще более очевидным, что он планировал значительно превысить опыт англо-французов в отношении концентрации личного состава на направлении главного удара. Главнокомандующий Западным фронтом признавал необходимым, дабы атаки были энергичны и могли довести противника до изнурения, за атакующим корпусом иметь второй корпус, готовый сменить первый. Это даст ему возможность оправиться, пополниться и снова начать атаки, сменяя, в свою очередь, второй корпус, который к этому времени также будет нуждаться в передышке и пополнении. Но при упорстве противника и наличии второй столь же сильная укрепленной полосы, эти войска, вряд ли сохранят способность к энергичному развитию достигнутого успеха и расширению сферы прорыва. Силы, необходимые для этого, зависели от широты поставленной задачи, но, во всяком случае, даже при ограниченной цели, считалось необходимым иметь в резерве для развития удара еще не менее 4 свежих корпусов.

Таким образом, для нанесения главного удара Алексей Ермолаевич полагал необходимым сосредоточить, в зависимости от размеров задачи, от 14 до 18 корпусов. Такой расчет казался генералу Алексееву просто нелепым, исходя из механического сопоставления с французским опытом. Он указывал, что в расчете Эверта на 15 верст требуется 20 дивизий или 320 батальонов, а французы в Шампани назначили на 15 километров в первой линии 10 дивизий и

⁷²³ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 126.

⁷²⁴ Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Ч. 1. С. 43.

во второй 4 или 168 батальонов, т.е. почти вдвое меньше, не учитывая при этом 4 корпусов для развития удара, намеченных главнокомандующим Западным фронтом⁷²⁵.

Недоумение Алексеева, по всей видимости, вызывала мысль, что атака второй укрепленной полосы должна вестись свежими дивизиями, а не ослабленными дивизиями первой линии. Следует упомянуть, что к такому же выводу пришел, к примеру, Фердинанд Фош в своей инструкции от 20 апреля 1916 г., в которой учитывался уже верденский опыт⁷²⁶. Причем информация о новациях на западном театре дошла до Западного фронта только 29 апреля (12 мая) 1916 года⁷²⁷. Важно подчеркнуть, что план Эверта был составлен 21 марта (3 апреля) 1916, то есть предвосхищал эту идею на западном театре.

Характеризуя управление резервами в ходе наступления 2-й и 5-й русской армий в марте 1916 года Вольпе совершенно верно замечает: «русское командование еще не уяснило себе, что проблема резервов встала совершенно по-новому по сравнению с XIX столетием. Русское командование оставалось на старой точке зрения, что резервы служат только или для развития успеха, или для парирования случайностей. Между тем уже в этот период мировой войны значение резервов видоизменилось. Прежде всего они вошли органической составной частью в боевой порядок соответствующего масштаба, образовав так называемые вторые эшелоны. Только вторые эшелоны — последующие волны стрелковых цепей, вторые линии полков, дивизий и корпусов,двигающиеся с вполне определенными боевыми задачами за атакующими частями, могли обеспечить своевременное вхождение их в боевую линию для замены передних расстроенных частей или для развития успеха»⁷²⁸. Очевидно, что опыт Нарочской операции подтолкнул Алексея Ермолаевича к осмыслению данной

⁷²⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 232–232 об., 260–260 об.

⁷²⁶ Вольпе А. М. Фронтальный удар... С. 90.

⁷²⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 104.

⁷²⁸ Вольпе А. М. Фронтальный удар... С. 255.

проблемы, и, во всяком случае, ему удалось сделать первые шаги к ее решению уже в марте 1916 года.

Позднее Алексей Ермолаевич напишет начальнику штаба верховного главнокомандующего: «По исторически сложившимся условиям Россия поставлена в необходимость бороться с техникой врага кровью своих сынов и притом кровью более обильной, чем когда-либо»⁷²⁹. В сущности, Эверт таким образом учитывал реалии Восточного фронта, а именно недостаток артиллерии и снарядов к ней, которые теоретически считалось важнейшим залогом успеха при прорыве. Он предлагал выход в духе чудовищного рационализма войны — максимальное использование того ресурса, в котором у русской армии было преимущество — живой силы ее полков.

Сам Алексеев в бытность главнокомандующим Северо-Западным фронтом высказывал похожую концепцию: «Русская теория состоит в том, что Россия может выдержать потери, какими бы большими они ни были, почти неопределенно долго, и что она, в случае необходимости, будет брать на себя бремя уничтожения немецкой волны снова и снова, зная, что каждый приступ неприятеля приводит его к окончательному истощению»⁷³⁰. Но, как верно замечает О. Р. Айрапетов, начальник штаба верховного главнокомандующего после мартовской катастрофы, по-видимому, стал от подобных идей отходить⁷³¹.

Символом этого стала его телеграмма №2468, разосланная 3(16) мая 1916 года главнокомандующим. При этом представляется, что она, помимо указанной тенденции, также ярко демонстрирует и настроения самого Михаила Васильевича.

В телеграмме приводится письмо от некоего офицера из действующей армии. При этом Алексеев отмечал, что те сведения, которые доходят до него,

⁷²⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 177.

⁷³⁰ Цит. по: *Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне...* Т. III. С. 78.

⁷³¹ Там же. С. 79.

подтверждают искреннюю правдивость автора письма. Так как вопросы, затронутые этим письмом, казались ему весьма важными, генерал счел необходимым ознакомить своих подчиненных с его содержанием.

Автор письма доводит до сведения Алексеева информацию, что «яд недоверия» не только к умению, но и к добросовестности начальников настолько заразил армию, что трудно назвать даже несколько имен популярных и пользующихся доверием войск старших начальников. Одни начальники, по заявлению войск, совершенно не показываются среди них. Другие, формально исполняя данные на это счет свыше указания, бывают в частях, но исключительно с карательными и инспекторскими целями, неизменно сопровождая свои посещения выговорами и наказаниями. Еще громче, по свидетельству офицера, звучат жалобы пехоты на то, что ее систематически и безжалостно посылают на верный расстрел, атаковать сильно укрепленные позиции с недостаточной артиллерийской подготовкой. Она на собственном горьком опыте отлично знает, что хорошо укрепленная позиция, занятая и небольшими силами, недоступна открытой атаке даже колоссальных сил, пока не подавлен ружейный и пулеметный огонь из окопов. Отлично знает пехота, что резка проволочных заграждений под плотным пулеметным огнем есть занятие бесполезное. Автор письма заключал: «для высших штабов списки потерь в боях – это мертвая бумага, голые цифры, ничего не говорящие. Для войск это дорогие имена лучших товарищей – красы русской армии, где почти каждая фамилия – целая история»⁷³².

Также в письме указывается на то, что, перестав считаться с духом и настроением войск, большинство начальников завалило части подавляющей массой руководящих приказов. Стремление все регламентировать и указать войскам сверху заваливает войска такой перепиской, что младшие начальники,

⁷³² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 125–128.

с одной стороны, проводят в переписке все время, с другой же стороны связаны указаниями сверху настолько, что не смеют проявить ни своей инициативы, ни использовать собственный богатый опыт. Вот вкратце основные тезисы письма, изложенные в телеграмме Алексеева⁷³³.

Удивительно в этой связи, что именно по отношению к Эверту в историографии появился тезис⁷³⁴, что после провала наступления в районе озера Нарочь в марте 1916 года, генерал морально «сломался», потеряв веру в себя и подчиненные ему войска, окончательно разочаровавшись в возможности успешного наступления. Телеграмма Алексеева как раз показывает наличие такового надлома у начальника штаба верховного главнокомандующего. Эверт же, в свою очередь, продемонстрировал принципиально иную точку зрения.

В своей телеграмме №13802 от 9(22) мая Алексей Ермолаевич подчеркнул, что во всякой армии, даже после удачных боевых дел, найдутся недовольные, «с подорванной нервной системой», высказывающие резкие суждения как о ходе боевых дел, так и по отношению к начальникам. При этом главнокомандующий Западным фронтом уверенно заявлял, что армия далека от того состояния разложения, которое представляется автору этого письма. Тем не менее, он признавал, что такие мнения высказываются часто и особенно в тылу, в вагонах, в разговорах с частными лицами.

Это стало возможным потому, что офицерский состав армии в то время состоял в основном из молодых людей, призванных на военную службу в силу необходимости. Более того, Эверт предлагал бороться с развитием подобных настроений всеми силами, прежде всего, не давая для них оснований. К таким основаниям генерал относил разосланную в значительном числе экземпляров в войска французскую заметку о Верденской операции, в которой среди прочего указывалось, что «нельзя бороться людьми с техникой противника» и

⁷³³ Там же. Л. 130 об. – 131.

⁷³⁴ Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. С. 422; Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 4. С. 31; Оськин М. В. Алексей Ермолаевич Эверт. С. 44; Stone N. The Eastern front 1914-1917. P. 231.

приказание германской пехоте, где содержался следующий тезис: «не лезь на препятствия раньше, чем они будут разрушены артиллерией».

По мнению генерала, такие положения во французской и германской армиях были вполне понятны, так как они не имели ограничения в снарядах, но в русской армии ситуация со снабжением иной. При таком подходе наличие ограниченного количества снарядов, в первую очередь тяжелых, приводило начальствующих лиц к убеждению, что операция недостаточно подготовлена. Алексей Ермолаевич с сожалением констатировал, что на начальников лег тяжкий крест потребовать от войск неизбежную жертву.

Эверт с оптимизмом смотрел на вопрос взаимоотношений войск и их командиров и указывал, что недоброжелательное и пренебрежительное отношение начальствующих лиц к войскам было крайне редким явлением. При этом он соглашался с тем, что начальствующие лица недостаточно часто бывают в офицерской среде и среди войск.

Также генерал с прискорбием отмечал появление в народе и в армии совершенно неправильных убеждений, что частная промышленность под руководством частных организаций и военно-промышленных комитетов широко обеспечивает все нужды войск, особенно в отношении боевых припасов. Алексей Ермолаевич считал, что необходимым развеять его, чтобы среди офицерского состава не создавать убеждение, что правительство выказало мало заботливости, и все делает общество. Считая себя нелюбимыми начальством, офицеры видят к себе сердечное отношение только со стороны общества и это настроение учитывается многими общественными деятелями.

Алексеев, судя по всему, такому ответу был не очень рад, наложив довольно нервную резолюцию: «это уже измышление поводов к тому, что ничего говорить войскам о наших противниках и союзниках нельзя. Дойдем до

геркулесовых столбов!»⁷³⁵.

Рассылая же письмо офицера по армиям, Эверт высказал мнение, что дух войск, в общем, хорош и войска верят в конечную победу и значительная часть письма высказана сгоряча. Пехота вправе рассчитывать на могущественное содействие артиллерии, но она не может требовать полного уничтожения заграждений и окопов, полного подавления противника. Следовало внушить офицерам, что во всех войнах, которые вела Россия, были случаи взятия крепостей штурмом и, хотя обороноспособность этих крепостей не была подавлена, войска, будучи твердыми духом, не останавливались перед препятствиями⁷³⁶. Очевидно, что тут скорее Эверт мог вселить в Алексеева надежду на успех своей энергией и уверенностью, чем последнему пришлось бы уговаривать главнокомандующего Западным фронтом наступать. Даже Брусиллов не выказал в своем ответе столь большую уверенность в войсках, отметив, что в письме «много правды»⁷³⁷.

Если же взглянуть на предполагаемые силы противника в намечаемом для удара районе, расчеты главнокомандующего Западным фронтом перестают казаться фантастическими. В течение зимы 1915/1916 года противник по данным разведки имел на Виленском направлении 11 дивизий. Стратегическое значение избранного для наступления района, наличие сравнительно развитой сети железных дорог указывали на то, что к этому участку были бы подвезены резервы скорее и в большем числе, чем это имело место при наступлении в районе оз. Нарочь в марте 1916 г. На атакованных участках в первые же две недели обнаружилось части шести новых дивизий. Но, даже допуская, что подвоз подкреплений не превзойдет данного примера и силы противника в первые десять могли быть доведены до 17 дивизий.

В любом случае, для успешного наступления против укрепленной

⁷³⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 176–177 об.

⁷³⁶ Там же. Л. 178–179.

⁷³⁷ Черкасов П.В. Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта... С. 204.

позиции, особенно при ограниченных технических средствах, Эверт считал необходимым иметь более чем двойное превосходство сил⁷³⁸. Исходя из этих данных, намеченный расчет в 28 – 36 дивизий на ударном участке выглядит вполне объяснимым. Не имеет смысла сравнивать сведения русского командования о противнике с реальностью, так как в данном случае мы лишь моделируем планирование операции на Западном фронте.

В конечном счете, перевес сил в начале операции по плану должен был превышать цифру минимального превосходства, необходимого для успеха, выведенную французами из опыта войны – 3 к 1⁷³⁹ и составлял от 544-х до 704-х батальонов против 132 немецких в начале операции, и доходить до показателей примерно 4-5,5 к 1. Для сравнения немцы для атаки под Верденом сосредоточили силы примерно в пропорции 3 к 1, а во время наступления на Сомме англо-французам удалось сосредоточить в 4 раза больше пехоты, чем имел на обороняемом участке противник⁷⁴⁰.

Если же взять опыт наступления французов в Шампани, к которому апеллирует Алексеев, то атакующая сторона имела не менее чем пятикратное превосходство в живых силах⁷⁴¹. При этом, Алексей Ермолаевич высказывал мнение, что силы, собранные французами, оказались достаточными лишь для овладения частью укрепленной немецкой полосы, но их не хватило для развития успеха⁷⁴². По всей видимости, нехватка сил и средств действительно сыграла свою роль в провале наступления⁷⁴³. В своих же расчетах главнокомандующий Западным фронтом исходил из предположения, что если на него будет возложено нанесение главного удара, то задача состоит не только в том, чтобы прорвать фронт противника, но и развить более глубокое

⁷³⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 232 об. – 233.

⁷³⁹ Операции 2-й армии в Шампани // Военный зарубежник. 1922, № 10-11. С. 583.

⁷⁴⁰ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 355, 371.

⁷⁴¹ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 76.

⁷⁴² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 236.

⁷⁴³ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. С. 435.

наступление. В этой связи нельзя не признать критику Алексеева состоятельной⁷⁴⁴. Если учитывать пребывающие немецкие резервы, как это делал Эверт, то пропорция сил сокращалась до значений 2, 25 – 3 к 1.

На восточном театре Первой мировой войны, из-за слабости железнодорожной сети, вряд ли можно было представить такие крупные маневры резервами, как на западном. В ходе наступления на р. Лис 9 апреля – 4 мая 1918 года немцы первоначально сосредоточили для атаки 21 дивизию, включая резервы, а на усиление в ходе операции прибыло 28 дивизий⁷⁴⁵. Поэтому важно было собрать максимально значительные силы в самом начале наступления, так как противник находился в более выигрышном положении при переброске своих резервов. Если взглянуть на карту железных дорог, нельзя не заметить, что к Вильно, как с севера, так и с юга подходят рокадные линии, а с запада город питает мощная Петербурго-Варшавская железная дорога с ее ответвлением через Ковно на территорию Восточной Пруссии.

Алексей Ермолаевич, учитывая необходимость сосредоточения столь значительных сил, считал невозможным осуществить одновременное решительное наступление на двух и тем более трех фронтах⁷⁴⁶. Однако, это совсем не означает, что они должны были оставаться пассивными. Эверт указывал на необходимость производства демонстративных ударов и при том такими силами, чтобы упорство и повторяемость атак действительно могли бы ввести в заблуждение противника и отвлечь или приковать его силы. При главном ударе в направлении Вильно, он рассчитывал провести одну из таких демонстраций в районе Северного фронта. По всей видимости, главнокомандующий Западным фронтом не имел ничего против активных действий Юго-Западного, предложенных на совещании генералом Брусиловым. Так как они должны были вестись на значительном расстоянии от района

⁷⁴⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 236.

⁷⁴⁵ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 169.

⁷⁴⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 233 об. – 234.

запланированного главного наступления, Эверт предложил начать их немного раньше. Клембовский указывает, что речь шла о двух неделях, но данный срок представляется несколько преувеличенным, скорее всего в расчет бралось 7 – 8 дней⁷⁴⁷. Такая формула взаимодействия фронтов была закреплена директивой №2017 от 11 апреля 1916 г.⁷⁴⁸

В этом отношении нельзя не отметить, что взгляды Эверта и Брусилова на вопрос взаимодействия фронтов были весьма близки. Согласно мемуарам последнего, на совещании в Могилеве он отстаивал позицию, что необходимо атаковать противника сразу всеми фронтами, дабы лишить его возможности перебрасывать свои войска в то или иное место по мере необходимости. Важно понимать, что речь шла о демонстративных, вспомогательных действиях, главнокомандующий Юго-Западным фронтом не отрицал принципа, что главный удар наносится армиями генерала Эверта⁷⁴⁹.

Алексей Ермолаевич еще в конце октября 1915 г. поделился в телеграмме №8173 с Алексеевым своими соображениями, согласно которым при назначении Западного фронта для нанесения главного удара, от соседних фронтов потребуется организация вспомогательных атак, имеющих главной целью не позволить противнику сосредоточить все свои силы против главной атаки. В противном же случае, планировалось на фронте, кроме частных атак в армиях, развить один или два сильных вспомогательных удара на чувствительных для противника направлениях⁷⁵⁰.

Стоит добавить, что в своем докладе от 22 марта (4 апреля) 1916 г. Алексеев ошибся при подсчете перевеса сил Западного фронта над противником, указывая, что он составляет около 300 000 штыков и шашек. Этот избыток сил, сосредоточенный в районе 10-й армии, дал бы 480 000

⁷⁴⁷ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. С. 28; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 391.

⁷⁴⁸ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. №24. С. 81.

⁷⁴⁹ Брусилов А.А. Мои воспоминания... С. 167, 178.

⁷⁵⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 51. Л. 335.

против 82 000 неприятеля, т. е. силы, почти в шесть раз большие⁷⁵¹. Но в указанный расчет дважды вошел избыток сил 10-й армии, исчислявшийся в 100 000 человек. То есть силы, которые мог самостоятельно сосредоточить фронт равнялись 380 000 человек, но при этом подразумевалось, что на остальном фронте силы распределялись на основе уравнивания числа штыков между противниками. Это означало с одной стороны полную пассивность на других на участках, а кроме того было опасным на таких важных направлениях, как Полоцкое или Барановичское⁷⁵². В реальности же, для наступления на Вильно было сосредоточено около 310 000 человек⁷⁵³, что позволяло добиться соотношения сил немногим меньше, чем 4 к 1 в начале операции, но если учитывать подвод резервов в том размере, на какой рассчитывал Эверт, то численное превосходство опускалось до 2,25 к 1.

Помимо главного удара, планировалась также вспомогательная атака на Барановичи. Эверт в упомянутой выше телеграмме №8173 указывал, что при выборе для главной атаки любого из четырех направлений: Рига – Шавли, Двинск – Вильна, Полоцк – Вильна и Молодечно – Вильна, вспомогательный удар на Барановичи – Белосток при всех условиях сохранят угрожающий характер для сообщений противника⁷⁵⁴. Эверт рассчитывал усилить силы в этом районе 2 корпусами за счет других фронтов, однако, как и на главном направлении (6 дополнительных корпусов), по решению совещания в Могилеве вынужден был довольствоваться имеющимися силами фронта⁷⁵⁵. Алексей Ермолаевич полагал, что все-таки можно рассчитывать на успех наступления и при таких обстоятельствах, хотя и признавал, что сил едва ли достаточно⁷⁵⁶.

В связи с этим, 5(18) апреля главнокомандующий Западным фронтом

⁷⁵¹ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. № 24. С. 71.

⁷⁵² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 235–235 об.

⁷⁵³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 152. Л. 138–140, 150–160.

⁷⁵⁴ Там же. Л. 334.

⁷⁵⁵ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 54. Л. 354.

⁷⁵⁶ Там же. Л. 355.

предложил Алексееву ограничиться более узкой задачей овладения районом Барановичей, что могло быть выполнено меньшими силами и средствами. Он писал начальнику штаба верховного главнокомандующего: «Тяжелая ответственность, возложенная на Западный фронт поставленной ему задачей, недопустимость новой неудачи, которая подорвала бы уверенность в войсках в своих силах и принесла бы горькое разочарование народу в несбывшихся ожиданиях, обязывает меня вновь высказать, что задача, возложенная на фронт, может быть выполнена своими силами только при условии удовлетворения необходимой потребности патронов».

Алексеев сообщил, что данное предложение было доложено императору и не получило одобрения. Он считал, что в результате мог бы получиться лишь незначительный эпизод, который не в состоянии приблизить русскую армию к достижению основной цели войны. Император и Алексеев предпочли уделить время заготовке и накоплению артиллерийских средств, но предпринимать операцию, по замыслу своему преследующую «цель важную и решительную»⁷⁵⁷.

Но обстановка существенно изменилась. 8(21) мая французский военный агент в России де Лагиш сообщил начальнику штаба верховного главнокомандующего телеграмму Жоффра, в которой тот передавал просьбу своего итальянского коллеги генерала Л. Кадорна начать наступление русской армии как можно скорее. Все более усиливающийся кризис итальянской армии вел к усилению нажима на русскую Ставку⁷⁵⁸.

Алексеев начал поторапливать Эверта с подготовкой удара. 11(24) мая в телеграмме №2598 он сообщил главнокомандующим, что «итальянцы потерпели в Трентино неудачу, которая может обратиться в катастрофу, если австрийцы будут в состоянии продолжать операции достаточными силами».

⁷⁵⁷ Там же. Л. 354 об. – 355 об.

⁷⁵⁸ Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. III. С. 126–127.

Удар Юго-Западного фронта по ослабленным войскам противника представлялся ему весьма выгодным и крайне желательным для оказания действительной помощи итальянцам. Вместе с тем Михаил Васильевич указывал, что Северный и Западный фронты должны ускорить ход своих подготовительных работ, если того потребует обстановка и ход событий у Брусилова⁷⁵⁹. Время начало работать против русской армии.

Казалось бы, в том момент, когда наступление Юго-Западного фронта приобретало особую важность, причем основные его силы сосредотачивались на правом фланге, а материальных средств для прорыва на Вильно было недостаточно, Алексеев имел весомые причины пересмотреть предложение Эверта ограничиться более узкой задачей овладения Барановичским железнодорожным узлом, перенося основные усилия русской армии на юг, тем более, что этот сдвиг и так постепенно происходил.

В директиве Ставки № 2703 от 18(31) мая на Северный фронт были возложены лишь демонстративные действия. Невозможность решительных действий на всех трех фронтах объяснялась недостаточной обеспеченностью артиллерийскими снарядами, особенно крупного калибра. Определялись и сроки перехода в наступление — Брусилову надлежало начать атаку 22 мая (4 июня), а Эверту — 28 или 29 (10 или 11 июня), «по ближайшему усмотрению главкозапа, сообразуясь со степенью подготовки». Начальник штаба Верховного главнокомандующего также находил полезным ранее 28 мая (10 июня) силами Западного фронта приковать внимание противника к району Пинска и Барановичей⁷⁶⁰. Важно заметить, что именно Алексеев ратовал за активизацию действий на стыке Юго-Западного и Западного фронтов у Пинска.

Подготовка к наступлению в инженерном отношении протекала медленно. Штурмовые плацдармы предохраняли наступающих от излишних

⁷⁵⁹ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. № 24. С. 173–174.

⁷⁶⁰ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. № 103. С. 188–189.

потерь, поскольку расстояние, которое предстояло преодолеть до первой линии окопов противника, сокращалось. Они ускоряли подход к противнику и способствовали нанесению более сильного удара, позволяли организованно и своевременно усиливать атакующие волны подходящими резервами⁷⁶¹. Работы по их созданию велись, но сделано было еще недостаточно, так как большей частью приходилось работать по ночам из-за открытости местности района намеченного наступления. 4-я армия рассчитывала закончить эти работы к 25 мая (7 июня), а 10-я к концу месяца. Однако и эти сроки оказались не реалистичными.

По получении директивы телеграммы № 2598, упоминавшийся выше, Алексей Ермолаевич сделал распоряжение, чтобы все подготовительные работы были закончены 25 мая, на что получил ответ от командующих армиями, что работы затягиваются и они сомневаются в возможности закончить инженерную подготовку даже в конце месяца⁷⁶². Работы приходилось вести только по ночам, но даже в этих условиях противник часто обстреливал тыл передовых окопов. Немцы вообще весьма чутко относились к изменениям обстановки: на следующий день после осмотра Эвертом наблюдательного пункта в районе II Кавказского корпуса 4(17) мая, этот наблюдательный пункт был обстрелян сильнейшим артиллерийским огнем. Это было не единичным случаем: 12(25) мая Алексей Ермолаевич осматривал передовые наблюдательные пункты XXIV и III Кавказского корпусов, и уже ночью противник обстрелял огнем тяжелой и легкой артиллерии господский дом Казаровщизна, где он с сопровождающими лицами пересел с автомашин на лошадей.

В связи с директивой Ставки №2703, указавшей ориентировочные даты начала наступления, главнокомандующий Западным фронтом вынужден был

⁷⁶¹ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 314.

⁷⁶² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 174, 267, 335.

дать разрешение 4-й и 10-й армиям на ввод в боевую линию III Сибирского и III Кавказского корпусов, что еще яснее давало понять противнику намерения русской армии. Хотя эта мера позволяла ускорить создание штурмовых плацдармов, Эверт недвусмысленно сообщил Алексееву 19 мая (1 июня) в своей телеграмме № 14078 о необходимости отложить наступление до 1(14) или 2(15) июня. Среди прочего Эверт упомянул, что начинать наступление в Троицын и Духов день он считал бы несоответственным, но необходимо подчеркнуть, что в тексте телеграммы данное замечание было высказано мимоходом, аргументация главнокомандующего Западным фронтом исходила в первую очередь из чисто практических соображений⁷⁶³.

Создается, однако, впечатление, что с содержанием этой телеграммы начальник штаба верховного главнокомандующего по какой-то совершенно непонятной причине не ознакомился. Михаил Васильевич, накануне начала наступления Юго-Западного фронта – 21 мая (3 июня), запросил мнение Эверта по поводу срока нанесения главного удара, полагая возможным, если общее положение дел на Юго-Западном фронте не потребует содействия, отложить его до 31 мая (13 июня). Эверт ответил на следующий день, когда ожесточенные бои на юге уже завязались. Генерал указывал, что находит желательным произвести вспомогательный удар в районе 3-й армии 31 мая (13 июня), а главный – 4(17) июня. При этом командующий 10-й армией вообще указывал, что для методической подготовки плацдармов на фронте удара нужно еще не менее трех недель. Эверт находил его мнение неприемлемым, так как сосредоточение значительных сил и средств не могло долго сохраняться в секрете от противника⁷⁶⁴.

Алексеев был раздражен этим, указав в телеграмме № 2801 от 23 мая (5 июня), что, если бы эти соображения были сообщены немедленно по

⁷⁶³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 334–335.

⁷⁶⁴ Там же. Л. 383–383 об.

получении директивы №2703, то была бы возможность урегулировать вопрос о начале атаки с Юго-Западным фронтом, отложив ее до 26 мая (8 июня). Михаил Васильевич подчеркнул, что начать 4(17) июня можно только в том случае, если ход событий у генерала Брусилова позволит это, иначе нужно будет приступить 31 мая (13 июня) – 1(14) июня, соединяя в одно вспомогательный удар на Барановичи и на главном направлении. Следует подчеркнуть, что телеграмма генерала Эверта № 14078 как раз и была написана в ответ на директиву № 2703 и, судя по датам, была отправлена сразу же, по ее получении⁷⁶⁵. Никаких иных просьб о переносе срока начала наступления на направлении главного удара от главнокомандующего Западным фронтом не поступало, а предложения Эверта были, в конце концов, одобрены Алексеевым, по-видимому, исходя из оценки последней обстановки на Юго-Западном фронте⁷⁶⁶.

Отправной точкой в анализе рассматриваемых событий является директива Ставки №2703, которая установила ориентировочные даты начала наступления. Почему нами используется в данной связи прилагательное «ориентировочные»? Сама формулировка директивы подразумевала возможность коррекции сроков. Алексеев считал необходимым оказать помощь итальянцам как можно скорее, но это совершенно не означало, что начальник штаба верховного главнокомандующего не видел возможности отсрочить атаку Юго-Западного фронта, о чем он прямо заявил в своей телеграмме №2801. Алексеев знал о трудностях, возникших в ходе подготовки наступления на Вильно, поэтому 21 мая (3 июня) сообщал Эверту о возможности отсрочки до 31 мая (13 июня)⁷⁶⁷. При этом Алексей Ермолаевич еще 19 мая (1 июня) сообщал о необходимости продления срока до 1 – 2 (14 – 15) июня, но, по

⁷⁶⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 334, 368 об., 383, 391

⁷⁶⁶ Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. № 188. С. 252–253.

⁷⁶⁷ Примечательно, что телеграмма № 2769, зафиксировавшая этот факт, не вошла в сборник документов «Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г.».

какой-то причине, телеграмма 14078 не была воспринята начальником штаба верховного главнокомандующего. Из-за этого возникло недопонимание между генералами и несогласованность в действиях фронтов. На наш взгляд сложно увидеть в перипетиях этого чисто технического вопроса согласования действий фронтов отсутствие желания Эверта наступать вообще.

Предвзятая трактовка данных событий Брусиловым в своих воспоминаниях во многом сформировали образ Эверта в историографии. Ведь именно Алексей Алексеевич причислил главнокомандующего Западным фронтом к «куропаткинской школе»⁷⁶⁸. Стоит отбросить эту неудачную по форме и по сути формулировку, которую заимствуют⁷⁶⁹.

Таким образом, делопроизводственные материалы Ставки и штаба Западного фронта позволяют опровергнуть версию генерала Брусилова по поводу позиции Эверта на совещании в Могилеве 1(14) апреля. Планируя взять реванш за мартовское поражение, Алексей Ермолаевич задумал циклопический по своему масштабу удар на Вильно, для которого планировал сосредоточить невиданные дотоле для русского фронта силы и средства. Именно его проект стал основой для доклада начальника штаба верховного главнокомандующего на совещании, на основе которого был выработан общий действий русской армии.

Предложение Эверта ограничится более узкими целями и нанести удар на Барановичи было проигнорировано Алексеевым. При этом несмотря на то, что соображения главнокомандующего Западного фронта были взяты за основу, достигнуть запланированной концентрации сил и средств не удалось. Изменившаяся обстановка на фронтах Первой мировой войны заставила Ставку менять спешить с подготовкой наступления, жертвуя его подготовкой в материальном отношении.

⁷⁶⁸ Брусилов А.А. Мои воспоминания... С. 179, 181-183, 199, 366-369.

⁷⁶⁹ Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. С. 698; Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт. С. 32.

Замысел главного удара был основан на далеко идущих стратегических соображениях, которые перевешивали тактические сложности. Методичное «прогрызание» вражеского фронта неизбежно выливалось в борьбу на истощение материальных средств и резервов. В этой борьбе Эверт предполагал «...бороться с техникой врага кровью...»⁷⁷⁰. В обилии крови сомнений быть не могло, в случае наступления на Вильно она текла бы рекой. Вопрос заключается в том, какие результаты могли быть достигнуты столь обильным ее пролитием.

Многие факторы указывают, что столь дорогой ценой были бы куплены отдельные участки первой укрепленной полосы противника, как это случилось в Нарочской операции. К такому же выводу приходит, в частности, и В. И. Оберюхтин, сравнительно детально проанализировавший подготовку к данной операции⁷⁷¹. Даже в том случае, если бы удалось овладеть всей первой укрепленной полосой, вопрос заключался лишь в количестве вражеских резервов, которое мог стянуть на себя Западный фронт.

§ 2. *Коррекция планов. Наступление на Барановичи*

Эверт 26 мая (8 июня) 1916 г. отдал приказ командующим армиям фронта, который позволяет раскрыть план задуманной им операции:

1) 4-й армии в составе XX, XXVI, XXXV, II Кавказского и III Сибирского армейских корпусов, 2 Сибирской стрелковой и Сибирской казачей дивизии, прочно удерживая расположение своего правого фланга, атаковать противника на фронте Кунава – выселки к Крево (что севернее Крево), прорвать его расположение, развивая действия в направлении на Вильну.

2) 10-й армии, в составе I, XXIV, XXXVIII, XXXXIV, III Кавказского и I

⁷⁷⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 177.

⁷⁷¹ *Оберюхтин В. И.* Барановичи... С. 47.

Туркестанского армейских корпусов и 2 Кубанской казачей дивизии, прочно удерживая расположение своего левого фланга, атаковать противника на фронте выселки к Крево – Кочаны, прорвать его расположение, развивая в дальнейшем успех в направлении на Бенякони. Вместе с тем 10-й армии подготовить нанесение вспомогательного удара в направлении на Вишнево с фронта фол. Кальвария – д. Верцимы.

3) 2-й армии в составе XV, XXVII, XXXIV, XXXVI, I Сибирского и IV Сибирского армейских корпусов, обороняя с полной твердостью занимаемый район, с целью прочного обеспечения правого фланга ударных армий, атаковать противника на фронте озеро Нарочь - болото Оступы, приковывая в то же время силы противника на всем фронте армии.

4) 3-й армии в составе Гренадерского, X, XXV, XXXI армейских корпусов, 112 пехотной, 7 Туркестанской стрелковой, 3 кавалерийской, 5 Донской, 2 Туркестанской, 1 Кубанской, Забайкальской и Уральской казачьих дивизий и Польской стрелковой бригады, обороняя с полной твердостью занимаемый район с целью прочного обеспечения левого фланга ударных армий, атаковать противника в районе оз. Кодычево – д. Тарчицы. Имея в виду успешный ход действий на Юго-Западном фронте, левому флангу III-й армии быть готовым перейти к активным действиям с ближайшей целью овладения Пинском⁷⁷².

Таким образом, главный удар противнику наносили 4-я и 10-я армии на фронте Кунава – Крево – Кочаны, последняя также наносила вспомогательный удар на Вишнево, а 2-я и 3-я – в районе озера Нарочь и Барановичей соответственно. Ни одна из армий фронта не оставалась пассивной. Невольно напрашивается параллель с действиями генерала Брусилова в этом отношении, абсолютное новаторство идей которого нередко подчеркивается

⁷⁷² Там же. Л. 27–27 об.

историографией⁷⁷³.

Отметим в этой связи два немаловажных аспекта. Во-первых, участок Сморгонь – Крево являлся наиболее доступным для наступления и важным в стратегическом смысле на всем протяжении Западного фронта, а поэтому был весьма основательно укреплен обеими сторонами. Позиции располагались на соседних пересеченных холмах или по равнинной местности с небольшим переменным командованием. Небольшие высоты и населенные пункты были обращены в сильные опорные пункты и узлы с мощной пулеметной и артиллерийской обороной. Особенно сильно были развиты искусственные препятствия. В общем позиции сторон были здесь весьма сильны, а германские считались русским командованием в своих докладах неодолимыми или требующими для овладения громадных жертв и времени⁷⁷⁴.

Во-вторых, несмотря на рекомендацию директивы №2703, Эверт не ставил 3-й армии задачи овладения Пинском, так как не имел для этого возможности. 27 мая (9 июня) главнокомандующий Западным фронтом сообщил Алексееву и Брусилову, что в районе Пинска войска так ослаблены, что серьезного наступления произвести не могут, тем более, что оно осложнялось климатическими условиями – болота к тому моменту еще не успели просохнуть.

Для наступления с решительной целью на Пинск – Кобрин Алексей Ермолаевич считал необходимым усиление этого направления по крайней мере двумя дивизиями пехоты и достаточно сильной тяжелой артиллерией. Алексеев, вполне сочувствуя усилению левого крыла фронта, решил перебросить в район Пинска III армейский корпус с Северного фронта и 3 тяжелый артиллерийский дивизион, так как главнокомандующий Западный фронтом смог выделить только одну тяжелую батарею. С окончанием

⁷⁷³ Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. С. 36; Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. С. 32; Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство... С. 388.

⁷⁷⁴ Оберюхтин В. И. Барановичи... С. 32.

предприятия у Барановичей Алексей Ермолаевич рассчитывал прислать еще 1 – 2, но дело приняло неблагоприятный оборот и этого сделать не удалось⁷⁷⁵.

Несмотря на то, что вспомогательный удар на Барановичи предусматривался еще телеграммой генерала Эверта №12452 от 20 марта⁷⁷⁶, к его организации командующий 3-й армией генерал Леш приступил лишь в середине мая. Главнокомандующий Западным фронтом поддержал инициативу, высказанную командиром Гренадерского корпуса Д. П. Парским, о нанесении удара на участке Тарчицы – оз. Колдычевское, с целью захвата Стволовического массива. 19 мая (1 мая) Леш получил указания представить свои соображения по организации атаки и сделать предварительные распоряжения, не указывая при этом войскам демонстративного характера действий⁷⁷⁷.

Обе стороны располагались на избранном участке по холмам противоположных берегов долины р. Щары, проходимой вброд. Позиции сторон имели выступающие вперед опорные пункты и узлы, что придавало фронту позиций бастионный характер, а равно весьма облегчало перекрестный пулеметный огонь. Позиции у германцев были построены солидно и были усиленные бетонированными точками и убежищами. По всему фронту шли сплошные проволочные препятствия. Вся местность между окопами сторон обстранивалась сильным пулеметным и артиллерийским огнем, что при удаленности русских окопов от германской позиции создавало тяжелые условия для атаки. Открытость ближнего тыла русской позиции при командовании района, занимаемого германцами, вынуждали оттянуть артиллерийские позиции на восток. Тоже относится и к резервам, продвижение которых вперед должно было происходить под артиллерийским огнем. Это

⁷⁷⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 29, 30 – 31, 33, 54, 72.

⁷⁷⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 54. Л. 233 об.

⁷⁷⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 337.

приводило к задержке и опозданию резервов⁷⁷⁸.

22 мая (1 июня) Леш доносил, что на окончание работ по подготовке вспомогательного удара к 28 мая (10 июня) рассчитывать, безусловно, нельзя и просил продлить начальный срок, по крайней мере, до 1(14) июня. В итоге таковой Эвертом предписано была нанести 31 мая (13 июня)⁷⁷⁹. Не совсем понятно, почему к подготовке не приступили заранее, так как основные окопы 1-й линии находились в 1,5 – 2 км друг от друга и постройка плацдармов была необходима, а осуществить ее в короткий срок не представлялось возможным. Сблизиться местами удалось до 600 – 800 метров, но в целом постройка исходных плацдармов не была закончена⁷⁸⁰.

В общем, против 3 полков германцев на 7 км фронте было сосредоточено 8 полков и 4 полка стояли в резерве (81-я пехотная дивизия), то есть имелось тройное превосходство в пехоте, учитывая германские резервы, та же пропорция была и в отношении легких орудий, но в тяжелой артиллерии наступающие не имели даже двойного превосходства⁷⁸¹. Что касается количества пулеметов, то оно было меньше числа рот в трех дивизиях корпуса (192 роты). Для сравнения в ходе подготовки операции на Сомме англо-французские войска довели показатели до 4 — 8 ручных пулеметов и 12 ружей-гранатометов на роту, в батальонах были созданы пулеметные роты, имевшие по 8 станковых пулеметов⁷⁸².

Фронт прорыва был назначен узкий, он простреливался артиллерийским огнем с нескольких сторон. Учитывая укрепленный противника, цели, поставленные корпусу, были велики и трудны. Резервы для развития успеха были недостаточны и находились далеко. Бетонированные и другие многочисленные трудноуязвимые цели требовали для подавления мощной

⁷⁷⁸ *Оберюхтин В. И.* Барановичи... С. 56.

⁷⁷⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 55. Л. 383.

⁷⁸⁰ *Оберюхтин В. И.* Барановичи... С. 56–57.

⁷⁸¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 152. Л. 131; *Оберюхтин В. И.* Барановичи... С. 55.

⁷⁸² *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 372.

артиллерии, которой не хватало. Детального плана артиллерийской подготовки сделано не было⁷⁸³.

После артиллерийской подготовки в восьмом часу вечера 31 мая (13 июня) Гренадерский корпус перешел в атаку. К 22.00 правый фланг 1 Гренадерской дивизии занял окопы первой укрепленной полосы германцев, а части 2 Гренадерской дивизии овладели фол. Михалово. Пленных было немного – 51 нижний чин. К утру части Гренадерского корпуса после ряда контратак противника и сильного артиллерийского обстрела отошли в исходное положение⁷⁸⁴. Корпус понес большие потери: до 7000 человек убитыми, ранеными и пленными. Потери германцев – до 3000 человек⁷⁸⁵.

Эверт видел одну из главных причин неудачи под Барановичами назначение всей 81 дивизии генералом Лешем в свой резерв, почему фронт, рассчитанный генералом Парским для удара тремя дивизиями, для двух оказался не по силам. После провала наступления командующий армией передал 81 дивизию в распоряжение командира Гренадерского корпуса и последний запланировал нанести удар на фронте Тарчицы — Дубравы, значительно сокращая участок прорыва. Алексей Ермолаевич полагал желательным назначить наступление на 4(17) июня, планируя привлечь внимание противника к Барановичам, чтобы облегчить действия левого крыла 3 армии в районе Пинска⁷⁸⁶. Прорыв в таком масштабе, на узком фронте, против серьезно укрепленной позиции противника, малыми силами и средствами не сулил успеха даже в случае придания в распоряжение командира корпуса 81 дивизии⁷⁸⁷.

Возможно, под впечатлением от неудачной атаки Гренадерского корпуса, Эверт испрашивал разрешения Алексеева не торопиться с наступлением на

⁷⁸³ *Оберюхтин В. И.* Барановичи... С. 55, 60.

⁷⁸⁴ РГВИА, Ф. 2003, Оп. 1, Д. 282, Л. 1–2, 6–7.

⁷⁸⁵ *Оберюхтин В. И.* Барановичи... С. 63–64.

⁷⁸⁶ РГВИА, Ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 124.

⁷⁸⁷ РГВИА, Ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 32.

Пинском направлении. Теперь ему представлялось недостаточным дожидаться сосредоточения головной 27 дивизии с тяжелой батареей, и он предлагал дожидаться переброски сил с Северного фронта, которую планировалось закончить к 6(19) июня. При этом Алексей Ермолаевич отмечал, что острота необходимости немедленного наступления для войск Юго-Западного фронта исчезла⁷⁸⁸, что соответствовало действительности, так как к 2(15) июня победоносное продвижение 8-й армии приостановилось, и вопрос обеспечения правого фланга этой армии временно отходил на второй план⁷⁸⁹. Следует обратить особое внимание на замечание Эверта о том, что сосредоточение войск в районе Пинска не дает создать на Виленском направлении сильных резервов⁷⁹⁰. Постепенное перемещение усилий русской на юг вступало в противоречие с первоначальными планами.

Начальник штаба верховного главнокомандующего ответил на следующий день, подчеркивая, что достижение успеха на Пинском направлении имеет столь важное влияние на дальнейшее развитие операции Брусилова от Ковеля, что «надлежит выполнить все, могущее обеспечить силу удара». Поэтому он предполагал, что назначение днем начала атаки 6 июня не противоречило интересам 8-й армии⁷⁹¹. Нельзя не заметить, что 2(15) июня скорое падение Ковеля было уже данностью для расчетов Алексеева.

Подготовка к наступлению на Виленском направлении подходила к концу, но ему так и не суждено было состояться – 3(16) июня 1916 года Алексеев известил командующих фронтами о своем согласии на перенос направление главного удара на участок Новогрудок – Слоним⁷⁹². Инициатором этого переноса большая часть исследователей признает главнокомандующего Западным фронтом – Алексея Ермолаевича Эверта. Исключениями в этом

⁷⁸⁸ РГВИА, Ф. 2003, оп. 1, д. 56, л. 107.

⁷⁸⁹ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 404.

⁷⁹⁰ РГВИА, Ф. 2003, Оп. 1, Д. 56, Л. 107.

⁷⁹¹ Там же. Л. 134.

⁷⁹² *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне... Т. III. С. 144.

вопросе являются монография «История первой мировой войны 1914-1918 гг.», созданная под редакцией И. И. Ростунова, а также его собственная работа «Русский фронт первой мировой войны» и исследование С. Г. Нелиповича «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года». В данных работах указывается, что инициатива коррекции планов исходила от Ставки, а не от самого Эверта⁷⁹³.

Не вызывает сомнений тот факт, что именно у главнокомандующего Западным фронтом рождается план, согласно которому удар на Барановичи должен был играть первую скрипку. 2 (15) июня в 13.55 Эверт телеграфировал командующим 4-й и 10-й армиями, что подготовка наступления на Виленском направлении «в главных чертах может считаться законченной». Алексей Ермолаевич отмечал, что войсками произведена громадная работа с большой затратой физических сил и считал необходимым предоставить им не менее суток полного отдыха перед началом решающего штурма.

В тот же день он отправил начальнику штаба верховного главнокомандующего телеграмму №14471, сообщая о завершении работ, хотя и отметил, что дождливая погода их усложняла. Эверт подчеркнул, что 4(17) сможет начать наступление, если, конечно, погода не будет препятствовать артиллерийской подготовке. При этом главнокомандующий Западным фронтом поделился своими соображениями: «Не могу, однако, скрывать, что 4 и 10 армиям предстоит крайне тяжелая работа. Неприятель, как вы знаете, укрепил фронт свой чрезвычайно сильно. Армиям придется брать ряд весьма сильно укрепленных рубежей лобовыми ударами. Весьма возможно, что наступление будет развиваться с большим трудом, медленно, и на него у нас может не достать патронов (здесь и далее подчеркнуто в тексте – С. С.). Между тем большой успех Юго-Западного фронта коренным образом изменил общую

⁷⁹³ История Первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 2. С. 199; Ростунов И.И. *Русский фронт первой мировой войны*. С. 318; Нелипович С.Г. «Брусиловский прорыв»... С. 13.

нашу обстановку. Можно ждать, что на этих днях будут заняты Ковель и Владимир-Волынский и создастся угроза направлению на Брест, особенно если с прибытием корпуса в Пинский район, мы овладеем этим районом и выдвинемся в направлении на Кобрин. Невольно приходит мысль – не следует ли, продолжая усиленно работы на Виленском направлении, привлекая к нему всеми мерами внимание противника, не начинать в этом направлении наступления, а перебросить 2-3 корпуса в район Барановичей с тем, чтобы совместным наступлением от Пинска – Кобрин овладеть районом Барановичи – Новогрудок и, угрожая затем противнику наступлением на фронт Лида – Гродно, принудить его к оставлению позиций впереди Вильны или, во всяком случае, к такому сильному его ослаблению, какое может облегчить наступление оставшихся на этом фронте наших сил»⁷⁹⁴.

Эверт осознавал, что успех Юго-Западного фронта в корне изменил ситуацию. С моей точки зрения, существует ряд причин, почему генерал считал атаку на Виленском направлении менее соответствующей создавшейся обстановке. Во-первых, не стоит забывать, что Алексей Ермолаевич был сторонником идеи, что у русской армии недостаточно сил, чтобы развивать решительные активные действия на двух и более фронтах. Да, конечно, данная мысль была высказана совершенно в других условиях, но тем не менее, и в приложении к данной ситуации она по-прежнему оставалась актуальной: усилить войска Юго-Западного фронта, Пинского и Барановичского районов, придерживаясь выработанного плана, из состава Западного фронта было нечем. Тем более, что неудача атаки Гренадерского корпуса заставляла сомневаться в достаточности сил на левом фланге фронта. Во-вторых, как уже указывалось выше, предложения Алексея Ермолаевича по организации атаки на главном направлении не были выполнены, как с точки зрения концентрации сил, так и в

⁷⁹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 117–120, 138.

отношении снабжения артиллерийскими снарядами.

Овладения районом Барановичей могло быть выполнено меньшими силами и средствами, а в купе с успешным наступлением Юго-Западного фронта позволяло добиться уже не частных, как в апреле, когда такой перенос был впервые предложен Эвертом, а стратегических целей.

Для главнокомандующего Западным фронтом это предложение было плодом тяжелой внутренней борьбы, которую ярко запечатлели его письма к жене – Надежде Игнатьевне: «Кроме того, пришлось эти дни выдержать большую нравственную внутреннюю борьбу: с одной стороны, самолюбие, ... возможность, что поступку дадут неблагоприятную окраску; – с другой – горячее желание общего успеха, кем бы он ни достигался, тяжкая ответственность излишне пролитой крови ради дела, которое могло быть сделано с меньшей ее потерей. Приходилось выбирать. Целые сутки я бродил сам не свой. Горячая любовь к родине и нравственное сознание "так должно" победило. Будущее покажет, прав ли я был, но совесть моя во всяком случае покойна, - я поступил как честный, преданный долгу человек»⁷⁹⁵.

Это тяжело давшееся главнокомандующему Западным фронтом решение исходило из посылки, что наступление Юго-Западного фронта будет развиваться успешно. Алексей Ермолаевич также ждал скорого падения Ковеля, как и начальник штаба верховного главнокомандующего. Этот расчет, по большому счету, был основой плана. Складывалась странная ситуация, когда Брусилов надеялся на Эверта ⁷⁹⁶, а тот, соответственно, на главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Эверт прямо писал Алексееву: «Конечно, такое направление возможно лишь при условии, что успех Юго-Западного фронта будет развиваться, иначе оно только повлекло бы к разброске

⁷⁹⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 30 об, 31.

⁷⁹⁶ Брусилов А.А. Мои воспоминания... С. 179.

сил»⁷⁹⁷. На переброску 3 корпусов, намеченных для удара, с частью тяжелой артиллерии и подготовку удара Алексей Ермолаевич просил у начальника штаба верховного главнокомандующего не менее трех недель⁷⁹⁸.

Не следует забывать, что это было лишь предложение, выдвинутое в рабочем порядке главнокомандующим фронтом, о каком-либо давлении на начальника штаба верховного главнокомандующего с его стороны⁷⁹⁹, речи идти, конечно, не могло.

Более того, Эверт не решался даже определенно выразить, к какому варианту развития событий он склоняется сам. В разговоре с Алексеевым, состоявшемся в половине 21.30 2 (15) июня, на прямой вопрос «к чему лично вы (Эверт – С.С.) более склоняетесь в данное время: сохранить ли в силе подготовленное, хотя и тяжелое, [или] приступить к осуществлению других предложений...» он ответил уклончиво. Эверт заявил, что «определенно сказать трудно». Главнокомандующий Западным фронтом не сомневался, что перенос наступления в район Барановичей более соответствовал обстановке если бы была возможность начать в максимально короткий срок. Но для него его организации требовалось достаточно много времени, и обстановка могла измениться коренным образом изменится. Именно это заставляло Эверта колебаться в своем решении⁸⁰⁰.

Выбор полностью отдавался на откуп начальника штаба верховного главнокомандующего. В то же время, иначе быть в данном случае не могло, так как Алексей Ермолаевич просто не имел всей суммы сведений, чтобы адекватно спрогнозировать развитие ситуации на Юго-Западном фронте. Это относилось к компетенции вышестоящего командования. Алексеев просил задержать приказ о начале артиллерийской подготовки и взял ночь на

⁷⁹⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 121.

⁷⁹⁸ Там же.

⁷⁹⁹ *Вольпе А. М.* Фронтальный удар... С. 312; *Оськин М. В.* Алексей Ермолаевич Эверт. С. 46–47.

⁸⁰⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 129–130.

раздумье⁸⁰¹. Важно отметить, что этот приказ уже был подписан Эвертом и шифровался, так как часом ранее Алексеев дал добро на начало наступления 4(17) июня⁸⁰².

В 12.45 3(16) июня состоялся очередной разговор, в котором Михаил Васильевич сообщил о своем решении перенести удар в район Барановичей, приказав начать переброску назначенных для этого сил в тот же день. Примечательно при этом понимание Алексеевым задач этого наступления.

С. Г. Нелипович выдвинул тезис о том, что решение о переносе главного удара в полосу Юго-Западного фронта родилось у Алексеева через две недели после начала прорыва и укреплялось день ото дня⁸⁰³. На мой взгляд, можно вполне уверенно говорить о том, что эта идея начальника штаба верховного главнокомандующего вполне созрела к моменту этого разговора.

Алексеев, среди прочего, дает указание в районе Барановичей «привлекать на себя внимание теми способами, какие Вы (т. е. Эверт — С.С.) признаете соответственными»⁸⁰⁴. Михаил Васильевич в данном случае имеет в виду продолжение атак, вроде той, что состоялась 31 мая (13 июня) на данном участке. Было бы крайне нелогично стягивать силы противника к участку, на котором планируется серьезное наступление, следовательно, данное направление изначально носило, по замыслу Алексеева, лишь вспомогательные функции. На недоумение главнокомандующего Западным фронтом по поводу вышеуказанного распоряжения Михаил Васильевич ответил: «относительно Барановичей, говорил потому, что нельзя же бросить совершенно Брусилова вести борьбу одному, чем-нибудь нужно помогать»⁸⁰⁵.

Косвенным подтверждением данного тезиса служат и сроки, означенные Начальником штаба Верховного главнокомандующего для подготовки

⁸⁰¹ Там же. Л. 127.

⁸⁰² Там же. Л. 127, 222 об.

⁸⁰³ *Нелипович С.Г. «Брусиловский прорыв»...* С. 20.

⁸⁰⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 131.

⁸⁰⁵ Там же. Л. 132.

наступления. На всю подготовительную работу назначалось от 14 до 16 дней, несмотря на протесты главнокомандующего армиями Западного фронта и командующего 4-й армией⁸⁰⁶. В данном вопросе важны не непосредственные расхождения в цифрах, возможность или невозможность подготовки наступления в указанный период времени, а то, что необходимость поддержки Юго-Западного фронта перевешивает соображения и расчеты непосредственных организаторов и исполнителей планируемого наступления. Следует в этой связи упомянуть, что генерал Брусилов считал необходимым для успешной атаки укрепленной полосы вести подготовку продолжительностью не менее шести недель⁸⁰⁷.

В своем дневнике Сиверс приводит мысль, что русская армия не умела развивать успеха. Согласно его трактовке событий, после отмены наступления на Вильно, корпуса спешно были сняты для отправки на «развитие» этого успеха, но по дороге несколько корпусов были оставлены под Барановичами и без предварительной подготовки попытались прорвать укрепленную позицию. Он подчеркнул, что «если бы тогда Эверт не задержал этих корпусов, не пошел бы на авантюру, то у Брусилова были бы лишние корпуса и успех мог бы развиваться значительно больше»⁸⁰⁸. Парадоксально, но именно Эверт предложил такую комбинацию, которая позволяла перебросить значительные силы на юг. До 26 июня (9 июля), когда неудавшееся наступление Западного фронта на Барановичи было фактически прекращено, Юго-Западному фронту было передано 16 пехотных и 7 кавалерийских дивизий⁸⁰⁹. При этом «авантюристность» наступления на Барановичи была продиктована отнюдь не волей Эверта, а именно Алексеева.

Однако, директивы Ставки главнокомандующим фронтами № 2980 и

⁸⁰⁶ Там же. Л. 223 об. – 225 об.

⁸⁰⁷ Брусилов А.А. Мои воспоминания... С. 181.

⁸⁰⁸ Сиверс А.М. Дневник. 1916–1919. С. 459–450.

⁸⁰⁹ Нелипович С. Г. «Брусиловский прорыв»... С. 23.

№2988, закрепившие принятое решение, мотивировали его несколько иначе. В первой из них отмечалось, что войскам «предстоит крайне тяжелая работа, при чрезвычайно сильно укрепленном фронте неприятельской позиции» (подчеркнуто в тексте — С.С.), а в следующей указывалось на слишком заблаговременное полное сосредоточение войск на Виленском направлении и густое расположение их в ближайшем тылу, которые вполне ориентировало противника в замыслах русского командования. То есть подчеркивались сложности в выполнении поставленной Западному фронту задачи и просчеты его командования в организации наступления, при этом те соображения, которые высказывал Эверт Алексееву, в тексте фигурируют лишь от лица последнего, причем только во второй директиве⁸¹⁰. По всей видимости, данные директивы внесли вклад в формирование соответствующего образа Алексея Ермолаевича в историографии.

Конечно, главнокомандующий Западным фронтом в телеграмме № 14471 указывал на трудности, с которыми столкнулись бы 4-я и 10-я армии в случае наступления на Виленском направлении, но аргументировал свою позицию отнюдь не этим, а новыми выгодными условиями, которые создал успех Юго-Западного фронта.

В любом случае, ни «чрезвычайно укрепленный фронт неприятельской позиции», о котором было известно еще на самых ранних этапах подготовки, ни потеря внезапности, которой Эверт порой сознательно жертвовал для ускорения подготовки атаки, как в случае с решением о вводе в боевую линию III Сибирского и III Кавказского корпусов, не могли изменить расчетов главнокомандующего Западным фронтами.

Сам план наступления на Виленском направлении был рассчитан на длительную и упорную борьбу. К северу от Крево располагался Богушинский

⁸¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 144–148 об.

лес, который являлся серьезным узлом сопротивления протяжением с востока на запад до 5 и с севера на юг до 2 км⁸¹¹. Он, несомненно, составил бы для наступающего серьезное препятствие. Поэтому с овладением частью укрепленной полосы противника у Крево, Эверт предполагал, что войска столкнутся с необходимостью готовить второй удар на лес, лежащий западнее этого населенного пункта. Для этого перед ним был назначен рубеж, до которого примерно следовало продвинуться войскам, что не исключало возможности развития успеха, если бы таковой имел место. Главнокомандующий Западным фронтом не рассчитывал на быстрый выигрыш, готовясь при необходимости овладевать укрепленной полосой противника по частям, и готовился к «большой борьбе»⁸¹². Впрочем, Брусилов в своих воспоминаниях упоминает, что Эверт еще на совещании в Могилеве 1(14) апреля говорил о невозможности скрыть место планируемого удара от противника, так как земляные работы для подготовки плацдарма раскроют ему наши намерения⁸¹³. Таким образом, единственным изменением в обстановке, которое не входило в первоначальные расчеты Эверта, был колоссальный успех Юго-Западного фронта.

Следует заметить, что сам Алексей Ермолаевич был глубоко расстроен формулировками директив и написал Алексееву письмо, в котором высказывал следующие рассуждения: «не трудности выполнения задачи и не сосредоточение противником значительных резервов, на что Вы указывали в директиве [от] 4 июня и о чем я не упоминал в своей телеграмме и чему не придаю и ныне значения, ... побудили меня послать вышеназванную телеграмму (№ 14471 – С. С.). Побудила меня к этому существенно изменившаяся обстановка, созданная большим успехом Юго-Западного фронта, и мысль, что дальнейшее безостановочное развитие этого успеха с переброской

⁸¹¹ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии... Т. 4. С. 341.

⁸¹² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 58–59.

⁸¹³ Брусилов А.А. Мои воспоминания... С. 215.

нескольких корпусов в район Ковеля – Пинска – Барановичи, с угрозой в направлении на Лиду – Гродно, приведет к гораздо большим результатам, чем лобовой удар на Виленском направлении, вынудив противника из сильно укрепленной полосы перейти к маневренным боям на неукрепленной местности, что в значительной степени уменьшит его преимущество в силе технических средств и увеличит наше преимущество в штыках. А для этого необходимо было скорейшее усиление войск Юго-Западного фронта и районов Пинского и Барановичского. Выполняя задачу на Виленском направлении, ничего выделить из состава Западного фронта для усиления Юго-Западного фронта и Пинского направления мы не могли. Наступление в Виленском направлении потребовало бы значительного времени, а за это время успех Юго-Западного фронта мог бы быть приостановлен»⁸¹⁴. Из рассмотренной выше переписки генералов видно, что Алексей Ермолаевич вполне имел причины сетовать на Начальника штаба Верховного главнокомандующего.

На запрос Брусилова о времени перехода Западного фронта в наступление Алексеев ответил, что сделает все возможное, чтобы оно началось не позже 15(28) – 16(29) июня, при этом начальник штаба Верховного главнокомандующего посетовал: «Вы знаете насколько трудно здесь бороться со склонностью [к] систематизации и предварительному накоплению средств»⁸¹⁵. Как раз в сторону систематической подготовки двигалась военная мысль, анализируя печальное наследие Нарочской операции, а Алексеев собирался с таким подходом бороться. Сжимались сроки подготовки наступления, вместо заявленных ранее 14 – 16 дней в разговоре с Брусиловым фигурировали уже 11 – 12, с полной очевидностью проявился тот факт, что действия Западного фронта становились вспомогательными по отношению к соседу.

⁸¹⁴ Там же. Л. 221 об. – 222.

⁸¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 175–176.

Командующий 4-й армии, на долю которой выпала организация атаки под Барановичами, считал, что для реализации такого сложного комплекса мероприятий, как выработка плана операции и артиллерийской подготовки, усвоение его частными начальниками, подготовка нового района в инженерном отношении в связи с усилением армии, устройство новых продовольственных магазинов, складов артиллерийского и инженерного имущества, организация хлебопечения и этапно-хозяйственной части, переброска санитарных учреждений, составление плана эвакуации, устройство новых приемников для раненных, ознакомление постепенно прибывающих в район армии новых частей с возложенными на них задачами, противником, местностью, соседями и т.п., необходимо не менее месяца, иначе задуманная операция будет заранее обречена на неудачу.

Эверт оставил на записке, в которой Рагоза выразил свое мнение, следующую резолюцию: «Ни одной минуты не сомневался, что предстоит громадная работа, лично тоже считал, что нужно 3 – 4 недели, но, в виду категоричного повеления ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, нужно приложить величайшую энергию, чтобы сделать невозможное возможным и быть готовым в назначенный срок. Выработку плана действий и артиллерийских задач необходимо исполнить не более как в 6 дней, чтобы за тем на артиллерийскую подготовку было дней 8 – 10. Артиллерию перебрасывать спешно. Меня особенно озабочивает успеем ли мы перебросить снаряды, особенно имея в виду, что линии будут заняты переброской корпусов»⁸¹⁶.

При этом Алексеев требовал перебрасывать корпуса на Ковельское и Пинское направление с полным напряжением средств, что загружало железные дороги до придела, на запрос же Эверта, что при данной ситуации является приоритетным, он ответил, что равно недопустимо задерживать ни то, ни

⁸¹⁶ Там же. Л. 225–225 об.

другое, заверив главнокомандующего Западным фронтом, что «все можно организовать»⁸¹⁷. Все организовать, однако, не вышло. 17(30) июня, то есть за несколько дней до начала операции, инспектор артиллерии Западного фронта доложил Эверту, что подача снарядов идет медленно и ускорение подвоза совершенно необходимо⁸¹⁸.

В своей докладной записке, составленной после завершения операции, Рагоза отметил, что одна из причин неудачи операции состояла в торопливой подготовке к штурму. Из целого ряда намеченных задач, часть не могла быть выполнена за недостатком времени. План артиллерийской подготовки не был достаточно хорошо усвоен не только пехотными, но даже артиллерийскими начальниками, подготовки района в инженерном отношении почти не было никакой, вследствие чего многие части штурмовали позицию противника в открытую с дистанции 1000 – 2000 шагов и несли большие потери, ознакомление постепенно прибывавших в район армии новых частей с возложенными на них задачами, противником, местностью и соседями производилось наспех, без всякой системы и возможности проверить действительно ли все это понято войсками⁸¹⁹.

Если генерала Рагозу можно заподозрить в желании списать свои ошибки на других, то нет оснований не доверять другим свидетельствам, например, среди документов Ставки удалось обнаружить чрезвычайно интересный документ — «Общий обзор деятельности войск на участках IX, XXXV, XXV арм. корпусов с 19 по 23 июня с.г. (по наблюдениям очевидца (капитана Шайтанова))», который также свидетельствует, что атакующие части не имели штурмовых плацдармов, вследствие чего расстояние до позиций противника доходило до 1,5 верст открытого пространства⁸²⁰. Следует подчеркнуть, что в

⁸¹⁷ Там же. Л. 226–233, 237.

⁸¹⁸ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 212. Л. 24.

⁸¹⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 515. Л. 1.

⁸²⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1392. Л. 146.

данном исследовании не стоит задачи подробного рассмотрения всего сложного комплекса проблем, которые связаны с провалом наступления Западного фронта летом 1916 г.

О результатах наступления Эверт высказался вполне красноречиво: «...так все было продумано, и я верил, что, если не такой как на юге, где враг австрийцы, то все-таки большой успех будет, и первоначально он был, но, несмотря на все мои предварительные указания, вовремя его не поддержали, и, вместо большого, получился малюсенький – гора родила мышшь»⁸²¹. Расплата за его наступления была колоссальной: общая цифра потерь доходила до 80 000 человек.

В директиве Ставки от 26 июня (9 июля) на армии Юго-Западного фронта возлагалась задача решающего удара кампании, а соседний Западный фронт должен был не только отвлекать на себя силы противника, но и выделить новые войска для переброски в полосу наступления Брусилова. В армиях у Алексея Ермолаевича к этому времени снарядов осталось всего на два дня боев, так что, в конце концов, после переговоров с Эвертом, Алексеев решил не настаивать на повторении штурма Барановичей⁸²². Алексей Ермолаевич прекрасно осознавал цену своего провала и был готов расстаться со своей должностью, если от него это потребовалось бы: «... если я так отнесся к смерти доброго Всеволода (сын Эверта – С. С.), то тем более так отнесусь, если бы пришлось расстаться с занимаемым положением. Можешь (жене – С. С.) обо мне не беспокоиться; совесть моя покойна, а это для меня выше всего»⁸²³. Но до этого дело не дошло.

Таким образом, план главнокомандующего Западным фронтом при воплощении в жизнь столкнулся с постоянно изменяющейся обстановкой. Она потребовала нанесения мощного удара на Юго-Западном фронте для помощи итальянским союзникам, в то время как основные усилия устремлялись гораздо

⁸²¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 31 об.

⁸²² *Нелипович С.Г.* «Брусиловский прорыв»... С. 22–23.

⁸²³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 32, 32 об.

севернее – на Вильно. Левое крыло Западного фронта, хотя и наносило вспомогательный удар в Барановичском районе, но было ослаблено в пользу главного направления. Успех фронта генерала Брусилова кардинально изменил ситуацию, и в этих условиях русское военное командование попыталось проявить гибкость, используя все выгоды создавшегося положения, при этом явно переоценивая реальные перспективы развития наступления Юго-Западного фронта.

Коррекция планов строилась на неверной оценке обстановки. Алексеев, в чьей компетенции она находилась, впрочем, как и Эверт, выдавал желаемое за действительное. Иногда в историографии говорится чуть ли не о преступном нежелании Эверта поддержать наступление Юго-Западного фронта⁸²⁴, часто можно встретить цитату из мемуаров Брусилова о том, что Эверт якобы однажды сказал: «С какой стати я буду работать во славу Брусилова»⁸²⁵. Подробным анализом переписки Ставки и Западного фронта это не подтверждается.

Главкомандующий Западным фронтом, после провала 31 мая удара 3-й армии в Барановичском районе, вероятно, сомневался в возможности эффективно помочь Брусилову своими действиями, а свободных сил для переброски на юг Эверт не имел. Рассчитывая на дальнейшее развитие успеха Юго-Западного фронта, Эверт высказал идею, которая нашла живой отклик у генерала Алексеева, чье внимание в то время также было приковано к событиям на юге. Идея эта заключалась в нанесении главного удара в направлении на Барановичи с тем, чтобы совместно с правым крылом Юго-Западного фронта совершить мощное концентрическое движение в общем направлении на Лида — Гродно, принудив противника к оставлению позиций у

⁸²⁴ Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. Ч. 5. С. 29–30; *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство... С. 408; *Ростунов И. И.* Русский фронт первой мировой войны. С. 319; Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914-1917). Т. II. С. 191; Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 165.

⁸²⁵ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания... С. 234.

Вильно. Однако, Михаил Васильевич, формально приняв это предложение, изменил его в своей основе. Алексеев видел в наступлении на Барановичи средство помощи Юго-Западному фронту, а не самостоятельную операцию, главный удар, который по старой памяти апрельского совещания планировал нанести генерал Эверт.

Оба этих сценария развития действий являются паллиативными, правда, в разной степени. Алексей Ермолаевич предполагал не отказываться от нанесения главного удара, рискнуть степенью его подготовленности в пользу благоприятных обстоятельств, создаваемых успехами фронта генерала Брусилова. Михаил Васильевич же фактически решит нанести хоть и сильный, но вспомогательный удар, начиная наперегонки с австро-германскими войсками перебрасывать силы на юг. При этом вопрос о возможностях железнодорожной сети своевременно и скоро обеспечить задуманный маневр, очевидно, не был достаточно разработан. Чрезвычайная поспешность, с которой организовывалось новое наступление, не способствовала успеху и была одним из ключевых факторов, приведших к провалу наступления Западного фронта летом 1916 г.⁸²⁶

§ 3. Участие А.Е. Эверта в событиях Февральской революции и его судьба после отставки

Еще в сентябре 1915, когда Алексея Ермолаевича посетил видный деятель партии Союза 17 октября Николай Иванович Антонов (он был уполномоченным Красного Креста в 4-й армии), он заявил, что Дума встала на «скользкий путь». Генерал говорил Антонову, что «она ... уподобляется жирондистам 1793 г., и [члены Думы] должны помнить, какая была их судьба».

⁸²⁶ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Сергушкин С.С.* Брусиловский прорыв и генерал А.Е. Эверт // *Российская история.* 2016. №6. С. 56-68.

Эверт понимал, к чему стремятся думцы, и в марте 1917 года ему оставалось лишь констатировать, что он «оказался предсказателем»⁸²⁷.

26 февраля (11 марта) Эверту стало известно о волнениях в Петрограде. Он подал рапорт, в которой четко обозначил свою позицию: «Я – солдат, в политику не мешался и не мешаюсь». Он просил лишь принять «надлежащие военные меры» для обеспечения железнодорожного движения и подвоза продовольствия к армиям⁸²⁸. Генерал был поставлен в безвыходное положение, продовольственных запасов фронта хватало лишь на 3 дня. Недостаток продовольствия мог привести к волнениям⁸²⁹.

Вечером следующего дня пришло распоряжение командировать в Петроград для подавления волнений одну бригаду Уральской казачей или 2 кавалерийской дивизии, два вполне надежных пехотных полка с пулеметами и пулеметную команду Кольта в распоряжение генерала Иванова⁸³⁰. Взволнованный Эверт написал жене «...бедный старик, померкнет его боевая слава!». Главнокомандующий Западного фронта сомневался в успехе подобного мероприятия: «2 года идет пропаганда на фронте. Я уверен, что эти надежные части до Петрограда не дойдут...»⁸³¹.

Через несколько часов поступило распоряжение Алексеева во что бы то ни стало обеспечить работу железных дорог⁸³². Эверт отдал самые решительные распоряжения по этому вопросу, приказав в каждой армии немедленно подготовить подвижные резервы в необходимом размере с пулеметами под начальством энергичных, твердых командиров, обеспечив быструю посадку этих резервов на поезда⁸³³.

⁸²⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 25, 25 об, 34.

⁸²⁸ Ставка и революция. № 11. С. 139–140.

⁸²⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4, 4 об.

⁸³⁰ Ставка и революция. № 17. С. 144.

⁸³¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4.

⁸³² Ставка и революция. № 21. С. 148.

⁸³³ Телеграфная переписка Ставки, Петрограда и командующих фронтами в феврале-марте 1917 // Красный архив. 1927. Т. 2. С. 17.

Ситуация продолжала накаляться. Эверт в 11.00 связался по прямому проводу с генерал-квартирмейстером штаба верховного главнокомандующего Лукомским с целью согласовать с ним ответ председателю Государственной Думы. Генерал получил две телеграммы от М. В. Родзянко, в которых говорилось, что ввиду «устранения от управления» всего состава бывшего Совета министров, правительственная власть перешла к Временному комитету Государственной Думы.

Сначала Алексей Ермолаевич предполагал ничего не отвечать, однако подумал, что это может иметь вид принятия телеграмм к сведению или, «еще хуже», к исполнению. Эверт предлагал ответить просто: «армия присягала своему государю и родине, ее обязанность исполнять повеления верховного вождя и защищать родину». Но перед тем, как ответить, генерал хотел знать мнение Алексеева. Лукомский передал Эверту, что Алексеев пока не ответил Родзянко (хоть и составил достаточно резкий ответ), а послал телеграммы генералу Иванову, где указывал, что «желательно» воздержаться от применения силы и императору, где просил «об издании акта, который мог бы успокоить население». Алексей Ермолаевич счел, что его ответ Родзянко как раз «имеет в виду необходимость скорейшего успокоения»⁸³⁴.

Тем не менее, Эверт не решился его отправить, он хотел четкого решения от Алексеева. Тем более, позиция начальника штаба верховного главнокомандующего явно расходилась по духу с запланированным ответом. К вечеру 1(14) марта Ставкой была разослана телеграмма, в которой сообщалось следующее: «Генерал Алексеев докладывает (императору – С.С.), что спасение России (подчеркнуто в тексте – С.С.) и возможность продолжать войну будет достигнуто только тогда, когда во главе правительства будет стоять человек, который будет пользоваться доверием населения и который образует

⁸³⁴ Там же. С. 36–37.

соответствующий кабинет»⁸³⁵.

Позднее повторился и разговор с Лукомским, но вел его уже Квевцинский. Проблема заключалась в том, что Ставка «забыла» передать главнокомандующему Западным фронтом телеграмму Алексеева на имя председателя Государственной Думы. Телеграмма эта была совершенно иной по содержанию и тону, нежели предполагаемый ответ Эверта, во всяком случае, ничего об «обязанности исполнять повеления верховного вождя» в ней найти не удастся. Но, тем не менее, Лукомский заявил, что телеграмма Эверта «в общем» не противоречит взгляду начальника штаба верховного главнокомандующего. Судя по всему, Алексей Ермолаевич, возможно уже после получения текста телеграммы Алексеева, решил свой ответ Родзянко не отправлять⁸³⁶.

Эверт отдает распоряжение до выяснения внутреннего положения в стране пресечь проникновение в войска телеграмм, которые рассылаются членами Временного Правительства, равно как и «агентских» телеграмм и газет, в которых они могли быть напечатаны. Алексей Ермолаевич запрашивает в ночь с 1(14) на 2(15) марта мнение Ставки по этому вопросу, так как считал необходимым добиться единства на всех фронтах. Вскоре он получи ответ от Алексеева, в котором он призывал последовать примеру главнокомандующего Северным фронтом и разрешить к печати все те из заявлений, «кои клонятся к успокоению, к призыву порядка и к усилению подвоза продовольствия и припасов»⁸³⁷. Из двух приведенных выше примеров видно, что Эверт весьма настороженно воспринял революционные события и отнюдь не спешил следовать в их фарватере, однако, он стремился действовать с оглядкой на Ставку, которая вела свою игру.

⁸³⁵ Ставка и революция. № 114. С. 223–224.

⁸³⁶ Телеграфная переписка Ставки, Петрограда и командующих фронтами в феврале-марте 1917 // Красный архив. 1927. Т. 2. С. 50–51.

⁸³⁷ Там же. С. 62, 64–65.

Алексеев поручил своему помощнику – Клембовскому связаться с главнокомандующим Западным фронтом, дабы просить (а судя по развернутой аргументации – уговорить) того советовать императору отречься от престола. Не имеет смысла приводить текст этого обращения, важнее процитировать замечание на него: «Этот вопрос (династический — С. С.) может быть разрешен безболезненно для армии, если только он будет решен сверху. В противном случае, несомненно, найдутся элементы, враждебные тому или другому решению, а может быть, и желающие ловить рыбу в мутной воде»⁸³⁸. Таким образом, Эверт дает четко понять, что последнее слово должно остаться за императором.

Взвесив все за и против, Алексей Ермолаевич написал на имя императора телеграмму: «Ваше Императорское Величество. Начальник штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском селе, Балтийском море и Москве, и результат переговоров генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы. Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков нельзя. Ее можно удержать лишь именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом родины при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и к сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением

⁸³⁸ Там же. С. 67–68.

председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственное, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии»⁸³⁹.

В действительности Эверт оценивал ситуацию иначе и поделился своими мыслями во время прощания с женой, которая по его настоянию уезжала в Смоленск (там оставались 2 дочки и внучка генерала, он боялся, что Надежда Игнатьевна может оказаться отрезанной от них): «Знаешь, что мне пришлось сделать – нарушить клятву, обратившись к Государю с просьбой отречься от престола, все главнокомандующие обратились с этой просьбой, считают, что это единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной»⁸⁴⁰. Алексей Ермолаевич не видел необходимости в смене монарха (во всяком случае, во время войны), но не считал возможным в сложившейся ситуации снять войска с фронта для ее поддержки. Кроме того, вполне очевидно, что генерал не хотел идти против других представителей высшего военного командования, среди которых он был одинок в своих взглядах.

Впоследствии, когда генерал поселился в Смоленске, он часто беседовал об этом с В. А. Друцким-Соколинским, бывшим минским губернатором. По всей видимости, эти люди знали друг друга не первый год и беседы эти носили достаточно доверительный характер, в связи с чем их содержание представляется весьма интересным: «А. Е. Эверт, человек изумительно цельный и определенный, не скрывая и не прячась, открыто обвинял себя в предательстве государя. ... Он полагал, что главным вопросом момента было обеспечение возможности продолжать войну, и думал, что эта возможность сохранится при удовлетворении требований взбунтовавшегося Петроградского гарнизона и возглавившей этот бунт Государственной думы о смене личности

⁸³⁹ Там же. С. 73.

⁸⁴⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4 об., 5.

царствующего Монарха. А. Е. Эверт полагал, что, свалив Императора Николая II и даже, пожалуй, саму монархию, петроградские революционеры вместе с тем не тронут армии, не явятся на фронт и не коснутся дисциплины, оставшись верными лозунгу: "Война до победного конца". ... "Какое легкомыслие!" – заканчивал всякий раз наш разговор А. Е. Эверт. "Как я мог думать и рассчитывать, что, потеряв монархию и оставив Россию в руках Родзянко и его присных, я смогу продолжать войну с немцами, а не лишусь в самый короткий срок и всей своей армии, которая под влиянием событий в тылу обратится в дезорганизованную массу, толпу, совершенно небоеспособный сброд! Надо было оголеть хотя бы фронт, но идти во главе верных частей на Петроград, чтобы защитить Государя и восстановить нарушенный порядок. Я, как и другие главнокомандующие, предал Царя и за это злодеяние все мы должны заплатить своею жизнью..."»⁸⁴¹.

2 марта 1917 года Николай II подписал манифест об отречении от престола. В 18.30 3(16) марта Эверт отправил Алексееву крайне откровенную телеграмму №6245. Он заявил, что тот путь, на который встала Государственная дума, т. е. создание Временного правительства и проведение выборов в Учредительное собрание, ввергнет страну на продолжительное время в анархию. Главнокомандующий Западным фронтом предлагал, как и в случае с отречением императора, выразить консолидированную позицию по вопросу о власти в стране. Эверт считал необходимым отказаться от Учредительного собрания и немедленно объявить манифест об отречении в пользу Михаила Александровича. В противном случае он предлагал выразить коллективный протест и просить об освобождении от «...тяжкой ответственности перед родиной за успех борьбы с врагом...»⁸⁴². Эверт считал, что конституция, по образцу английской, гораздо лучше подходила России при

⁸⁴¹ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству... С. 58–59.

⁸⁴² Ставка и революция. № 333. С. 401–402.

сложившихся условиях и более подходящего конституционного монарха, чем великий князь Михаил Александрович трудно было желать⁸⁴³. Ответа главнокомандующий Западного фронта, по всей видимости, не получил.

Алексея Ермолаевича одолевали вполне объяснимые сомнения в способности нового правительства навести порядок в стране. Он указывал, что «все величие и могущество России поставлено на карту ради призрачных идеалов»⁸⁴⁴. Эверт опасался, «что от России останутся восточные губернии с республиканским управлением, а все наши исконные русские владения будут порабощены немцами»⁸⁴⁵.

За несколько часов до отправки своего сообщения Алексееву, главнокомандующий Западным фронтом послал председателю Государственной думы приветственную телеграмму с пожеланием здоровья «государю императору Михаилу Александровичу». При этом Эверт мимоходом заметил, что объявил войскам манифест государя императора⁸⁴⁶. Представляется, что эта оговорка допущена Алексеем Ермолаевичем не случайно. По-видимому, Эверт решил не дожидаться ответа от Алексеева и в этот раз начал действовать сам, пытаясь лишить думцев свободы маневра. Примечательно, что Ставка ее задержала. Примерно в это же время Родзянко обратился к Алексееву с просьбой задержать объявление манифеста об отречении⁸⁴⁷.

Не позднее 1.45 4(17) марта Алексеев разослал главнокомандующим манифест о непринятии власти великим князем Михаилом Александровичем. Он распорядился немедленно опубликовать их во всех армиях фронта и крупных населенных пунктах⁸⁴⁸. Глубокой ночью по инициативе Квецинского

⁸⁴³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 8.

⁸⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 34, 34 об.

⁸⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 34, 34 об.

⁸⁴⁶ Ставка и революция. № 285. С. 360.

⁸⁴⁷ Там же. № 287. С. 361.

⁸⁴⁸ Там же. № 354. С. 421.

состоялся разговор с Лукомским. Начальник штаба Западного фронта сообщил о сомнениях Эверта в подлинности полученного документа и просил подтверждения верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Главнокомандующий Западного фронта без получения подобного подтверждения был готов объявить его только в том случае, если остальные главнокомандующие были согласны опубликовать данный документ. Лукомский ответил, что манифест подлинный и передан Алексееву Родзянко и подтвержден Гучковым. При этом он подчеркнул, что начальник штаба верховного главнокомандующего находит его опубликование необходимым. Но командование Западного фронта отказалось подчиняться приказу. Квещинский сообщил, что Эверт считает возможным опубликовать манифест только после того, как это сделают другие главнокомандующие фронта, причем начальник штаба Западного фронта требовал сообщить им текст данного разговора. Не рассчитывая на то, что Ставка сделает это, Эверт разослал телеграммы свои коллегам самостоятельно, присовокупив запись разговора⁸⁴⁹.

Эверт предлагал определить дальнейшую судьбу России не исходя из распоряжений новой власти, а на основе консолидированного решения высшего военного командования, как это предполагалось в упомянутой выше телеграмме №6245. Осознав, что Алексеев готов покорно подчиняться распоряжениям Родзянко, главнокомандующий Западным фронтом пошел на открытый саботаж, надеясь заручиться поддержкой своих коллег. В этом способе действий было свое рациональное зерно, так как реальная власть находилась в руках главнокомандующих армиями фронтов и вместе они вполне могли изолировать Ставку. Но и Рузский и Брусилов однозначно высказались за опубликование манифеста⁸⁵⁰.

После этого Эверт начал думать об отставке, но мысль, что «капитан не

⁸⁴⁹ Там же. № 361, 362. С. 426–428.

⁸⁵⁰ Там же. № 363, 367. С. 431, 433.

имеет права оставлять гибнувшего корабля, остановила его». Он писал жене: «буду делать свое дело, пока не свалюсь, или пока меня не заменят свыше или снизу. На все Божья воля, молю Его – сохрани, Господи, Россию!»⁸⁵¹.

Эверт пытался поддерживать дисциплину на фронте, в частности, когда одна из частей решила самостоятельно сменить начальника, он принял энергичные меры для того, чтобы восстановить порядок. Обратившись к Гучкову с просьбой санкционировать его распоряжения, но генерал получил отрицательный ответ, в котором указывалось, что изменившееся положение вещей требует и новых правил и что взаимоотношения высших и низших чинов в армии «будет зависеть от такта начальствующих лиц»⁸⁵². Мне представляется, что ввиду приведенных выше свидетельств, рассказ Гучкова о «разложении»⁸⁵³ Эверта выглядит достаточно сомнительным.

6(19) марта Эверт провел парад Минскому гарнизону и представителям города и торжественное шествие по улицам города. Парад прошел в полном порядке. Он обратился к гарнизону с краткой речью по поводу совершившихся событий, в которой призывал всех к порядку и указывал на необходимость сохранить фронт, и тем довести войну до победного конца⁸⁵⁴.

Лояльность Эверта не без основания ставилась новой властью под сомнение. 4(17) марта к Алексею Ермолаевичу явился Н. Н. Щепкин – товарищ председателя главного комитета Всероссийского союза городов, который заведовал всеми учреждениями Союза на Западном фронте. Он заявил, что он является уполномоченным от Гучкова для того чтобы «предупредить» Эверта о том, что он, «как честный человек, обязан уйти со своего поста, так как не пользуется доверием армии, и даже – конечно, благодаря только его иностранной фамилии – раздаются голоса об измене». На это Алексей

⁸⁵¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 35.

⁸⁵² Там же. Л. 14, 14 об.

⁸⁵³ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 102.

⁸⁵⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 9 об.

Ермолаевич отметил, что он никогда не замечал к себе недоверия и не слышал о нем, несмотря на то, что осуждения его действий в некоторых других отношениях до него доходили. Эверт заявил, что он не отказался от своего поста, считая, что из любви к родине не имеет права этого сделать в такое тяжелое для нее время, но если командующий не пользуется доверием своих армий, то он не может руководить ими, а потому, по назначении соответствующего заместителя, он немедленно командование сдаст. Затем генерал просил выслушать его, как прослужившего 40 лет на военной службе и принимавшего участие в трех войнах, а потому хорошо знающего психологию солдата. Он указал, что демагогические приемы в армии неприемлемы, что они приведут ее неминуемо к разложению, и «через 2 – 3 месяца та же армия сметет и вас»⁸⁵⁵.

7(20) марта Эверт написал письмо Гучкову, где, сославшись на разговор с Щепкиным, просил уволить его со службы⁸⁵⁶. Уже после отправки письма, главнокомандующий Западным фронтом подал в Ставку рапорт, в котором заметил, что его приветственная телеграмма Родзянко была задержана. Он просил содействия в опубликовании информации о том, что Западный фронт одновременно с прочими присоединился к новому правительству⁸⁵⁷. Эверт, по всей видимости, прекрасно понимал, почему была задержана его телеграмма. Он смирялся со своим политическим поражением и капитулировал перед Временным правительством.

Заставило Эверта спешить с оставлением должности письмо Алексева, полученное 8(21) марта. В нем говорилось, что имеются точные сведения из Петрограда о предполагаемом «походе» против высшего командного состава, в первую очередь против него, что постановлено удалить его во что бы то ни

⁸⁵⁵ Там же. Л. 8 об., 9.

⁸⁵⁶ Ставка и революция. № 494. С. 539.

⁸⁵⁷ Там же. №501. С. 545.

стало, не останавливаясь даже перед «насильственными мерами»⁸⁵⁸. 9(22) марта гарнизон Минска во главе с Эвертом и его штабом принесли присягу на верность новому правительству⁸⁵⁹. 11(24) марта Алексей Ермолаевич сдал командование армиями Западного фронта генералу Смирнову⁸⁶⁰.

14(27) марта Алексей Ермолаевич приехал к семье в Смоленск. Впечатление жены, которая не видела его 12 дней, говорит само за себя: «...он состарился лет на 10, сильно похудел и главное – в глазах отразилось столько душевной муки! Первые дни он избегал нас и искал одиночества, но мало-помалу, видя сколько заботы прилагают близкие, чтобы скрасить его жизнь, и, сознавая каким гнетом ложится его настроение на всех окружающих, он забрал себя в руки, и, делая над собою, по-видимому, невероятные усилия, старался выйти в повседневную общую жизнь, но здоровье его ухудшалось с каждым днем, и приступы невралгии причиняли такие страдания, что принудили его обратиться к врачу»⁸⁶¹. Доктор посоветовал Эверту поехать на Кавказ: сначала на серные источники в Пятигорск, а потом в Кисловодск. Так и было сделано и в конце марта Алексей Ермолаевич и с младшей дочерью Верой едет на лечение. Жизнь в Пятигорске протекала спокойно, хотя лечиться водворившийся беспорядок не позволял. Здоровье генерала не улучшалось: «Дни шли за днями, муж не поправлялся, и безысходная тоска ... томила его. Он механически выполнял предписанный ему режим и с полной апатией относился к окружающей повседневной жизни, но за текущими политическими событиями следил с большим интересом и страшно волновался при каждом новом шаге правительства...». Особое негодование Алексея Ермолаевича вызвал отказ Гучкова от портфеля военного и морского министра Временного правительства.

⁸⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 9 об, 10, 10 об.

⁸⁵⁹ Ставка и революция. №585. С. 614.

⁸⁶⁰ Там же. № 568. С. 601.

⁸⁶¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 11.

Эверт написал ему письмо, в котором высказал недоумение, по какому же праву Гучков снимает с себя ответственность и постыдно бежит, положив начало разрухи в армии и уничтожив в ней дисциплину введением демагогических приемов. Надежда Игнатьевна попыталась уговорить мужа от его намерения отправить письмо: «...я просила мужа отложить его отправку до следующего дня, чтобы перечесть в более спокойном состоянии духа. Возбужденность мужа скоро опять сменилась полной апатией, и весь остальной день он просидел, уставив глаза в одну точку и думая какую-то свою думу». В конечном итоге, ее аргумент, что правда может косвенно задеть и других власть имущих, возымел действие, и генерал отказался от своей затеи⁸⁶². В сравнении с 1915 г. мнение Эверта о Гучкове сменилось на диаметрально противоположное, он характеризовал его как пустого фразера⁸⁶³.

Курс лечения кончился, и генерал с семьей решили переехать в Кисловодск, но для них нигде не оказалось помещения. По всей вероятности, свою роль здесь играли генерал-адъютантские погоны и возможность в связи с ними разных инцидентов. Чета думала переехать на Кавказское побережье, но стали ходить слухи о возможности приостановки железнодорожного движения, это привело к решению вернуться в Смоленск.

В дороге поручик, ехавший в том же поезде, стал провоцировать Алексея Ермолаевича: он начал бранить старый режим и бывших генералов, приверженцев Николая II. Наконец, поручик обратился непосредственно к Эверту, попросив оценить назначение генерала Брусилова верховным главнокомандующим. Эверт ответил следующим образом: «Одними демагогическими приемами ни Алексеев, ни Брусилов, ни Керенский солдата воевать не заставят, что же касается самой должности, как таковой, конечно, Алексеев больше соответствовал как по своему характеру и трудоспособности,

⁸⁶² Там же. Л. 11–14 об.

⁸⁶³ Ганин А.В., Эверт И.В. "Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями"... С. 244.

так, и, главным образом, по своему демократическому происхождению». На это поручик, заявил, что это клевета на революционную армию, которая сможет довести войну до победного. Эверт ответил "дай-то Бог!", после чего разговор больше не возобновлялся⁸⁶⁴.

27 мая (9 июня) генерал с семьей вернулся в Смоленск. Вскоре после приезда к нему явились два офицера с просьбой принять участие в образующемся «Офицерском союзе» (видимо, подразумевался Союз офицеров армии и флота или другая местная офицерская организация). Эверт ответил, что, относясь с полным сочувствием к образованию подобной организации, вынужден отказаться от участия, так как, не пользуясь доверием Временного Правительства, может только повредить ей.

В июне на фронте разыгрались активные действия. Алексей Ермолаевич «весь погрузился в военные карты, лихорадочно следя за передвижением войск, делая свои собственные соображения и, одновременно волнуясь, что все сорвется»⁸⁶⁵. Задуманное наступление, главную роль в котором играл Юго-Западный фронт, первоначально имело определенный успех, однако, вскоре наступательный порыв иссяк. Немецкий контрудар на фронте 11-й русской армии, начавшийся 6(19) июля, заставил весь фронт отступить. Наступление на Западном и Северном фронтах, начатое в первой половине июля, сорвалось. После мощной артиллерийской подготовки войска почти без потерь заняли первую неприятельскую позицию и не захотели идти дальше. Начался уход с позиций целых частей. Всякие активные действия на обоих фронтах к северу от Полесья прекратились⁸⁶⁶. Изменения в настроении Эверта чутко уловила его жена: «...после этих событий в душе мужа наступила реакция – его былые настроения постепенно сменились полным смирением перед волей Божьей. Он стал спокойно относиться к окружающему, начал больше входить в интересы

⁸⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 15 об. – 17 об.

⁸⁶⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 2, 2 об.

⁸⁶⁶ *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. С. 659–661.

семьи»⁸⁶⁷.

Эверт решает перезахоронить сына Всеволода (он умер от брюшного тифа во время войны) рядом с дочерью на Покровском кладбище в Смоленске. 7(20) июля состоялись похороны, за гробом шли два генерал-адъютанта в полной военной форме — отец усопшего и М. В. Алексеев. Это красноречиво указывает на то, что между Алексеем Ермолаевичем и Михаилом Васильевичем сохранились теплые дружеские отношения.

Алексеев задержался в Смоленске до середины августа и каждый день встречался с Эвертом на утренних прогулках в Лопатинском саду. На одной из прогулок Михаил Васильевич поделился чрезвычайно интересным фактом: «...в один из последних дней пребывания Государя в Ставке, уже после его отречения, Алексеев высказал Его Величеству сожаления, что он устранил от престола наследника, добавив, что, если бы он отрекся в пользу сына, — колесо истории могло бы повернуться иначе. На это Государь возразил, что, если Алексеев так думает, — он готов исправить свою ошибку, — и тотчас написал новый манифест, который и передал Алексею для объявления. Алексеев сказал, что это уже слишком поздно, но Государь продолжал настаивать. Тогда Алексеев взял его, но решил не объявлять»⁸⁶⁸.

После возвращения Алексеева в Смоленск в сентябре 1917 г., он посвятил Эверта в свой план — организовать армию из рассеянных офицерских организаций, опираясь на казачество. В материальном отношении он рассчитывал на поддержку московского купечества и разных московских общественных организаций. Этот проект не встретил сочувствия со стороны Эверта.

Во-первых, он не представлял себе армии, состоящей из одних офицеров, без солдат. Во-вторых, он указывал, что лучшие, самые идейные ее

⁸⁶⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 2 об.

⁸⁶⁸ Там же. Л. 2 об. — 3 об.

представители будут рваться в бой и погибнут самыми первыми, причем среди рядового офицерства, как и среди командного состава, найдется место для шкурничества, а значит начнется борьба за власть в ущерб общему делу. Тем более тыл останется все тем же, чем и был во время войны, со всеми его личными или партийными интересами и стремлением «ловить рыбу в мутной воде». В-третьих, Алексей Ермолаевич отмечал, что казачество по натуре – те же большевики и они будут отстаивать только свою землю и свои собственные интересы. В-четвертых, он сомневался, что московское купечество и общественные организации решаться на большие материальные жертвы и если они и окажут поддержку, то она будет слишком незначительна для создания армии. В последствии генерал подчеркивал, что «...нельзя служить делу (имеется в виду Белое движение — С. С.), в успех которого не веришь»⁸⁶⁹.

В Смоленске Эверт встретил и приход к власти большевиков. Вначале он отнесся к этим событиям с полным спокойствием. Алексей Ермолаевич не ждал от них большей угрозы для России, чем от Временного Правительства⁸⁷⁰. Для него октябрьская революция была лишь частью крупного исторического процесса распада русского государства «...они (большевики – С.С.) лишь слепые исполнители велений создавшейся обстановки, а последняя – результат исторического хода жизни России. ... По тем же основаниям исторического хода, при каковых гибли или разрушались прежние великие государства, гибнет и русская империя. Разве может существовать и развиваться государство, в котором подорвана вера, нет любви и преданности к Родине, нет прочной семьи, где слабо развито чувство долга, добросовестность в работе, самоуважение, уважение чужой собственности»⁸⁷¹. Для себя лично генерал тоже не чувствовал опасности. Он говорил жене: «...да на что я им нужен?

⁸⁶⁹ Там же. Л. 4, 4 об.

⁸⁷⁰ Там же. Л. 7.

⁸⁷¹ Ганин А.В., Эверт И.В. "Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями"... С. 235.

Отбирать у меня нечего и живу вне всякой политики, простым обывателем»⁸⁷².

В выборах в Всероссийское учредительное собрание Эверт участия не принимал. Он считал, что «узурпаторы», так легко захватившие власть и удерживающие ее в течении 2-х месяцев, вряд ли добровольно откажутся от нее⁸⁷³.

11(24) февраля к Алексею Ермолаевичу подошел бывший офицер XIII корпуса, предупредил генерала, что ему необходимо скрыться, т.к. он состоит в списке лиц, которых решено уничтожить. Офицер также предложил временно укрыть его в надежном месте, а затем оказать содействие в бегстве. Загадочный господин предлагал Эверту переправить его за границу, но от предложения генерал отказался. Помимо всего прочего, этот господин сообщил Алексею Ермолаевичу, что немцы находятся в 60 верстах от города, что в итоге сподвигло генерала отправиться в Москву. Алексей Ермолаевич был уверен, что немцы окружают его почетом, но очутится в плену, хотя бы и почетном, он не хотел. Для пожилого генерала это было бы слишком позорным⁸⁷⁴.

В Москве в ночь с 14(27) на 15(28) февраля он был арестован на квартире у племянницы, где семья решила поселиться на первое время, и заключен в Таганскую тюрьму. Следует заметить, что несмотря на «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря», дата в данном случае приведена по старому стилю.

Благодаря усилиям Надежды Игнатьевны и заступничеству М. Д. Бонч-Бруевича Эверт был отпущен. Выяснилось, что его задержали для допроса, на котором выяснялись причины отъезда из Смоленска, и почему отставной генерал не зарегистрировался тотчас по приезде в Москву. Через несколько дней Алексею Ермолаевичу было выдано удостоверение личности за подписью самого Бонч-Бруевича, при этом ему посоветовали для большей безопасности

⁸⁷² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 7.

⁸⁷³ Там же. Л. 9.

⁸⁷⁴ Там же. Л. 11 об. – 12.

оставаться в Москве.

Но средств для этого у семьи не было. Надежда Игнатьевна в своих воспоминаниях указывает, что Алексею Ермолаевичу была предложена должность командующего войсками Московского военного округа. Эверт от столь щедрого предложения отказался. Иного заработка он найти не смог. Брат племянницы генерала служил агентом страхового общества в Верее, он «был многим обязан» Алексею Ермолаевичу и, стремясь его отблагодарить, уговаривал поселиться в Верее, обещая со своей стороны полное содействие. Эверт принял это предложение⁸⁷⁵.

В начале мая 1918 года семья Эвертов переехала в Верею. Там до бывшего главнокомандующего Западным фронтом дошла весть об убийстве Николая II, он тяжело переживал это событие, обронив как-то в разговоре с женой такую фразу: «А все-таки, чем ни оправдывайся, — мы, главнокомандующие, - все изменники присяге и предатели своего Государя! О, если бы я только мог предвидеть несостоятельность Временного Правительства и Брест-Литовский договор, я никогда бы не обратился к Государю с просьбой об отречении! Нас всех ожидает та же участь и поделом!»⁸⁷⁶.

30 августа 1918 года в Петрограде застрелили Моисея Урицкого, в Москве в тот же день был тяжело ранен Ленин. В ответ 5 сентября большевики объявили красный террор. Начались массовые аресты и расстрелы «буржуев» и офицеров⁸⁷⁷. 20 сентября Эверта снова арестовали, отправив сначала на верейскую гауптвахту, а затем его этапировали в Можайск. Через несколько дней Надежде Игнатьевне удалось узнать причину ареста, Алексей Ермолаевич был взят в качестве «заложника»⁸⁷⁸. Он сам прекрасно понимал, что «Такого

⁸⁷⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 2–5, 11 об. – 12, 13–13 об., 15–15 об.

⁸⁷⁶ Там же. Л. 16, 18–18 об.

⁸⁷⁷ Ганин А.В. Главком Западного фронта... С. 53.

⁸⁷⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 23., 24 об., 25 об.

туза, как бывший главнокомандующий ген[ерал] Эверт, скоро не выпустят»⁸⁷⁹.

В связи с годовщиной революции заключенные тюрьмы ждали амнистии, но сам генерал предчувствовал беду. На последнем свидании с Надеждой Игнатьевной 29 октября генерал попросил ее скорее хлопотать о его переводе в Москву. Алексей Ермолаевич опасался, что всех его сотоварищей по камере выпустят и он останется совсем один среди «враждебных» ему людей. Когда же Надежде Игнатьевне все-таки удалось добиться этого перевода, при визите в Можайскую тюрьму 16 ноября, ей сообщили, что Эверт был выведен из тюрьмы для препровождения в Москву, по дороге сделал попытку к бегству и был застрелен. Это произошло 12 ноября 1918 г.

Позднее вдове генерала удалось восстановить картину произошедшего. В 7 часов утра Эверта повели по направлению к вокзалу полем. По одной версии между арестованным и конвойными завязался какой-то спор, конвойные как бы что-то требовали от сопровождаемого ими, а тот отказывался и при этом остановился, потом арестованный пошел вперед, а в это время раздался выстрел, после которого Алексей Ермолаевич упал сначала на колени, затем последовал второй выстрел. По другой версии из-за куста выскочил еще один солдат и выстрелил в спину арестованному. Далее все свидетельские показания сводились к тому, что убитый долго лежал на дороге и при нем остался один конвойный, а другой ушел⁸⁸⁰.

Подтвердить достоверность свидетельств дневника Надежды Игнатьевны Эверт позволяют 2 источника: воспоминания Друцкого-Соколинского, который также указывает, что Эверт был расстрелян в Можайске⁸⁸¹ и рецензия генерала Брусилова на статью профессора Кельчевского «Опасное открытие», которая была написана в 1923 г. В ней Брусилов говорит о бывшем

⁸⁷⁹ Ганин А.В., Эверт И.В. «Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями»... С. 229.

⁸⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 40, 45, 46 об. – 47.

⁸⁸¹ Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству... С. 59.

главнокомандующем Западным фронтом как о покойном⁸⁸². Что же касается Друцкого-Соколинского, то Надежда Игнатьевна упоминает, что одна из его родственниц жила в то время в Можайске⁸⁸³, так что Владимир Андреевич мог получить информацию из первых рук.

Таким образом, получив первые сведения о волнениях в Петрограде, Эверт занял осторожную выжидательную позицию. Главнокомандующий Западного фронта стремился действовать с оглядкой на Ставку, считая, что в столь непростой обстановке высшему военному командованию следует выработать консолидированную позицию.

Эверт не верил, что отречение Николая II будет способствовать достижению победы в войне. Но, во-первых, он сомневался в лояльности подчиненных ему войск, а, во-вторых, опасался снимать значительные силы с фронта для подавления волнений в тылу. Алексей Ермолаевич рассчитывал, что император станет лишь разменной монетой, уступкой оппозиции. Уже 4(17) марта главнокомандующий Западным фронтом понял, что ошибся. Если конституционная монархия с Михаилом Александровичем вполне устраивала Эверта, то Временное правительство с перспективой выборов в Учредительное собрание – категорически нет. Борьба развернулась вокруг публикации манифеста о непринятии власти великим князем Михаилом Александровичем: Алексей Ермолаевич пошел на открытый саботаж, отказавшись выполнять распоряжения Ставки и Временного правительства. Он рассчитывал на поддержку со стороны остальных главнокомандующих, но не получил ее. Эверт вынужден был смириться с политическим поражением и покинуть горячо им любимую армию.

Это стало для Алексея Ермолаевича тяжелым моральным ударом, от которого он так и не смог оправиться. Встретив приход к власти большевиков с

⁸⁸² Брусилов А.А. Мои воспоминания... С. 368.

⁸⁸³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 29 об.

безразличием и не пойдя с ними на сотрудничество, Эверт не принял участия и в Белом движении, не веря в его успех. Генерал принципиально решил остаться на родине. Это решение привело к трагедии: он был убит в возрасте 61 года⁸⁸⁴.

⁸⁸⁴ При написании параграфа были использованы материалы статьи: *Сергушкин С.С.* «Я – солдат, в политику не мешался и не мешаюсь»: генерал А. Е. Эверт и Февральская революция // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 2. С. 1-9.

Заключение

Получив блестящее военное образование, Эверт длительное время служил в Варшавском военном округе, где была создана благоприятная атмосфера для расширения его знаний. В мирное время Алексей Ермолаевич заслужил хорошую репутацию в армии. Все это сыграло свою роль, и его дарование заметил А. Н. Куропаткин, благодаря которому карьера Эверта совершила стремительный рывок. Русско-японская война 1904-1905 гг. дала Алексею Ермолаевичу бесценный практический опыт, которого ему так не хватало. Но служба в подчинении у Куропаткина не стала для него чем-то большим: его начальник не оставил значительного следа на профессиональных взглядах Эверта.

Занимая пост главнокомандующего армиями Западного фронта, Эверт продемонстрировал, что ему чужд мелочный контроль за деятельностью подчиненных, столь характерный для Куропаткина. Значительная удаленность штаба фронта от передовой, усложнение военного искусства и штабной службы заставляли Алексея Ермолаевича воздерживаться от подобного метода управления. Командующие армиями оставались важнейшей инстанцией в механизме управления, ответственной за разработку наступательных операций.

Отчасти такое положение было вынужденным, так как у штаба Западного фронта не было эффективных органов управления на местах. Наглядно этот недостаток демонстрирует ситуация с распоряжениями Эверта, направленными на повышение обороноспособности фронта. Оказавшись в новых условиях позиционной войны, Алексей Ермолаевич организовывал систему обороны фронта в полном соответствии с передовыми достижениями военной мысли того времени. С самого начала на Западном фронте строились не оборонительные линии, а укрепленные полосы. Уже в январе 1916 г. войска получили указания основную тяжесть обороны перенести на 2-ю или 3-ю линию укрепленной полосы. Важнейшим элементом системы обороны стали контратаки значительных частных и общих резервов и заградительный огонь

артиллерии.

Но, несмотря на то внимание, которое уделял Эверт вопросу инженерного оборудования позиций, довести их до должной степени готовности не удалось даже за полтора года позиционной борьбы. Постоянные ревизии, инсценируемые начальниками разных уровней, в первую очередь фронтовым командованием, раз за разом вскрывали многочисленные недостатки оборонительных позиций, а регулярные успехи противника в локальных наступлениях заставляли Эверта ощущать шаткость своего положения.

Главкомандующий армиями Западного фронта считал, что единственное правильное решение в таких условиях – это перехватить инициативу у неприятеля. Именно поэтому Эверт стал главным идеологом двух крупных наступательных операций – Нарочской и Виленской. Здравое оценивая боевые возможности противника, Алексей Ермолаевич считал, что для успеха наступления русской армии необходимо собраться с силами. С его точки зрения, этот процесс был в достаточной степени окончен к началу 1916 г.

Но уже с конца октября 1915 г. главкомандующий Западного фронта призывал Алексеева к активным действиям, добиваясь организации наступления в направлении Молодечно – Вильна. Однако этот план не был воплощен в жизнь, Эверт вынужден был отказаться от него в пользу другого, требовавшего не столь значительных ресурсов. Он был рассчитан, в первую очередь, на эффективное взаимодействие с соседним Северным фронтом, но М. В. Алексеев равнодушно отнесся к начинанию Эверта, включившись в работу только в конце февраля 1916 г., когда время уже было безнадежно упущено.

В итоге два фронта должны были наступать изолированно друг от друга, фактически осуществляя две разные операции, которые лишь в перспективе, успешно развиваясь, могли объединиться в одну. Однако провал Нарочской операции был связан не только с этим. Для Западного фронта эта операция стала первым опытом штурма серьезно укрепленной полосы противника в

условиях позиционной войны. Эта задача требовала выработки новых методов и решений, в том числе управленческих. Было допущено множество ошибок, анализ которых привел к выработке целостной теории прорыва Эвертом и его подчиненными.

Она заключалась в затажном планомерном продвижении вглубь вражеской обороны за счет использования мощного артиллерийского кулака, который должен был расчищать путь пехоте. Но крайне ограниченное производство тяжелых снарядов ставило под вопрос теоретические построения Эверта и его штаба. Однако Алексей Ермолаевич прекрасно понимал, что военная промышленность Российской империи не способна состязаться с германской. В условиях технического превосходства противника главнокомандующий Западного фронта предлагал использовать преимущество в живой силе, принося кровавую жертву на алтарь победы. При этом людские ресурсы использовались не рационально. Отсутствовала единая для всего Западного фронта четко организованная система обучения, призванная передавать накопленный войной опыт. Вливающиеся в состав армий фронта пополнения, не были достаточно хорошо обучены, что снижало боеспособность частей.

Ставка Эверта на использование химического оружия в качестве фактора, способного принести успех при прорыве укрепленного фронта противника, не оправдалась. Интерес, проявленный им к организации газобаллонных атак, не привел к конкретным результатам. Это стало прямым следствием неустроенности фронтового аппарата управления данной сферой. Скудные ресурсы, кадровые и материальные, распределялись равномерно по всему фронту. Химические снаряды использовались эпизодически, снабжение тяжелой артиллерии фронта данным видом снарядов не осуществлялось, что значительно снижало возможности артиллерии в борьбе с батареями противника.

Планируя взять реванш за мартовское поражение, Алексей Ермолаевич

задумал циклопический по своему масштабу удар на Вильно. Замысел главного удара был основан на далеко идущих стратегических соображениях, которые перевешивали тактические сложности. Именно его проект стал основой для доклада начальника штаба верховного главнокомандующего на совещании в Могилеве 1(14) апреля, на его базе был выработан общий план действий русской армии.

В ходе подготовки стало ясно, что намеченной концентрации сил и средств добиться не удастся. Это побудило Эверта выдвинуть предложение ограничиться более узкими целями и нанести удар на Барановичи, но оно было проигнорировано Алексеевым.

Изменяющаяся обстановка на фронтах Первой мировой войны потребовала нанесения мощного удара на Юго-Западном фронте для помощи итальянским союзникам, в то время как основные усилия были сосредоточены гораздо севернее. Левое крыло Западного фронта хотя и наносило вспомогательный удар в Барановичском районе, но было ослаблено в пользу главного направления. Успех фронта генерала Брусилова кардинально изменил ситуацию, и в этих условиях русское военное командование попыталось проявить гибкость, используя все выгоды создавшегося положения, при этом явно переоценивая реальные перспективы развития наступления Юго-Западного фронта.

Эверт после провала 31 мая (13 июня) 1916 г. удара 3-й армии в Барановичском районе сомневался в возможности эффективно помочь Брусилову своими действиями, а свободных сил для переброски на юг не имел. Рассчитывая на дальнейшее развитие успеха Юго-Западного фронта, Эверт высказал идею, которая нашла живой отклик у Алексеева. Она заключалась в нанесении главного удара в направлении на Барановичи с тем, чтобы совместно с правым крылом Юго-Западного фронта совершить мощное концентрическое движение в общем направлении на Лида — Гродно, принудив противника к оставлению позиций у Вильно. Однако, Михаил Васильевич, формально

приняв это предложение, изменил его в своей основе. Алексеев видел в наступлении на Барановичи средство помощи Юго-Западному фронту, а не самостоятельную операцию, главный удар, который планировал нанести Эверт. Чрезвычайная поспешность, с которой организовывалось новое наступление, была одним из ключевых факторов, приведших к провалу наступления Западного фронта летом 1916 г.

Алексей Ермолаевич стремился не терять присутствия духа и веры в победу даже в самых тяжелых условиях, внушая уверенность и силу духа другим. Возможно, именно это позволяло ему, возглавив разбитые и деморализованные войска, спустя короткое время вновь вести их в бой с новыми силами. Обратной стороной этого качества была излишняя уверенность в собственных силах, желание брать на себя ответственность даже тогда, когда успех предприятия не всегда был очевиден.

Эверт, безусловно, являлся одним из самых ярких командующих армиями Российской империи в годы Первой мировой войны. Под его началом армия смогла в тяжелейших боях отстоять Люблин. В ходе кампании 1915 г. 4-я армия сумела нанести противнику мощный контрудар под Вилколазом. Эверт занял в армии главенствующее положение не только по своей должности, но и по той роли, которую он играл в организации боевой работы армии.

Как ни парадоксально, но в этом качестве он обладал большей административной автономией, чем на посту главнокомандующего армиями Западного фронта. Необходимо подчеркнуть, что ни одно из предложений о наступлении Эверта не было воплощено в том виде, в котором оно было запланировано. Кроме того, даже в ходе подготовки Нарочской операции главную роль играло командование 2-й армии.

В период Февральской революции Эверт занял осторожную позицию, действуя с оглядкой на Ставку. Он не верил, что отречение Николая II будет способствовать достижению победы в войне, но все же в своей телеграмме посоветовал ему отречься от престола. Алексей Ермолаевич рассчитывал, что

император станет лишь разменной монетой, уступкой оппозиции. Однако ситуация начала развиваться по неожиданному для него сценарию. Получив манифест о непринятии власти великим князем Михаилом Александровичем, Эверт предпринял отчаянную попытку поставить политическую ситуацию в стране под контроль высшего военного командования в лице главнокомандующих фронтами. При этом он пошел на открытый конфликт с Алексеевым, отказавшись подчиняться его приказам. Но его инициатива не получила поддержки со стороны коллег. Это стало причиной его скорой отставки.

Подавленный ударами судьбы, Эверт не желал покидать родину, но и не видел перспектив борьбы против революции, а лишь наблюдал за тем, как его страна катится под откос с умопомрачительной скоростью. Он трагически погиб в России, потому что иной участи представить для себя и не мог.

Список источников и историографии

Источники:

Архивные материалы:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд Р5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов.

Опись 2. Д. 757, 758, 759, 760, 761, 962а.

Фонд Р5956. Чернавин В.В., генерал.

Опись 1. Д. 5.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Фонд 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев.

Опись 1. Д. 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 74, 75, 76, 112, 278, 279, 281, 282, 283, 496, 509, 515, 669, 704, 850, 853, 854, 1392.

Опись 2. Д. 1055.

Фонд 2048. Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта.

Опись 1. Д. 6, 9, 10, 12, 17, 28, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 48, 64, 66, 68, 91, 93, 94, 95, 97, 101, 105, 108, 115, 116, 150, 152, 201, 202, 212, 218, 896, 906, 909, 911, 912, 1232.

Фонд 2118. Штаб 4-й армии.

Опись 1. Д. 4, 5, 6 ч. 1, 6 ч. 2, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 534, 537.

Фонд 400. Главный штаб.

Опись 21. Д. 3589, 3608.

Фонд 544. Николаевская академия генерального штаба (с 1909 г. – Императорская Николаевская военная).

Опись 1. Д. 1666.

Сборники документов:

1. Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.) М., 1938.
2. Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. Сборник документов. М., 1940.
3. Русско-японская война 1904—1905 гг. Т. V. Ч. 1. С. 43-48.
4. Ставка и революция. Штаб верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года по документам Российского государственного военно-исторического архива. Сборник документов. 18 февраля – 18 июня 1917. Т. 1. М., 2019.
5. Телеграфная переписка Ставки, Петрограда и командующих фронтами в феврале-марте 1917. Красный архив, 1927, № 2, 3.
6. Черкасов П.В. Мировая война 1914-1918. «Луцкий прорыв.» Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 года. М., 1924.

Законодательные акты:

7. Воинский Устав о строевой службе. Батальонное учение. СПб., 1866.
8. Высочайше утвержденное Положение о Военных Училищах: Первом (Павловском), Втором (Константиновском), Третьем (Александровском), Четвертом (в городе Оренбурге), Николаевском

Кавалерийском, Михайловском Артиллерийском и Николаевском Инженерном // ПСЗРИ. Т. 42. Ч. 1. С. 945-955.

9. Изменения и дополнения статей положения о полевом управлении войск в военное время с 20 июля 1914 г. по 1 марта 1916 г. СПб., 1916.
10. Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914.
11. Строевой пехотный устав. Петроград, 1916.

Материалы органов военного управления:

12. Общие указания для борьбы за укрепленные полосы. Часть I. Действия всех родов войск. 2-е изд., доп. Петроград, 1916.

Справочные материалы:

13. Книга адресов жителей Москвы. 1857. М., 1857.
14. Книга адресовъ жителей Москвы. М., 1851.
15. Русский провинциальный Некрополь. Том 1. М., 1915.
16. Список Генерального Штаба: Исправлен по 1-е июня 1914 года. Пг., 1914.

Мемуары, дневники, письма:

17. Александр Иванович Гучков рассказывает: Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993
18. Баланин Д. [В.] На боевых полях... // ВС. 1917. № 2.
19. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.
20. Брусилов А.А. Из записок // Россия. 1924. № 3.

21. Ганин А.В., Эверт И.В. "Я служил, но проглядел жизнь с ее радостями». Послереволюционный дневник и тюремные письма генерала А.Е. Эверта. 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 220-277.
22. Давыдов П. М. Путь солдата. Ставрополь, 1964; *Он же*. В огне трёх войн. Ставрополь, 1971.
23. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991.
24. Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005.
25. Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству: Записки русского губернатора, 1914—1918. М.: «Русский путь», 2010.
26. Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М., 1996.
27. Залесский П. И. Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин, 1925.
28. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986.
29. Кондзеровский П. К. В ставке верховного. 1914-1917. Париж, 1967.
30. Куропаткин А. Н. Дневник 1904—1906. Красный архив, 1922, № 2; 1924, № 5, 7; 1925, № 1; 1935, № 1-3.
31. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке 1914—1915. Минск, 2003.
32. Милоданович Е. А. Из записной книжки Начальника штаба 14-го армейского корпуса 1914 год // Военная быль. Париж, 1972.
33. Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914-1917. М., 2014.
34. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999.
35. Романов Н.М. Записки. Красный архив. 1931. № 4-5. С. 140-183.
36. Самойло А. А. Две жизни. М., 1958.
37. Сиверс А.М. Дневник. 1916—1919 / сост., предисл., коммент. А.Б. Гуларян. — М.: Кучково поле, 2019.
38. Снесарев А. Е. Письма с фронта: 1914-1917. М., 2012.

39. Тихомиров Л. А. Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008.
40. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. I-II.
41. Шварц А. В. Ивангород в 1914-1915. М., 1922.
42. Шихлинский А. А. Мои воспоминания. Баку, 1984.
43. Экк Э. В. От русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе 1868 — 1918. М., 2014.

Историография:

44. Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015.
45. Айрапетов О.Р. Развитие положений об огневом бое в Уставах русской армии в 1831–1866 гг.: к вопросу о военных реформах 1860–1870-х гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. №3. С. 5-23.
46. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). М., 2014. Т. I-III.
47. Балк В. Развитие тактики в мировую войну. Петроград, 1923.
48. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900-1917 гг.). М., 1949.
49. Белой А.С. Галицийская битва. М. — Л., 1929.
50. Варфоломеев Н.Е. Ударная армия: 1918 г. На Западном фронте мировой империалистической войны: Германское наступление (21 марта - 4 августа). М., 1933.
51. Веденяпин Н. Московский Императрицы Екатерины 1 Кадетский Корпус. 1778-1978 // Кадетская переключка. 1979. № 22.
52. Вольпе А.М. Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны. М., 1931.
53. Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914-1917). М., 2014. Т. I-II.

54. Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914-1918 гг. М., 1935.
55. Ганин А.В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49-53.
56. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. Спб., 1882.
57. Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте. М., 2014. Кн. 2. Т. 3-4.
58. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939.
59. Евсеев Н.Ф. Свенцянский прорыв (1915 г.). М., 1936.
60. Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918 гг. М., 1938-1939. Т. I-II.
61. Залесский К.А. Алексей Ермолаевич Эверт – забытый генерал забытой войны // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2015. № 1 (14). С. 53–85.
62. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
63. История Первой мировой войны 1914—1918 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1975. Т. 1-2.
64. Кедрин В. Александровское военное училище. 1863-1901. М., 1901.
65. Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1992-1994. Т. 1-4.
66. Коленковский А. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940.
67. Корольков Г.К. Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923.
68. Лалаев М.С. Исторический очерк образования и развития первого Московского кадетского корпуса, что ныне первая московская военная гимназия 1778-1878. Спб., 1878.
69. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 2003.

70. Луганин А. И. Опыт истории Лейб-гвардии Волынского полка. Часть 2. 1850-1879. Варшава, 1889.
71. Нелипович С.Г. «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006.
72. Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 632-634.
73. Нелипович С.Г. Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013.
74. Нелипович С.Г. Наступление русского Юго-Западного фронта летом-осенью 1916 года: война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3. С. 40-50.
75. Оберюхтин В.И. Барановичи. 1916 г. Военно-исторический очерк. М., 1935.
76. Операции 2-й армии в Шампани // Военный зарубежник. 1922, №10-11.
77. Оськин М. В. Брусилов. Царский красный генерал. М., 2013.
78. Оськин М.В. Алексей Ермолаевич Эверт // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 30-51.
79. Оськин М.В. Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016.
80. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М., 2014.
81. Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны. М., 1938.
82. Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 2. М., 1979.
83. Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.
84. Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980.
85. Смирнов П.С. Прорыв укрепленной полосы. М., 1941.

86. Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. / Комис. по исслед. и использованию опыта мировой и гражданской войны. М., 1920-1923.
87. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974.
88. Супотницкий М.В., Петров С.В., Ковтун В.А. Влияние химического оружия на тактику и оперативное искусство Первой мировой войны (исторический очерк) // Вестник войск РХБ защиты. 2017. Т. 1. № 1. С. 53-68; № 2. С. 39-63; № 3. С. 51-78.
89. Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаса во время империалистической войны 1914–1918 гг. М., 1942.
90. Черкасов П.В. Мировая война 1914-1918. «Луцкий прорыв» Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 года. М., 1924.
91. Stone N. The Eastern front 1914-1917. Lnd., 1974.